Жюль Вернъ.

Архипелагъ въ огнѣ.

РОМАНЪ.

Съ рисунками Бенета.

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.

МОСКВА.—1898.

ГЛАВА I.

Корабль въ открытомъ морѣ.

18-го октября 1827 г., около пяти часовъ пополудни, небольшое левантское судно, придерживаясь попутнаго вѣтра, старалось держаться какъ можно круче, чтобы успѣть до ночи пристать къ порту Витило, расположенному при входѣ въ Коронскій заливъ. Этотъ портъ построенъ въ одномъ изъ трехъ узкихъ, глубоко вдающихся въ материкъ заливовъ, образующихъ въ моряхъ Іоническомъ и Эгейскомъ какъ бы громадный листъ латаніи (сравненіе вполнѣ удачное и очень часто примѣняемое къ южной части Греціи, извѣстной въ древности подъ именемъ Пелопоннеса, а въ наши времена называемой Мореей). Одинъ изъ этихъ трехъ заливовъ, самый восточный, заливъ Коронскій, отдѣляетъ Мессенію отъ Майны; другой, Мараѳонскій, широко омываетъ полукругомъ суровую Лаконію; третій, Навплійскій, отдѣляетъ Лаконію отъ Арголиды.

Гавань Витило, какъ уже было сказано выше, принадлежитъ къ первому изъ трехъ названныхъ заливовъ.

Укрѣпленная на границѣ его праваго берега, въ глубинѣ небольшой и неправильной бухты, окруженная возвышенностями горы Тайгетъ, она, такимъ образомъ, прекрасно защищена отъ всѣхъ вѣтровъ Средиземнаго моря, а благодаря своему твердому дну, считается одной изъ лучшихъ и довольно безопасныхъ остановокъ.

Несмотря на то, что сумерки еще не наступили, приближеніе левантскаго судна съ набережной Витило не могло быть замѣчено. Ихъ раздѣляло пространство въ шесть-семь миль, и развѣ одинъ только краешекъ его самыхъ высокихъ парусовъ едва-едва вырисовывался на свѣтлой полосѣ горизонта.

Но то, что не могло быть замѣчено внизу, могло быть видно наверху, съ вершинъ возвышающихся надъ селеніемъ горныхъ хребтовъ. Портъ Витило чрезвычайно живописенъ. Онъ построенъ амфитеатромъ по уступамъ крутыхъ скалъ, защищаемыхъ древней крѣпостью Келафой. Надъ крѣпостью высятся старинныя, полуразрушенныя башни; но эти башни не такъ древни, какъ другія, не менѣе ихъ любопытныя, развалины. То развалины храма Сераписа; эти послѣднія еще древнѣе; а между тѣмъ, ихъ колонны и капители въ строго іоническомъ стилѣ еще до сихъ поръ украшаютъ церковь въ Витило. Невдалекѣ отъ полуразрушенныхъ башенъ виднѣлось нѣсколько маленькихъ часовенъ. Церковныя службы исполнялись тамъ монахами „калуэрами“, но почти ни-

кто никогда не посѣщалъ ихъ. Эту фразу „церковныя службы исполнялись тамъ монахами“, а особенно слово „монахами“, слѣдовало бы объяснить болѣе подробно, но такъ какъ одинъ изъ этихъ монаховъ, только что вышедшій изъ своей часовни, можетъ вполнѣ служить типомъ подобныхъ „калуэровъ“, то пусть читатель по немъ судитъ и объ остальныхъ. Въ описываемую нами эпоху, религія въ Греціи представляла изъ себя странную смѣсь языческихъ легендъ съ христіанскими вѣрованіями.

Еще многіе среди христіанъ почитали древнихъ богинь наравнѣ со святыми мученицами новой религіи. Даже еще до сихъ поръ, по словамъ Генриха Белля, они смѣшиваютъ полубоговъ со святыми, лѣшихъ воспѣваютъ вмѣстѣ съ ангелами и поклоняются сиренамъ, фуріямъ и другимъ языческимъ божествамъ. Отсюда произошло множество своеобразныхъ обычаевъ, множество суевѣрій, заставляющихъ образованнаго человѣка невольно улыбаться и составляющихъ въ общемъ такой невообразимый хаосъ язычества, смѣшаннаго съ православіемъ, что даже духовенству подчасъ трудно бываетъ въ немъ разобраться. Къ тому же, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а именно въ первую четверть его, духовенство въ Греціи было крайне невѣжественно; а монахи, эти „добрые малые“, наивные, безпечные, часто очень вольнаго поведенія, были еще того менѣе способны руководить суевѣрнымъ населеніемъ.

И если бы они были только невѣжественны! А то въ нѣкоторыхъ уголкахъ Греціи, въ особенности въ окрестностяхъ суровой Майны, эти бѣдные люди, набранные изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества, испытывая страшную нужду, благодаря суровой природѣ и почти полному отсутствію церковныхъ доходовъ, такъ какъ къ нимъ рѣдко кто обращался за исполненіемъ православныхъ требъ, вели самое жалкое, нищенское существованіе. Вся ихъ дѣятельность ограничивалась только тѣмъ, что они давали иногда вѣрующимъ прикладываться къ апокрифическимъ иконамъ да поддерживали огонь въ лампадахъ на гробницахъ святыхъ. Они, не стѣсняясь, попрошайничали у великодушныхъ путешественниковъ и, нанимаемые приморскими жителями, нисколько не гнушались исполнять должности дозорщиковъ и сторожей.

На берегу порта Витило, лѣниво растянувшись на пескѣ, лежало нѣсколько моряковъ. Для нихъ, какъ для итальянскихъ „lazzaroni“, послѣ нѣсколькихъ минутъ работы требовалось нѣсколько часовъ отдыха, но теперь, при видѣ калуэра, быстро спускающагося къ нимъ и оживленно размахивающаго руками, всѣ сразу повскакали со своихъ мѣстъ.

Монаху было лѣтъ пятьдесятъ, пятьдесятъ-пять. Онъ былъ чрезвычайно толстъ и не такъ толстъ, какъ жиренъ. Его хитрая красная физіономія внушала съ перваго же раза очень мало довѣрія.

— Эй ты, отче, что тамъ такое? — закричалъ одинъ изъ моряковъ, не утерпѣвъ и побѣжавъ самъ къ нему навстрѣчу.

Витиліенецъ говорилъ гнусавымъ голосомъ, на томъ майнотскомъ простонарѣчіи, гдѣ греческій языкъ смѣшался и съ турецкимъ, и съ итальянскимъ, и съ албанскимъ, какъ будто бы это нарѣчіе возникло во время Вавилонскаго столпотворенія.

— Вѣрно, войско Ибрагима заняло вершины Тайгета?— закричалъ другой морякъ.

И въ тонѣ его голоса слышалось столько безпечности и равнодушія, что невольно думалось, какъ мало патріотизма въ этомъ человѣкѣ!

— Ужъ только бы не французы, съ тѣми намъ рѣшительно нечего дѣлать, — замѣтилъ первый морякъ.

— Ну, одни другихъ стоятъ! — воскликнулъ третій.

Эй ты, отче, что тамъ такое? (Стр. 4.)

Всѣ эти возгласы и замѣчанія какъ нельзя лучше обрисовывали характеръ уроженцевъ южнаго Пелопоннеса и ихъ отношенія къ происходившей въ то время войнѣ за независимость. А между тѣмъ, ихъ же сосѣди и соотечественники, сѣверные майноты, принимали дѣятельное участіе въ этой войнѣ и блестяще отличались на полѣ брани.

Толстый монахъ не отвѣчалъ ни тому ни другому изъ спрашивавшихъ его моряковъ. Онъ такъ усталъ отъ скорой ходьбы, что не въ

силахъ былъ произнести ни одного слова. Хотѣлъ отвѣтить и не могъ. Грудь его судорожно подымалась, потъ градомъ катился съ его жирнаго краснаго лица.

— Да ну же тебя, отецъ, говори скорѣе!—вскричалъ старикъ Годзо.

Годзо чутьемъ угадывалъ, что хотѣлъ сообщить имъ монахъ, и отъ этого былъ еще нетерпѣливѣе, чѣмъ другіе.

Толстяку удалось, наконецъ, перевести дыханіе, и, указывая рукою на горизонтъ, онъ поспѣшно проговорилъ:

— Судно на морѣ!

Бездѣльники сразу встрепенулись. Громко крича и радостно хлопая въ ладоши, они со всѣхъ ногъ бросились къ ближайшей скалѣ. Оттуда видъ на море значительно расширялся, да и наблюдать сверху было удобнѣе, чѣмъ съ набережной, внизу.

Глядя на нихъ, на ихъ шумный, нескрываемый восторгъ, иностранецъ, пожалуй, могъ бы подумать, что въ нихъ говоритъ простое любопытство приморскихъ жителей. Какой же морякъ не станетъ интересоваться внезапнымъ появленіемъ незнакомаго судна вблизи своей гавани? Это такъ понятно и такъ естественно! Но, нѣтъ; это было далеко не такъ, и интересъ ихъ былъ совсѣмъ особенный.

Не только въ то время, когда происходила эта исторія, но и въ то, когда она описывалась, Майна представляла изъ себя страну, совершенно независимую отъ Греціи. Она осталась независимой даже и послѣ того, когда европейскія державы въ 1829 г. Адріанопольскимъ трактатомъ признали Грецію самостоятельнымъ королевствомъ. Майноты, или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, что заселяютъ длинные и узкіе мысы между заливовъ, остались и до сихъ поръ полудикимъ народомъ. Цивилизація почти не коснулась ихъ. Они гораздо больше заботятся о своей личной свободѣ, чѣмъ о благосостояніи своей страны. Вотъ почему эту часть Мореи и нельзя было никогда покорить. Ни турецкіе янычары ни греческіе жандармы не въ силахъ были сладить съ ними. Вѣчно ссорящіеся между собой, крайне мстительные и строго соблюдающіе обычай кровавой мести, разбойники отъ природы, они не останавливаются ни предъ какимъ преступленіемъ, даже убійствомъ, ради наживы. Весьма гостепріимные въ то же время, они крѣпко засѣли въ горахъ Тайгета и преспокойно живутъ себѣ въ своихъ маленькихъ крѣпостцахъ „pyrgos“, какъ средневѣковые феодалы въ замкахъ, признавая одно только „кулачное право“. И это прямые потомки спартанцевъ!

Если въ настоящее время майноты находятся еще въ полудикомъ состояніи, то легко себѣ представить, чѣмъ они были пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ! Покуда пароходы, крейсеровавшіе въ Средиземномъ морѣ, не начали укрощать ихъ хищническіе разбои, они были въ первую четверть IX столѣтія самыми смѣлыми, неустрашимыми и опасными пиратами, и ни одно торговое судно не могло безпрепятственно миновать ихъ береговъ. И дѣйствительно, портъ Витило, по своему положенію на окраинѣ Пелопоннеса, вблизи острова Чериготто, излюбленнаго мѣстопребыванія корсаровъ, былъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнымъ пунктомъ для нападенія и какъ нельзя болѣе способствовалъ развитію морского разбоя въ Архипелагскомъ и Средиземномъ моряхъ.

Мѣстность, гдѣ сосредоточивалась жизнь обитателей этой части Майны, оканчивающейся мысомъ Матапаномъ, носила особенное названіе „Каковонни“, и каковонніоты съ наслажденіемъ предавались своему преступному промыслу. На морѣ — они нападали на проходящія суда, на сушѣ—заманивали ихъ къ берегу съ помощью ложныхъ сигналовъ. И будь то турки, мальтійцы, египтяне, даже греки — имъ было все равно. Они съ одинаковымъ звѣрствомъ грабили и жгли ихъ корабли, убивали или продавали въ рабство несчастныхъ моряковъ. Если работа пріостанавливалась, т. е. если „каботеры“ (моряки, плавающіе у береговъ) переставали показываться около Коронскаго и Мараѳонскаго заливовъ, то майноты возносили пламенныя молитвы къ богу-громовержцу, прося его ниспослать бурю и потопить въ морѣ хоть одно богато нагруженное судно. И калуэры никогда не отказывались служить имъ молебны. Вотъ уже нѣсколько недѣль прошло безъ всякой наживы для витиліенцевъ. Немудрено, что вѣсть, принесенная монахомъ о приближеніи незнакомаго судна, вызвала такой неожиданный взрывъ радости въ морякахъ. Почти тотчасъ же раздались глухіе удары „симандры“. (Въ греческихъ провинціяхъ, гдѣ турки запрещали употребленіе металлическихъ колоколовъ, были изобрѣтены особенные деревянные колокола съ желѣзными языками и назывались они „симандрами“.) Алчное населеніе Витило: мужчины, женщины и дѣти, даже лютые кровожадные псы, всѣ одинаково способные къ грабежу и убійству, быстро сбѣжались на этотъ заунывный погребальный звонъ.

А моряки, стоявшіе на высокой скалѣ, громко крича и поминутно перебивая другъ друга, спорили тѣмъ временемъ между собой, что бы это было за судно?

Нордъ-нордъ-вестъ, съ приближеніемъ сумерекъ, все крѣпчалъ да крѣпчалъ, а корабль несся на всѣхъ парусахъ. Слѣдя за его направленіемъ, можно было предположить, что онъ шелъ отъ острова Крита. Надъ блестящею пѣнистою струей, разбѣгающеюся позади его, уже виднѣлся высокій кузовъ, но паруса представляли изъ себя еще неясную бѣлую массу. Трудно было рѣшить, какое это судно, и потому горячіе споры на скалѣ ни на минуту не затихали.

— Это шебека! — увѣреннымъ голосомъ говорилъ одинъ изъ моряковъ. — Я ясно вижу четыреугольные паруса фокъ-мачты.

— Ну, нѣтъ, — говорилъ другой, — это пинка; посмотри, приподнятый задъ и выпуклый форштевень.

— Шебека или пинка! Ну, кто можетъ ихъ распознать на такомъ разстояніи?

— Не полакра ли это, вѣдь у той тоже четыреугольные паруса?— замѣтилъ кто-то.

— Эхъ, кабы Богъ помогъ намъ! — вздыхалъ старикъ Годзо, глядя вдаль въ сложенный кулакъ, вмѣсто подзорной трубы. — И полакра, и шебека, и пинка — все трехмачтовыя суда, а вѣдь трехмачтовые корабли куда лучше двухмачтовыхъ, если дѣло касается винъ съ острова Кандіи да смирнскихъ тканей!

Такое мудрое замѣчаніе заставило наблюдающихъ еще внимательнѣе, еще зорче всматриваться въ море. Корабль тѣмъ временемъ приближался, мало-по-малу увеличиваясь въ своихъ размѣрахъ; но именно, вслѣдствіе того, что онъ слишкомъ круто придерживался вѣтра, его

поперечный разрѣзъ не былъ виденъ. Кто могъ сказать, двѣ или три на немъ мачты и, слѣдовательно, на какую добычу можно было надѣяться?

— Эхъ, чортъ попуталъ! Нищета проклятая! — проворчалъ старый Годзо, прибавляя на своемъ многоязычномъ жаргонѣ еще нѣсколько звучныхъ ругательствъ. (Онъ никакъ не могъ не подправить свою рѣчь какимъ-нибудь крѣпкимъ словечкомъ.) — Это просто-напросто фелука!..

— И даже не фелука, а сперонада, маленькое мальтійское суденышко! — вскричалъ калуэръ, не менѣе другихъ заинтересованный приближеніемъ загадочнаго судна.

На минуту отчаяніе охватило всѣхъ. Но нѣтъ, этотъ корабль не могъ имѣть меньше ста или ста-двадцати тоннъ водоизмѣщенія. Наконецъ, дѣло не въ томъ, великъ ли былъ грузъ, все зависѣло отъ его цѣнности. Иногда совершенно простыя фелуки, даже сперонады бываютъ нагружены дорогими винами, тонкими маслами и драгоцѣнными тканями. Въ такихъ случаяхъ стоитъ потрудиться и атаковать ихъ: добыча всегда съ избыткомъ вознаграждаетъ трудъ. Итакъ отчаиваться было еще рано. Къ тому же, старые моряки, опытные въ подобныхъ дѣлахъ, находили особенную элегантность въ ходѣ корабля, что, по ихъ мнѣнію, свидѣтельствовало въ его пользу.

Солнце садилось, медленно, медленно опускаясь въ Іоническое море. Октябрьскія сумерки тянулись долго, цѣлый часъ. До абсолютной темноты оставалось еще достаточно времени, чтобы разсмотрѣть судно. Какъ разъ въ это время корабль, обогнувъ мысъ Матапанъ, чтобы удобнѣе было войти въ заливъ, повернулся своимъ бокомъ, и глазамъ всѣхъ наблюдающихъ на скалѣ представилось легкое, красивое трехмачтовое судно.

— Саколэвъ! — вскричалъ Годзо.

— Саколэвъ! — радостно подхватила вся толпа.

Теперь уже никто не спорилъ. Всѣ ясно видѣли, что корабль, маневрировавшій въ Коронскомъ заливѣ, былъ саколэвъ.

Витиліенцы слишкомъ поторопились жаловаться на свою судьбу и преслѣдующую ихъ вѣчную неудачу. На такихъ корабляхъ не разъ находили богатые, рѣдкіе товары.

Саколэвомъ называется на Востокѣ средней величины трехмачтовое судно. Его погибь, т. е. кривая линія его палубы, слегка заострена и приподнята сзади. Онъ оснащенъ тремя однодеревыми мачтами съ шпрюйтовыми парусами, изъ которыхъ самая высокая, укрѣпленная въ центрѣ судна и сильно наклоненная впередъ „гротъ-мачта" имѣетъ четыреугольный латинскій парусъ, марсель *), и летучій бомъ-брамсель **). Впереди находятся два кливера ***), а на заднихъ двухъ неравныхъ мачтахъ развѣваются остроконечные паруса. Кузовъ, окрашенный въ яркую краску, уклонъ форштевеня, разнообразныя снасти, фантастическая форма парусовъ — все это вмѣстѣ дѣлаетъ его однимъ изъ инте-

*) Марсели — паруса, поднимаемые на стеньгахъ. Стеньга — продолженіе мачты кверху. Стеньги носятъ названіе по мачтѣ.

**) Бомъ-брамсели — 4-ый рядъ прямыхъ парусовъ, считая отъ палубы кверху.

***) Кливера — косые паруса, которые ставятся вдоль судна, въ діаметральной плоскости.

реснѣйшихъ образчиковъ тѣхъ граціозныхъ кораблей, что цѣлыми сотнями лавируютъ въ моряхъ Архипелага.

И дѣйствительно, ничего не можетъ быть изящнѣе такого оригинальнаго судна, качающагося на волнахъ и взбивающаго морскую пѣну такъ легко и свободно. Вамъ кажется, что надъ сверкающимъ при по-

Капитанъ стоялъ гордо выпрямившись. (Стр. 12.)

слѣднихъ лучахъ заходящаго солнца моремъ ныряетъ громадная птица и своими бѣлыми крыльями чуть-чуть задѣваетъ пѣнящіяся волны. Несмотря на то, что вѣтеръ крѣпчалъ, а небо покрывалось зловѣщими тучками, саколэвъ нисколько не уменьшилъ своихъ парусовъ. Онъ даже не убралъ летучій бомъ-брамсель, чего другой, менѣе безстрашный морякъ, на его мѣстѣ, пожалуй, не рискнулъ бы сдѣлать. Ясно, что капитанъ спѣшилъ пристать къ берегу, а вовсе не намѣревался провести

ночь на морѣ, гдѣ уже начинала бушевать непогода. Но если на этотъ счетъ витиліенцы могли оставаться спокойными, то зато другой вопросъ оставался покуда неразрѣшеннымъ. Какой же портъ выберетъ капитанъ для стоянки?

— Ахъ, чтобъ его! — сердито вскричалъ одинъ изъ пиратовъ. — Онъ, кажется, и не думаетъ приставать!

— Хоть бы дьяволъ потащилъ его на буксирѣ! — вскричалъ другой. — Да пристанетъ ли онъ, наконецъ!

— Можетъ-быть, онъ идетъ въ Коронъ?

— Или въ Каломату?

И то и другое было возможно. Коронъ былъ большой портъ, и левантскіе торговые корабли очень часто заходили туда. Коронъ занимался вывозомъ масла изъ южной Греціи, а Каломата, построенная въ глубинѣ залива, славилась своими рынками, изобилующими мануфактурными товарами, матеріями и глиняною посудой, доставляемой туда съ Востока. Поэтому ничего не было невозможнаго въ томъ, что саколэвъ направлялся въ одинъ изъ этихъ портовъ, минуя Витило. Это только разрушало нѣкоторымъ образомъ тайныя мечты витиліенцевъ насчетъ грабежа и богатой добычи... А саколэвъ, между тѣмъ, продолжалъ нестись на всѣхъ парусахъ. Вотъ сейчасъ поравняется онъ съ портомъ Витило... Вотъ уже поравнялся... Настала рѣшительная минута. Если онъ будетъ продолжать подыматься вглубь залива, то для Годзо и его товарищей нѣтъ болѣе надежды поживиться на его счетъ. Какъ бы ни были легки ихъ ботики, какой бы ловкостью и силой ни отличались гребцы, имъ никогда не догнать саколэвъ. Какъ онъ красивъ! Какъ гнутся его тонкія мачты подъ громадными парусами, а онъ точно и не чувствуетъ всей этой тяжести, летитъ себѣ да летитъ!

— Онъ идетъ сюда, къ намъ! — замирающимъ отъ восторга голосомъ закричалъ вдругъ старый морякъ.

Онъ не ошибся. Саколэвъ шелъ прямо на Витило. Уже второй кливеръ и летучій бомъ-брамсель были убраны, марсель взятъ на гитовы *). Теперь, облегченный отъ половины снастей, корабль управлялся только рукой рулевого. Ночь наступала. До полной темноты оставалось какъ разъ столько времени, чтобы войти въ гавань порта. Фарватеръ былъ не совсѣмъ безопасенъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находились даже очень опасныя подводныя скалы. Чтобы не потерпѣть крушенія и сумѣть вовремя избѣжать невидимую опасность, необходимо было твердо изучить дно. На гротъ-мачтѣ же маленькаго судна даже лоцманскій флагъ не былъ поднятъ. Вѣрно, капитанъ, управляющій саколэвомъ, хорошо зналъ эту мѣстность, что рѣшался пускаться въ путь самостоятельно, безъ помощи проводника. А можетъ-быть, онъ, зная нравы и обычаи этихъ уже слишкомъ опытныхъ проводниковъ, боялся довѣриться имъ? Вѣдь они не постѣснялись бы посадить его на мель и погубить такъ же, какъ погубили уже немало судовъ?

Ни одинъ маякъ не освѣщалъ гавань Витило. Одни только обыкновенные портовые огоньки могли служить руководителями въ этомъ уз-

---

*) Взять на гитовы — убрать паруса. Гитовы — снасти для подтягиванія угловъ паруса, при его уборкѣ, къ срединѣ реи.

комъ, темномъ проходѣ. Несмотря на это, саколэвъ приближался. Вотъ онъ уже только въ полмилѣ отъ порта. Чувствовалось, что имъ управляетъ опытная искусная рука: такъ твердо и увѣренно приставалъ онъ къ берегу.

Съ неудовольствіемъ слѣдили за нимъ витиліенцы: они разсчитывали на то, что корабль непремѣнно наткнется на рифъ. Подводныя скалы въ такихъ случаяхъ всегда оказывали имъ свою помощь. Онѣ начинали дѣло, пираты доканчивали его. Сперва крушеніе, потомъ грабежъ — вотъ ихъ всегдашній способъ дѣйствія. Благодаря этому способу, они избѣгали прямого нападенія и сопряженнаго съ нимъ рукопашнаго боя, внушающаго имъ всегда нѣкоторый страхъ.

Опасенія ихъ были не безосновательны: многіе торговые корабли имѣли прекрасно вооруженный экипажъ, всегда храбро сражающійся и никогда не оставляющій безнаказаннымъ такое безцеремонное нападеніе. Разбойники не разъ платились жизнью за свою алчность.

Молча, не теряя драгоцѣннаго времени, витиліенцы, слѣдомъ за Годзо, оставили свой наблюдательный постъ и спустились внизъ къ берегу.

Имъ предстояло много работы. Прежде всего и во что бы то ни стало, надо было посадить саколэвъ на мель, а для этого требовалось сбить его съ вѣрнаго пути.

Наступившая осенняя ночь, еще не глубокая, но достаточно темная для того, чтобы затруднить маневрированіе судна, какъ нельзя болѣе благопріятствовала ихъ планамъ.

— Къ портовымъ огнямъ! — раздалось тихое, несложное приказаніе Годзо.

Витиліенцы, привыкшіе всегда безпрекословно подчиняться его волѣ, сразу поняли своего предводителя, и черезъ двѣ минуты простой фонарь, висѣвшій на шестѣ на стѣнкѣ гавани, вдругъ погасъ.

Въ ту же минуту и въ томъ же направленіи вспыхнулъ другой огонекъ. Огни были совершенно одинаковы; и размѣръ и свѣтъ ихъ былъ какъ будто одинъ и тотъ же, только первый свѣтилъ неподвижно, а второй почему-то постоянно колебался, точно переходилъ съ мѣста на мѣсто.

Такъ оно и было въ дѣйствительности. Разбойники сняли съ шеста фонарь, прикрѣпили его къ рогамъ овцы и затѣмъ стали медленно прогуливать ее на веревкѣ вдоль берега. Путешествуя вмѣстѣ съ овцой, этотъ своеобразный маякъ долженъ былъ, по расчету моряковъ, обязательно сбить съ толку саколэвъ и заставить его неправильно маневрировать.

Уже не въ первый разъ витиліенцы поступали такимъ образомъ. Мало того, въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ преступныя предпріятія оканчивались неудачно. Саколэвъ тѣмъ временемъ входилъ въ фарватеръ. Уже большой парусъ на его гротъ-мачтѣ былъ взятъ на гитовы, оставались одни только задніе паруса да одинъ изъ кливеровъ. Къ крайнему удивленію всѣхъ наблюдающихъ на берегу, корабль маневрировалъ замѣчательно спокойно и съ твердой увѣренностью обходилъ всякій разъ опасныя мѣста. Подвижной маякъ на берегу, повидимому, не имѣлъ для него никакого значенія. Безъ сомнѣнія, капитанъ саколэва уже не въ первый разъ посѣщалъ этотъ портъ, иначе откуда же это спокой-

ствіе и эта увѣренность среди темной осенней ночи? Вотъ и онъ, этотъ смѣлый морякъ. Его черный силуэтъ уже ясно начинаетъ выступать изъ мрака. Онъ стоитъ на носу своего корабля, закутавшись въ широкія складки шерстяного плаща, съ накинутымъ на голову капюшономъ. Нѣтъ, онъ не похожъ на этихъ скромныхъ капитановъ каботажныхъ торговыхъ судовъ, плавающихъ около острововъ Архипелага. Тѣ трусы, и видъ у нихъ самый жалкій. Они не выпускаютъ изъ рукъ своихъ четокъ и дрожащими отъ страха пальцами, шепча молитвы безостановочно, во все время маневрированія своего судна перебираютъ крупные шарики четокъ. А этотъ стоитъ спокойно, смѣло глядитъ вдаль и твердымъ, увѣреннымъ голосомъ отдаетъ приказанія стоявшему сзади него рулевому. Вдругъ подвижной маякъ на берегу погасъ. Саколэвъ и на этотъ разъ не смутился. Правда, была минута, когда казалось, что судно, потерявъ свое прямое направленіе, должно неизбѣжно наткнуться на подводный камень, лежавшій почти въ уровень съ водою, всего въ двадцати саженяхъ отъ порта. Въ темнотѣ невозможно было разглядѣть его. Но легкій толчокъ въ мель, и саколэвъ измѣнилъ свое направленіе, а подводный рифъ остался въ сторонѣ. Та же ловкость рулевого помогла ему миновать и вторую мель,—мель, о которую не одно уже судно разбивалось, дѣлаясь затѣмъ жертвой хищничества пиратовъ. Пропала послѣдняя надежда на крушеніе. Еще двѣ минуты, и саколэвъ броситъ якорь въ портѣ.

— Къ лодкамъ! — скомандовалъ старикъ Годзо.

И толпа, человѣкъ въ тридцать сильныхъ, рослыхъ моряковъ, вооружившись пистолетами, кинжалами и топорами, бросилась къ своимъ лодкамъ, привязаннымъ внизу у пристани.

Саколэвъ уже вышелъ на средину гавани. Вотъ закрѣпили послѣдніе паруса, загремѣла цѣпь, бросили якорь, и корабль, въ послѣдній разъ вздрогнувъ всѣмъ своимъ корпусомъ, неподвижно остановился.

Обыкновенно на каботажныхъ судахъ, при видѣ приближающихся пиратовъ, начинался всегда страшный переполохъ: экипажъ спѣшилъ вооружиться, поминутно слышался тревожный голосъ капитана, отдающаго приказанія, — всѣ готовились къ битвѣ. Теперь же ничего этого не было. Не видно было никакихъ особенныхъ приготовленій, не слышно было никакого шума. Капитанъ спокойно прогуливался по палубѣ; матросы прилежно убирали снасти.

Вотъ первая лодка причалила къ саколэву, за ней другая, третья, и цѣлая флотилія въ одну минуту, съ дикими криками, грозно потрясая въ воздухѣ оружіемъ, осадила корабль. Еще минута, и пираты, какъ черные тараканы, со всѣхъ сторонъ полѣзли на палубу.

Большинство, самые яростные, бросилось къ кормѣ. Одинъ, схвативши большой фонарь, подскочилъ къ капитану и освѣтилъ его лицо. Капитанъ стоялъ гордо выпрямившись, скрестивъ на груди руки и презрительнымъ взглядомъ окидывалъ окружавшую его толпу разбойниковъ.

— Что же, — проговорилъ онъ спокойнымъ и строгимъ голосомъ,— развѣ витиліенцы не узнаютъ больше своего соотечественника Николая Старко?

Быстро отчалили лодки отъ саколэва, и не прошло и пяти минутъ, какъ онѣ уже снова приставали къ набережной порта.

ГЛАВА II.

Другъ предъ другомъ.

Минутъ десять спустя, легкое гребное судно, ботикъ, отчалило отъ саколэва и высадило на берегъ, безъ всякаго конвоя и даже безъ вся-

Мать сама подожгла домъ. (Стр. 20.)

каго оружія, того, предъ кѣмъ витиліенцы такъ быстро отступили.

То былъ капитанъ „Каристы", судна, только что бросившаго якорь въ портѣ. Средняго роста, коренастый и широкоплечій, съ длинными черными кудрями и высокимъ гордымъ лбомъ, съ суровымъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ и съ торчащими въ стороны косматыми усами, онъ, на первый разъ, казался лѣтъ тридцати-пяти, немногимъ больше,

но лицо его грубое, загорѣлое отъ вѣтра и солнца, какое-то жестокое непріятное выраженіе глазъ и глубокая морщина на лбу — дѣлали его гораздо старше этихъ лѣтъ. При этомъ онъ производилъ впечатлѣніе нечестнаго человѣка. Одѣтъ онъ былъ довольно странно. На немъ была не то куртка, не то жилетъ, просто какой-то коричневый кафтанъ съ капюшономъ, расшитый темнымъ суташомъ, и широкія зеленоватыя шаровары, засунутыя въ высокіе кожаные сапоги. Такъ обыкновенно одѣвались моряки съ варварійскихъ береговъ. А между тѣмъ, Николай Старко былъ родомъ грекъ, и портъ Витило былъ его родиной. Здѣсь провелъ онъ первые годы своей юности. Здѣсь, среди этихъ утесовъ, ребенкомъ и отрокомъ изучилъ онъ морскую жизнь, здѣсь научился онъ искусству плаванія по волѣ вѣтровъ и теченій. Здѣсь, въ Витило, не было ни одного уголка, гдѣ бы онъ самъ не измѣрилъ глубины моря, крутизны береговъ; не было ни одного рифа, ни одного утеса, ни одного камешка на днѣ морскомъ, ему неизвѣстнаго. Онъ зналъ наизусть всѣ повороты въ каналѣ, всѣ безчисленныя извилины его и могъ во всякое время дня и ночи, съ закрытыми глазами, проѣхать по немъ безъ помощи лоцмана, даже безъ компаса. Вотъ почему, несмотря на фальшивые сигналы своихъ соотечественниковъ, Старко такъ увѣренно и безошибочно сумѣлъ провести свой саколэвъ. Онъ зналъ, что на витиліенцевъ нельзя полагаться. Не разъ видѣлъ онъ, какъ поступали они въ такихъ случаяхъ. Быть-можетъ, онъ и не осуждалъ ихъ за это, — вѣдь лично ему нечего было бояться ихъ нападенія.

Но если Николай Старко зналъ, что за люди были витиліенцы, то и витиліенцы знали, что за человѣкъ былъ Николай Старко.

Послѣ смерти отца, бывшаго одной изъ жертвъ турецкаго насилія, мать его, задыхаясь отъ ненависти къ врагамъ, только и мечтала о мести, только и ждала минуты, чтобы принять участіе въ первомъ же возстаніи противъ оттоманской тиранніи. Когда Николаю исполнилось восемнадцать лѣтъ, онъ бросилъ мать, родительскій домъ и ушелъ въ море. Онъ плавалъ преимущественно въ Архипелагѣ и скоро сдѣлался пиратомъ. На какихъ судахъ служилъ онъ въ это время, какіе корсары были его начальниками, подъ чьимъ покровительствомъ началъ онъ свою карьеру, чью кровь проливалъ: кровь ли враговъ, или кровь своихъ же братьевъ, грековъ,— на это никто, кромѣ него, не могъ бы отвѣтить. Правда, его не разъ видѣли въ различныхъ портахъ Коронскаго залива; пожалуй, многіе изъ его соотечественниковъ могли бы разсказать о его высокихъ подвигахъ, о томъ, какъ онъ, въ сообществѣ шайки пиратовъ, разбивалъ цѣлые торговые корабли, разорялъ и грабилъ цѣлыя богатства... но дѣло въ томъ, что никто никогда не рѣшился бы этого сдѣлать. Имя Николая Старко было окружено какой-то таинственностью.

Его всѣ знали и предъ нимъ всѣ трепетали и преклонялись. Поэтому-то витиліенцы, какъ только услышали, кто былъ капитанъ пріѣхавшаго судна, такъ сейчасъ же и оставили свое намѣреніе разграбить саколэвъ.

Когда капитанъ „Каристы" вступилъ на берегъ, то мужчины и женщины, выбѣжавшіе къ нему навстрѣчу, почтительно разступились предъ нимъ и въ глубокомъ молчаніи дали ему дорогу. Казалось, одинъ видъ этой мрачной фигуры внушалъ всѣмъ страхъ и уваженіе.

Всѣ ждали, когда онъ начнетъ говорить, никто не рѣшался первый обратиться къ нему съ рѣчью. Но вотъ Николай Старко обернулся къ стоявшимъ сзади него матросамъ и приказалъ имъ вернуться на бортъ саколэва. Затѣмъ онъ поднялся на набережную порта, молча прошелъ нѣсколько шаговъ, потомъ остановился и, подозвавъ къ себѣ стараго витиліенца, слѣдовавшаго все время за нимъ, какъ бы въ ожиданіи приказаній, сказалъ ему:

— Годзо, мнѣ нужно десять здоровыхъ молодцовъ для моего экипажа.

— Хорошо, — отвѣчалъ Годзо, — ты ихъ получишь.

Если бы капитанъ „Каристы" пожелалъ набрать среди этого морского населенія сто человѣкъ къ себѣ въ матросы, такъ и сто человѣкъ немедленно послѣдовали бы за нимъ, готовые раздѣлить съ нимъ его участь, не спрашивая, куда и зачѣмъ онъ ихъ поведетъ.

— Чтобы черезъ часъ эти десять человѣкъ были на бортѣ саколэва, — прибавилъ капитанъ.

— Будутъ, — лаконически отвѣчалъ ему Годзо.

Жестомъ показавъ, что теперь онъ желаетъ остаться одинъ, Старко сталъ взбираться снова по набережной и вскорѣ скрылся въ одной изъ темныхъ и узкихъ улицъ маленькаго порта.

Старикъ Годзо вернулся къ товарищамъ и, не медля ни минуты, приступилъ къ выбору десяти человѣкъ, нужныхъ для пополненія экипажа „Каристы". А Николай Старко, тѣмъ временемъ, взбирался все выше и выше по склону крутого утеса, поддерживающаго селеніе Витило. Тамъ, наверху, было тихо и такъ пустынно, какъ будто все вымерло. Только нѣсколько морскихъ чаекъ кружились въ воздухѣ да откуда-то изрѣдка доносился вой собакъ. То были громадные псы съ широкою мордой какъ у дога, съ огромной пастью; они нисколько не боялись палокъ и были не менѣе опасны для путешественника, чѣмъ волки и шакалы. Вотъ окончилась тѣсная улица, скрылись послѣдніе городскіе домики, и Старко вышелъ на узкую тропинку, окаймляющую крѣпость Келаеру. Онъ обошелъ кругомъ развалинъ этой крѣпости, построенной Вилль-Гардуиномъ въ то еще время, когда крестоносцы занимали нѣкоторые пункты на Пелопоннесѣ, обошелъ старыя полуразрушенныя башни, еще до сихъ поръ украшающія береговую скалу, остановился на минуту и оглянулся. На горизонтѣ, близъ мыса Галло, подымалась луна; еще немного, и свѣтъ ея разольется въ водахъ Іоническаго моря. Кое-гдѣ, среди разорванныхъ облаковъ, гонимыхъ свѣжимъ вечернимъ вѣтеркомъ, блистали звѣзды. Кругомъ царила мертвая тишина. Два или три маленькихъ паруса, едва замѣтные для глаза, мелькали на поверхности залива. Если бы не разноцвѣтные фонарики, качавшіеся на вершинѣ мачтъ, ихъ, пожалуй, нельзя было бы и различить. Напротивъ, внизу, вдоль берега мелькали огоньки. Ихъ пламя трепетало и дробилось, отражаясь въ темной водѣ. Были ли то огни рыболовныхъ барокъ или огни береговыхъ жилищъ — трудно сказать.

Взглядомъ, привычнымъ къ темнотѣ, окидывалъ Николай всю эту безпредѣльную даль. Во взглядѣ моряка есть особенная сила: онъ видитъ тамъ, гдѣ глазъ обыкновеннаго человѣка ничего не различаетъ. Но въ эту минуту его смущала не природа, а его собственный внутренній міръ. Онъ стоялъ неподвижно, скрестивъ на груди руки и задумавшись, безсознательно вдыхалъ полной грудью этотъ родной воздухъ, само

дыханіе своей отчизны. Капюшонъ спалъ къ нему на плечи, и его черная курчавая голова казалось высѣченной изъ камня. Прошло четверть часа, а Николай все еще стоялъ на утесѣ и смотрѣлъ въ темную даль. Наконецъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, свернулъ въ сторону и пошелъ наискось береговой скалы. Не случайно повернулъ онъ въ сторону и не случайно пошелъ по этой тропинкѣ. Какая-то тайная мысль руководила имъ.

Ничего нѣтъ безлюднѣе этого мѣста, начиная отъ мыса Матапана и кончая самой верхней излучиною Коронскаго залива. Природа самая дикая и суровая. Нѣтъ ни апельсинныхъ ни лимонныхъ деревьевъ, вы не увидите тамъ даже шиповника, не говоря уже объ олеандрахъ, о смоковницѣ, о сливовыхъ деревьяхъ, однимъ словомъ — о той растительности, что дѣлаетъ изъ нѣкоторыхъ мѣстечекъ Греціи чудную, благоухающую страну. Ни зеленаго дуба, ни чинары, ни гранатной яблони, что всегда такъ эффектно вырисовывается на темномъ фонѣ кипарисовъ и кедровъ. Повсюду только голыя скалы и камни, грозящіе ежеминутно обрушиться въ воды залива. На всемъ лежитъ отпечатокъ самой суровой бѣдноты. Видно, что эта страна скупо, какъ мачеха, кормитъ своихъ обитателей. Нѣсколько изсохшихъ, кривыхъ елей, нѣсколько тощихъ, малорослыхъ кактусовъ съ листьями, похожими на плѣшивыхъ ежей, — вотъ и все, что можно еще встрѣтить на этихъ скалахъ. Даже дикимъ козамъ, живущимъ тамъ, при всей ихъ невзыскательности и крайнемъ воздержаніи въ пищѣ, даже чмъ подчасъ нечѣмъ бываетъ питаться. Пройдя шаговъ двадцать, Николай Старко снова остановился, поднялъ голову и взглянулъ на сѣверо-востокъ, гдѣ на свѣтлѣющемъ фонѣ небосклона обрисовывался профиль далекой вервершины Тайгета. На горизонтѣ, какъ два громадныхъ свѣтляка, еще блестѣли двѣ звѣзды. А предъ нимъ, шагахъ въ пятидесяти отъ него, прилѣпившись къ выступу скалы, стоялъ маленькій, низкій деревянный домъ. Николай молча смотрѣлъ на это скромное, уединенное жилище, куда вела только узкая, совсѣмъ заросшая и страшно крутая тропинка.

Домикъ, выглядывавшій изъ-за ободранныхъ деревьевъ и окруженный колючей изгородью, имѣлъ такой жалкій, заброшенный видъ. Изгородь, мѣстами разросшаяся, мѣстами выломанная и потоптанная не разъ, навѣрное, забѣгавшими сюда шакалами и дикими собаками, пришла въ совершенный упадокъ. Дворикъ, давно уже не расчищаемый заботливою рукой человѣка, весь поросъ сорными травами и низкими кустарниками. Но почему же никто не живетъ въ этомъ домѣ? почему же произошло это страшное запустѣніе? А потому, что владѣлецъ этого небольшого участка земли уже много лѣтъ какъ умеръ. Потому, что вдова его, Андроника Старко, покинула родину, чтобъ принять участіе въ войнѣ за независимость и встать на ряду съ отважнѣйшими женщинами, прославившимися въ этой войнѣ. Потому, что сынъ ихъ со дня своего бѣгства еще ни разу не возвращался въ родительскій домъ. А между тѣмъ, въ этомъ домикѣ онъ родился. Тамъ протекли первые годы его дѣтской жизни... Отецъ его былъ честный, славный морякъ. Онъ никогда не сходился со своими соотечественниками, никогда не одобрялъ ихъ образа жизни и всегда старался держаться въ сторонѣ отъ нихъ. Ихъ морскіе разбои ужасали его. Болѣе образованный и болѣе зажиточный, чѣмъ они, онъ сумѣлъ устроить себѣ жизнь по

вкусу, дѣля весь свой досугъ между любимою женой и единственнымъ ребенкомъ. И жизнь ихъ протекала счастливо и незамѣтно у мирнаго домашняго очага. Какъ вдругъ, въ порывѣ гнѣва, онъ какъ-то разъ попробовалъ возмутиться противъ насилія, и что же? Онъ заплатилъ за это жизнью. Даже здѣсь, на самой вершинѣ дикой скалы, чуть не

Корфу. Видъ цитадели. (Стр. 27.)

на краю свѣта, нельзя было избавиться отъ турецкихъ шпіоновъ! У юноши отняли отца. Некому было руководить его бурнымъ характеромъ, а матери не подъ силу было сдерживать его, и Николай покинулъ родительскій домъ, ушелъ въ море и сталъ разбойничать. Ужъ десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ сынъ бросилъ свое жилище, и шесть лѣтъ—какъ бросила его мать. Говорили, что Андроника иногда навѣщаетъ свой домъ; по крайней мѣрѣ, ее тамъ видѣли, но вообще

она появлялась въ Витило очень рѣдко, всегда не надолго и никогда ни съ кѣмъ изъ мѣстныхъ жителей не разговаривала. Что же касается до ея сына, то хотя Николай и не разъ приставалъ къ берегамъ своей отчизны, но до этого дня онъ никогда еще не высказывалъ желанія увидѣть снова свой маленькій домикъ на дикой скалѣ. Стоитъ ли еще онъ тамъ или ужъ разрушенъ; что сталось съ его матерью, гдѣ она, приходитъ ли она когда-нибудь на старое свое пепелище или нѣтъ — все это были вопросы, повидимому, мало интересующіе его. Но, можетъ-быть, среди кровавыхъ событій, происходившихъ въ то время въ Греціи, имя Андроники долетѣло и до него; быть-можетъ, это имя вызвало въ немъ раскаяніе, расшевелило его совѣсть, если только совѣсть не совсѣмъ заглохла въ немъ? Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ Николай Старко бросилъ якорь въ портѣ Витило не для того только, чтобы подкрѣпить свой экипажъ десятью матросами. Страстное желаніе, даже больше чѣмъ желаніе, какая-то внутренняя, безотчетная и непонятная для него сила влекла его сюда. Онъ чувствовалъ непреодолимую потребность, въ послѣдній разъ конечно, взглянуть на отцовскій домъ, еще хоть разъ ступить ногой на ту землю, гдѣ впервые научился онъ ходить, подышать воздухомъ, заключеннымъ въ этихъ стѣнахъ, гдѣ онъ дышалъ ребенкомъ, гдѣ сталъ впервые лепетать. Вотъ что заставило его подняться по крутой заросшей тропинкѣ на вершину дикой скалы; вотъ почему въ этотъ часъ темной осенней ночи очутился онъ предъ заброшеннымъ домомъ своихъ родителей. Но здѣсь опять онъ остановился. Какая-то робость охватила его. Нѣтъ такого зачерствѣлаго сердца въ мірѣ, что не сжалось бы предъ нѣкоторыми воспоминаніями прошлаго, и не надо родиться въ роскошныхъ палатахъ, чтобы чувствовать то, что чувствуешь предъ мѣстомъ, гдѣ убаюкивала тебя нѣжная рука любящей матери. Такъ было и съ Николаемъ Старко.

Долго стоялъ онъ у входа въ садикъ и все не рѣшался войти въ этотъ мрачный, таинственный, какъ будто мертвый домъ. „Войти или не войти?“ думалъ онъ; онъ точно боялся, что вотъ-вотъ его услышатъ, и вотъ кто-нибудь появится въ дверяхъ. А войти туда — что могло быть легче! Изгородь вся поломана, полусгнившія подпорки лежатъ на землѣ, калитки не существуетъ. Достаточно оттолкнуть засовъ, и вы войдете въ маленькій, запущенный дворикъ. И Николай рѣшился, наконецъ, войти, но предъ домомъ опять остановился. Боже, какое запустѣніе! Вся сгнившая отъ дождей крыша поддерживалась только заржавленными и источенными сыростью стропилами. Едва ступилъ онъ на первую ступеньку крыльца, какъ изъ-подъ навѣса, густо заросшаго мостаковымъ деревомъ, съ дикимъ крикомъ вылетѣла громадная черная сова. Николай вздрогнулъ, и снова суевѣрный страхъ овладѣлъ имъ. Но нѣтъ, онъ хочетъ, онъ долженъ осмотрѣть весь домъ, до послѣдней комнаты. Онъ чувствовалъ какое-то раскаяніе, какъ будто совѣсть упрекала его въ чемъ-то, и онъ втайнѣ сердился на самого себя за то, что, помимо его воли, происходило въ его душѣ. Онъ былъ и растроганъ и разсерженъ въ одно и то же время. Ему чудилось, что изъ-подъ этой родительской кровли обрушится на него послѣднее проклятіе. И передъ тѣмъ, какъ войти въ этотъ домъ, Николай рѣшилъ обойти его кругомъ. Среди бѣлаго дня онъ, пожалуй, ни за что не рѣшился бы прійти сюда! А теперь темная ночь какъ будто придавала ему больше

смѣлости: вѣдь никто не могъ видѣть его, да и онъ самъ себя даже не видѣлъ. Осторожно, точно воръ, изучающій всѣ подходы къ намѣченному имъ для грабежа жилищу, пробирался онъ вдоль потрескавшихся стѣнъ, огибая углы, поросшіе мохомъ, ощупывая руками расшатанные кирпичи, какъ бы желая удостовѣриться, насколько еще жизнь сохранилась въ этомъ домѣ, и, наконецъ, прислушиваясь къ своему сердцу, не перестало ли оно биться, не замерло ли оно совсѣмъ въ его груди.

Задній фасадъ дома казался еще мрачнѣе. Туда даже слабый свѣтъ луны не могъ проникнуть. Медленно обошелъ онъ все зданіе и снова подошелъ къ крыльцу. Ему оставалось только толкнуть дверь, если она была на защелкѣ, или выломать ее, если она была заперта. Но вдругъ кровь бросилась ему въ лицо. Въ одномъ изъ оконъ онъ увидѣлъ свѣтъ... Теперь ужъ, несмотря на все свое страстное желаніе взглянуть въ послѣдній разъ на тѣ комнаты, гдѣ онъ провелъ свое счастливое дѣтство, Николай Старко окончательно не смѣлъ войти въ этотъ домъ. Ему такъ и казалось, что вотъ сейчасъ дверь дома отворится, на порогѣ покажется отецъ или мать, и что они проклянутъ его какъ дурного сына, дурного гражданина, измѣнника семьи и предателя отчизны! И въ эту минуту, дѣйствительно, дверь медленно отворилась. На порогѣ показалась женщина. На ней была черная юбка съ узенькою красною каемкой, темная, стянутая въ таліи, кофта и широкій коричневый чепецъ на головѣ, обернутый фуляромъ подъ цвѣтъ національнаго греческаго флага. Ея лицо, загорѣлое какъ у прибрежныхъ рыбачекъ, дышало энергіей. Въ большихъ черныхъ глазахъ свѣтились умъ и отвага. Она была высока ростомъ и, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, стройна какъ молодая дѣвушка. Ее звали Андроника Старко. Послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, мать и сынъ, наконецъ, встрѣтились. Сынъ былъ пораженъ этою встрѣчей, уничтоженъ, несмотря на то, что только и думалъ о ней.

— Никогда больше нога Николая Старко не вступитъ въ домъ его отца!.. никогда!.. — раздался надъ нимъ голосъ его матери.

И этотъ голосъ заставилъ его содрогнуться и невольно отступить на нѣсколько шаговъ. Андроника жестомъ руки запрещала ему дальнѣйшій входъ въ жилище. Та, которая родила его, теперь гнала прочь какъ измѣнника!

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, но жестъ еще болѣе энергичный, жестъ проклятія остановилъ его. Онъ въ ужасѣ отшатнулся и какъ безумный бросился бѣжать. Онъ бѣжалъ не оглядываясь, какъ будто какая-то невидимая рука толкала его сзади. А тамъ, наверху, стоя на ступенькахъ своего дома, неподвижная какъ статуя, стояла Андроника и, не спуская глазъ, смотрѣла на удалявшагося сына.

Нѣсколько минутъ спустя, Николай Старко, совершенно оправившійся отъ только что пережитаго имъ волненія, уже входилъ на бортъ своего саколэва. Вновь набранные изъ витиліенцевъ матросы уже ожидали его на палубѣ. Молча вошелъ онъ на мостикъ и знакомъ приказалъ сниматься съ якоря. Матросы мигомъ принялись за дѣло. Подулъ легкій береговой вѣтерокъ, и не прошло и пяти минутъ, какъ „Кариста“ плавнымъ, увѣреннымъ ходомъ вышла изъ гавани и направилась въ открытое море. Ни съ палубы ея ни съ берега Витило не раздалось ни одного прощальнаго привѣта.

Только высокая скала на мысѣ вдругъ освѣтилась яркимъ зловѣщимъ пламенемъ. То горѣлъ домикъ Андроники Старко. Мать сама подожгла его,— она не желала, чтобъ оставался хотя слѣдъ того дома, гдѣ родился ея преступный сынъ.

И сынъ понялъ это. До послѣдней минуты смотрѣлъ онъ на зарево и не могъ оторваться отъ него, а въ ушахъ его такъ и звучалъ грозный голосъ его матери:

„Никогда больше нога Николая Старко не вступитъ въ домъ его отца!.. никогда!..“

ГЛАВА III.

Греки противъ турокъ.

Грецiя возникла еще въ доисторическiя времена, когда твердая кора земного шара, подъ влiянiемъ подземныхъ силъ, начала мало-по-малу формироваться. Этотъ кончикъ земли, благодаря потопу, былъ выброшенъ на поверхность воды, тогда какъ большая часть континента исчезла подъ волнами Архипелага. Однѣ только вершины его выступили изъ моря и образовали собою безчисленные острова. По своему географическому положенiю Грецiя лежитъ на вулканической полосѣ, простирающейся отъ Кипра до Тосканы. Непостоянство родной почвы какъ бы отразилось и на самой природѣ эллиновъ: они, если можно такъ выразиться, унаслѣдовали отъ нея подвижность ума, пылкость и непостоянство характера, и, благодаря этимъ качествамъ, ихъ геройскiе поступки доходили иногда до грандiозныхъ размѣровъ. Не менѣе справедливо и то, что ихъ личныя свойства — неукротимая храбрость, патрiотизмъ и любовь къ свободѣ — не мало способствовали тому, что всѣ эти бѣдныя провинцiи, въ продолженiе нѣсколькихъ вѣковъ согбенныя подъ турецкимъ игомъ, освободились, наконецъ, и образовали вновь независимое государство.

Въ самыя отдаленныя времена Грецiя была заселена пелазгами, племенемъ, вышедшимъ изъ Азiи. Въ XVI вѣкѣ до Р. Хр. пришли туда эллины, и по имени одного изъ ихъ племенъ, племени грайковъ, или грековъ, Грецiя получила свое названiе. Эти почти миѳологическiя времена Аргонавтовъ, Гераклидовъ и Троянской войны продолжались до XIV вѣка до Р. Хр. Начиная съ Ликурга наступаетъ перiодъ собственно греческой исторiи. Выдѣляются славныя имена Мильтiада, Ѳемистокла, Аристида, Леонида, Эсхила, Софокла, Аристофана, Геродота, Ѳукидида, Пиѳагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Гиппократа, Фидiя, Перикла, Алкивiада, Пелопида, Эпаминонда и Демосѳена. При Филиппѣ и Александрѣ Грецiя подпадаетъ подъ власть Македонiи, а въ 146 г. до Р. Хр. ее покоряютъ римляне и обращаютъ въ римскую провинцiю, подъ именемъ Ахайи. Владычество римлянъ на Балканскомъ полуостровѣ продолжается почти четыреста лѣтъ. Съ этого времени Грецiя послѣдовательно подвергается набѣгамъ со стороны вестотовъ, вандаловъ, остготовъ, болгаръ, славянъ, арабовъ, норманновъ и сицилiйцевъ, а въ началѣ XIII вѣка ея побѣдителями являются крестоносцы. Въ XV вѣкѣ мы видимъ Грецiю раздробленной на множество отдѣльныхъ

владѣній, и, наконецъ, эта несчастная страна, послѣ всего того, что она испытала и пережила за столько лѣтъ, попадаетъ въ жестокія руки турокъ, подъ мусульманское владычество. Можно сказать, что политическая жизнь въ Греціи въ продолженіе почти двухсотъ лѣтъ не существовала. Деспотизмъ турецкихъ чиновниковъ, въ рукахъ которыхъ

Генрихъ спасаетъ жизнь Андроникѣ. (Стр. 29.)

сосредоточена была главная власть, переходилъ всякія границы. Грековъ нельзя было назвать присоединеннымъ къ Турціи народомъ, или завоеваннымъ, или даже побѣжденнымъ,— это были просто рабы, и съ ними обращались безчеловѣчно. Надъ ними день и ночь тяготѣла палка паши, имѣвшаго по правую руку отъ себя „имама", или священника, а по лѣвую — палача. Но жизнь еще не совсѣмъ покинула умирающую страну. Въ 1766 году вспыхнуло первое возстаніе въ Эпирѣ, черно-

горцы объявили себя независимыми; въ 1769 году возмутились майноты, за ними албанцы. Но въ 1804 году всѣ эти попытки возстановить свою независимость, всѣ эти кровавые мятежи были окончательно подавлены при Али-Тибеленѣ, паши Янины.

Наступило время, когда европейскія державы волей-неволей должны были вмѣшаться въ событія, происходившія на Балканскомъ полуостровѣ, иначе имъ пришлось бы быть свидѣтелями печальной кончины Греціи. Предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, истощенная въ физическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, она неминуемо должна была погибнуть въ неравной борьбѣ за вѣру и независимость.

Въ 1821 году Али-Тибеленъ, возмутившись, въ свою очередь, противъ султана Махмуда, сталъ сзывать къ себѣ на помощь грековъ, обѣщая имъ за это свободу. Греки массами откликнулись на его зовъ.

Со всѣхъ концовъ Европы на помощь грекамъ стали стекаться добровольцы „филеллены“ (любители грековъ). Между ними были итальянцы, поляки, нѣмцы, но больше всего было французовъ. Имена Гюи-де-Синтъ-Еленъ, де-Гайаръ, де-Шовассэнъ, имена капитановъ Балестъ и Журдинъ, полковника Фабвье, эскадроннаго командира Реніо-де-Синтъ-Жанъ-д'Анжели, генерала Мэзонъ и славныя имена трехъ англичанъ: лорда Кочрэна, лорда Байрона и полковника Гастингса — оставили по себѣ неизгладимое впечатлѣніе. Въ этой странѣ, куда они явились для защиты, готовые пожертвовать своею жизнью, и гдѣ многіе изъ нихъ, дѣйствительно, погибли, имена ихъ покрылись громкою безсмертною славой. Со стороны Греціи явились герои изъ самыхъ древнихъ аристократическихъ фамилій, это были: трое Гидріотовъ, Томбазисъ, Міаулисъ и Колокотрони, потомъ Маркъ Ботцарисъ, Маврокордато, Мавромихали, Константинъ Канарисъ, Негрисъ, Константинъ и Дмитрій Ипсиланти и многіе другіе.

Съ самаго же начала простое возстаніе превратилось въ смертный бой, зубъ за зубъ, око за око; началось обоюдное страшное мщеніе. Въ 1821 году возстали суліоты и майноты. Епископъ Германосъ, съ крестомъ въ рукѣ, поднялъ возстаніе въ Патрасѣ. Морея, Молдавія и Архипелагъ собрались подъ знаменами свободы. Благодаря почти постояннымъ морскимъ побѣдамъ, эллинамъ удалось, наконецъ, завоевать Триполицу. На эти первые успѣхи грековъ турки отвѣтили тѣмъ, что умертвили всѣхъ ихъ соотечественниковъ, находившихся въ то время въ Константинополѣ. Въ 1822 году Али-Тибеленъ, засѣвшій въ своей крѣпости Янинѣ, былъ убитъ измѣнническимъ образомъ во время одного совѣщанія, предложеннаго ему турецкимъ генераломъ Куршильдомъ.

Вскорѣ послѣ этого Маврокордато и филеллены были разбиты въ битвѣ при Поттѣ, около рѣки Арты; но при осадѣ крѣпости Миссолунги, армія д'Омера Вріона съ большими потерями принуждена была отступить и снять осаду, такъ что побѣда снова перешла на сторону грековъ. Въ 1823 году иностранныя державы стали принимать болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ Балканскаго полуострова.

Онѣ предложили султану свое посредничество, но султанъ отвѣтилъ отказомъ, и вслѣдъ за этимъ послалъ на островъ Эвбею десять тысячъ азіатскихъ солдатъ своего войска, а своего вассала, египетскаго пашу Мехмеда-Али, назначилъ командующимъ турецкою арміей. Въ этотъ

годъ былъ убитъ прославившійся своими геройскими подвигами пламенный патріотъ Маркъ Ботцарисъ. Про этого человѣка безъ всякой лести можно было смѣло сказать, что онъ жилъ какъ Аристидъ, а умеръ какъ Леонидъ.

Въ 1824 году, 24-го января, въ Миссолунги прибылъ лордъ Байронъ, а 2-го апрѣля, того же года, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, онъ уже умиралъ предъ Лепанто. Ему не суждено было видѣть осуществленіе своихъ грезъ наяву!

Ипсаріоты были истреблены турками, и городъ Кандія, на островѣ Критѣ, передался на сторону войскъ Мехмеда-Али. Среди всѣхъ этихъ бѣдствій однѣ только морскія побѣды могли хоть немного ободрить грековъ.

Въ 1825 году сынъ Мехмеда-Али, Ибрагимъ-паша, во главѣ одиннадцатитысячнаго войска, высадился въ Мореѣ, въ крѣпости Модонъ, овладѣлъ Навариномъ и при Триполицѣ разбилъ на-голову Колокотрони. Въ это же время греческое правительство поручило цѣлый корпусъ регулярныхъ войскъ командѣ двухъ французовъ: Фабвье и Реніо-де-Синтъ-Жанъ-д'Анжели. Но прежде, чѣмъ эти послѣдніе получили возможность противодѣйствовать врагамъ, Ибрагимъ-паша уже началъ свое варварское опустошеніе въ Мессеніи и Майнѣ, и только новая осада Миссолунговъ заставила его уйти оттуда и присоединиться къ своему товарищу по оружію, генералу Кіутаки; генералъ никакъ не могъ завладѣть злополучнымъ городомъ, несмотря даже на то, что султанъ, посылая его на войну, сказалъ ему на прощанье: „Или Миссолунги, или твоя голова!"

Въ 1826 году, 5-го января, сжегши по пути Пиргосъ, Ибрагимъ подошелъ къ Миссолунгамъ. Три дня, съ 25-го по 28-ое, продолжалась осада. Восемь тысячъ бомбъ и каленыхъ ядеръ было брошено въ несчастный городъ, три раза непріятель пробовалъ взять его штурмомъ; но осажденные, несмотря на всю малочисленность своего войска (ихъ было только двѣ тысячи-пятьсотъ человѣкъ), несмотря на усталость и голодъ,— не сдавались, и турки не могли пробраться за городскую черту. А между тѣмъ, всѣ понимали, что побѣда должна была остаться на сторонѣ турокъ. Это выяснилось еще рѣзче тогда, когда эскадра Міолиса, явившаяся на помощь осажденнымъ, была оттѣснена. И вотъ 23 апрѣля, послѣ послѣдней кровавой защиты, городъ сдался во власть Ибрагима.

Турки съ остервенѣніемъ кинулись убивать мужчинъ, женщинъ и дѣтей, однимъ словомъ, всѣхъ оставшихся еще въ живыхъ изъ девятитысячнаго городского населенія. Въ тотъ же годъ они, подъ предводительствомъ Кіутаки, разграбивъ Фокиду и Беотію, явились въ Ѳивы, а 10-го іюля прошли въ Аттику, заняли Аѳины и, водворившись тамъ, принялись за осаду Акрополя, защищаемаго пятнадцатью сотнями грековъ. Новое греческое правительство послало на помощь осажденнымъ войско, подъ начальствомъ Караискакисъ и полковника Фабвье. Сраженіе, данное ими при Хаидари, было проиграно греками, и Кіутаки снова принялся за осаду Акрополя. Между тѣмъ, Караискакисъ пробрался сквозь Парнасскія ущелья и 5-го декабря разбилъ турокъ при Араховѣ. Послѣ этой побѣды на полѣ сраженія остался цѣлый холмъ, воздвигнутый изъ его трофеевъ; то были триста отрубленныхъ турецкихъ головъ. Почти вся сѣверная Греція снова сдѣлалась свободной.

Къ несчастью, въ продолженіе всей этой войны, Архипелагъ неоднократно подвергался набѣгамъ со стороны самыхъ страшныхъ пиратовъ. И среди нихъ имя пирата Сакратифа, какъ самого жестокаго и въ то же время самаго отважнаго, заставляло трепетать отъ ужаса все населеніе Востока.

Между тѣмъ, за семь мѣсяцевъ до начала нашей исторіи, турки принуждены были удалиться въ крѣпости южной Греціи. Въ февралѣ 1827 года греки отвоевали свою независимость, начиная отъ залива Амбрасіи до границъ Аттики. Турецкій флагъ развѣвался теперь только въ Миссолунгахъ, Вoницѣ и Нопактѣ.

Жители сѣверной Греціи и Пелопоннеса, подъ вліяніемъ лорда Кочрэна, прекратили, наконецъ, свои междоусобныя войны и 31 марта, собравъ всѣхъ представителей націи на общее совѣщаніе, они рѣшили сосредоточить верховную власть въ одной рукѣ Президентомъ республики былъ выбранъ единогласно иностранецъ, .русскій дипломатъ, но грекъ по рожденію, уроженецъ Корфу, графъ Іоаннъ Каподистрія.

Со всѣмъ этимъ, Аѳины еще находились въ рукахъ турокъ, а 5-го іюня Акрополь сдался на капитуляцію, и сѣверная Греція принуждена была признать себя опять въ полной зависимости отъ Турціи. Правда, 6-го іюля Россія, Англія, Австрія и Францiя подписали соглашеніе, по которому Греція признавалась независимымъ государствомъ, а Турцію рѣшено было побудить къ этому сперва переговорами, а въ случаѣ отказа — оружіемъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ исторія всей этой кровавой войны. Читатель долженъ возстановить ее въ своей памяти, такъ какъ дальнѣйшее содержаніе нашего романа относится непосредственно къ этимъ историческимъ фактамъ. Война Греціи за независимость породила не только героевъ, но и героинь, и имена ихъ прославились въ эту эпоху нисколько не меньше, чѣмъ имена героевъ-мужчинъ.

Въ числѣ знаменитыхъ женщинъ этого времени одно изъ первыхъ мѣстъ занимала и Андроника, вдова пострадавшаго патріота Старко. Исторія оставила намъ много интереснаго изъ жизни этихъ доблестныхъ женщинъ. Такъ, одна изъ нихъ, Боболина, родомъ съ одного маленькаго острова, расположеннаго при входѣ въ Навплійскій заливъ, начала мстить мусульманамъ за смерть своего мужа. Въ 1812 году ея мужъ былъ захваченъ въ плѣнъ турками, отвезенъ въ Константинополь и тамъ, по приказанію султана, посаженъ на колъ.

Раздался первый крикъ возмущенія противъ угнетенія свободы и независимости, и вотъ въ 1821 году Боболина на собственныя средства вооружаетъ три корабля и, водрузивъ на нихъ свое знамя съ знаменитою фразой спартанскихъ женщинъ: „съ нимъ или на немъ“, отправляется къ берегамъ Малой Азіи и тамъ, съ неустрашимостью и отвагой любого полководца, разбиваетъ и сожигаетъ турецкія суда. Затѣмъ, подаривъ великодушно свои корабли греческому правительству, она присутствуетъ при осадѣ Триполицы, устраиваетъ вокругъ Навпліи цѣлую блокаду, продолжающуюся четырнадцать мѣсяцевъ, и принуждаетъ, наконецъ, крѣпость сдаться. И эта женщина, чья жизнь болѣе походитъ на легенду, чѣмъ на дѣйствительность, погибаетъ отъ руки своего брата, изъ-за пустячной семейной ссоры!

А вотъ исторія и другой женщины. Одни и тѣ же факты ведутъ за собой все тѣ же послѣдствія.

По приказу султана, отецъ Модены Мовроейнисъ былъ задушенъ въ Константинополѣ. И эта женщина, дивной красоты, аристократка по происхожденію, немедленно дѣлается одной изъ самыхъ яростныхъ за-

Ксарисъ всегда сопровождалъ Хаджину. (Стр. 31.)

чинщицъ возмущенія. Она убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ поднять бунтъ, строитъ и вооружаетъ военныя суда, организуетъ общества гверильясовъ (партизанскія войска), сама руководитъ ими, заграждаетъ путь Селиму-пашѣ въ узкихъ проходахъ Пеліона и до самаго окончанія войны не оставляетъ своей блестящей дѣятельности. А Каидосъ, разрушившая съ помощью мины стѣны Виліи и съ такой отчаянной храбростью защищающаяся въ монастырѣ св. Венеранды? А ея мать,

сражавшаяся на ряду со своимъ мужемъ; а Деспо, взорвавшая себя и всю семью, чтобъ только не достаться въ руки мусульманамъ? Вспомнимъ суліотскихъ женщинъ; вспомнимъ тѣхъ, что покровительствовали новому національному правительству, основавшемуся въ Саламинѣ; припомнимъ, наконецъ, Констанцію Сахаріасъ, первую, подавшую въ Лапоніи сигналъ къ возмущенію и бросившуюся на Леондари во главѣ пятисотъ крестьянъ! Да и много, много еще было подобныхъ имъ женщинъ! Всѣ онѣ проливали свою кровь за освобожденіе отчизны, всѣ доказали, на что могутъ быть способны предки славныхъ эллиновъ! Исторія Андроники Старко была подобна имъ. Не желая носить обезчещенную сыномъ фамилію, она подъ однимъ только именемъ Андроники присоединилась къ возстанію. Она не была настолько богата, какъ Боболина, Модена и Сахаліасъ, чтобы на собственныя деньги снаряжать военные корабли или набирать отряды волонтеровъ; зато она всю себя отдала на служеніе своему народу и ради него пожертвовала своей жизнью. Въ 1821 г., когда, приговоренный къ смерти и удалившійся на Іоническіе острова, Колокотрони 18-го января того же года высадился въ Скардамулѣ и призвалъ къ себѣ майнотовъ, то Андроника присоединилась къ своимъ соплеменникамъ и вмѣстѣ съ ними приняла участіе въ этой первой битвѣ въ Ѳессаліи, на берегу рѣки Руфіи. Она участвовала и въ битвѣ при Вальтезіо, 17-го мая, когда армія Мустафы-бея обратилась въ позорное бѣгство. Въ особенности же отличалась она при осадѣ Триполицы, когда спартанцы прозвали турокъ „подлыми персами", а тѣ ихъ — „трусливыми зайцами Лаконіи". Но на этотъ разъ зайцы одержали верхъ; турецкій флотъ, не будучи въ силахъ защищать больше свою крѣпость, принужденъ былъ 5-го октября сдать столицу Пелопоннеса на капитуляцію. Несмотря на договоръ, городъ былъ преданъ огню, и цѣлыхъ три дня продолжалась жестокая кровавая рѣзня. Десять тысячъ турокъ обоего пола, безъ различія возраста, были истреблены побѣдителями. Въ слѣдующемъ году, 4-го марта, Андроника присутствовала при морскомъ сраженіи. Она была на одномъ изъ судовъ, предводительствуемыхъ адмираломъ Міаулисъ, и видѣла, какъ турецкія корабли послѣ пятичасового сраженія обратились въ бѣгство. На одномъ изъ непріятельскихъ судовъ она узнала своего сына. Какъ опытный лоцманъ, онъ проводилъ турецкіе корабли черезъ Патрасскій заливъ. Стыдъ, горе охватили сердце бѣдной матери: такого позора она не могла выдержать и съ той минуты только и думала о смерти. Она искала, звала ее — но смерть не приходила. А сынъ ея въ своихъ преступныхъ дѣяніяхъ пошелъ еще дальше! Нѣсколько недѣль спустя, присоединившись къ войскамъ Кара-Али, онъ принялъ участіе въ бомбардированіи города Хіо, на островѣ того же имени. Онъ участвовалъ въ избіеніи двадцати-трехъ милліоновъ христіанъ, не считая сорока-семи милліоновъ, проданныхъ въ рабство на рынкахъ Смирны! Мало того, онъ былъ капитаномъ корабля, повезшаго часть этихъ несчастныхъ къ варварійскимъ берегамъ... Онъ, сынъ Андроники, грекъ — продающій своихъ братьевъ?!.

Печальныя времена, особенно для Мореи. Ибрагимъ поселилъ тамъ дикихъ арабовъ, тѣ стали еще болѣе неистовствовать, чѣмъ турки. Колокотрони, назначенный главнокомандующимъ пелопоннесскихъ войскъ, едва могъ собрать около себя четыре тысячи воиновъ. Въ числѣ ихъ

находилась и Андроника. Высадивъ на Мессенійскомъ берегу одиннадцать тысячъ солдатъ, Ибрагимъ прежде всего осадилъ Коронъ и Патрасъ: крѣпость упрочивала его положеніе на сушѣ, портъ — на морѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ сжегъ Аргосъ, отнялъ у грековъ Триполицу и началъ свои опустошительныя нападенія на сосѣднія провинціи. Такъ продолжалось до самой зимы. Въ особенности жестоко потерпѣла отъ него Мессенія. Не разъ приходилось Андроникѣ убѣгать въ глубь страны, чтобы только не попасться въ дикія руки арабовъ! Но объ отдыхѣ она и не думала. Она дѣйствовала въ кампаніи 1825 года, а въ 1826 году сражалась на ряду съ солдатами въ Вергійскихъ ущеліяхъ. Эта послѣдняя битва заставила Ибрагима удалиться на Поліаравосъ, откуда сѣверные маніоты прогнали его еще дальше.

Присоединившись къ регулярному войску полковника Фабвье, Андроника въ іюлѣ мѣсяцѣ 1826 года участвовала въ битвѣ при Хаидари и тамъ, опасно раненая, она спаслась отъ безжалостныхъ солдатъ Кіутаки только благодаря помощи одного молодого французскаго офицера. Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ жизнь отважной женщины была въ опасности, но ея крѣпкое сложеніе спасло ее и на этотъ разъ отъ смерти. Не будучи еще въ силахъ снова принимать участіе въ войнѣ, Андроника вернулась къ себѣ на родину, въ суровую Майну. Ей захотѣлось еще разъ увидѣть свой домикъ въ Витило. Странная случайность привела туда же и въ тотъ же день и часъ ея сына...

Результатъ этой встрѣчи уже извѣстенъ читателю. Порвавъ такимъ образомъ послѣднюю связь съ родиной, Андроника рѣшила вернуться на поле брани и сражаться до тѣхъ поръ, пока Греція не вернетъ своей самостоятельности.

При такихъ обстоятельствахъ, 10-го марта 1827 года она покинула родныя мѣста и отправилась въ Пелопоннесъ, гдѣ греки шагъ за шагомъ отвоевывали свою землю отъ кровожадныхъ солдатъ Ибрагима.

IV

Печальный домъ богача.

Въ то время, какъ „Кариста“ съ какой-то тайной цѣлью, извѣстной только ея капитану, шла на сѣверъ, на островѣ Корфу произошло одно маленькое событіе. Хотя это событіе и не имѣло ничего общаго съ войной за независимость, тѣмъ не менѣе оно было довольно важно, такъ какъ касалось главныхъ дѣйствующихъ лицъ нашего романа.

Въ 1814 году Іоническіе острова находились подъ попечительствомъ Франціи, въ 1815 же году они были отданы подъ покровительство Англіи *). Изо всей этой группы островов: Чериго, Занте, Итака, Кефалонія, Левкада, Паксо и Корфу, — Корфу самый сѣверный и въ то же время самый важный по своему значенію. Это древняя „Коркира“. Ея царемъ былъ нѣкогда великодушный Алкиной, гостепріимно пріютившій у себя Язона и Медею, а послѣ Троянской войны мудраго

*) Съ 1864 года Іоническіе острова возвратили себѣ свою независимость, ихъ раздѣлили на три округа и присоединили къ Греческому королевству.

Улисса. Вообще, этотъ островъ въ исторіи древней Греціи занималъ не послѣднее мѣсто. Послѣ войнъ съ франками, болгарами, сарацинами и неаполитанцами, совершенно разграбленный въ VI-мъ вѣкѣ Фридрихомъ Барбароссой, покровительствуемый въ XVIII-мъ вѣкѣ графомъ де-Шулембургъ и защищаемый въ концѣ первой имперіи генераломъ Донзелотъ, Корфу сдѣлался, наконецъ, резиденціей великаго комиссара Англіи. Въ описываемую нами эпоху великимъ комиссаромъ и губернаторомъ Іоническихъ острововъ былъ сиръ Фредерикъ Адамъ. Въ виду всевозможныхъ непріятныхъ случайностей, могущихъ произойти благодаря греко-турецкимъ войнамъ, великій комиссаръ имѣлъ постоянно у себя подъ рукой нѣсколько фрегатовъ, назначенныхъ для полицейскаго надзора въ Архипелагскихъ моряхъ. Да и дѣйствительно, только такія военныя суда и могли хоть сколько-нибудь поддержать порядокъ въ этихъ моряхъ, гдѣ безъ-устали день и ночь шныряли и греки, и турки, и разные торговые корабли, и почта, и, наконецъ, пираты, этотъ бичъ Средиземнаго моря, жегшіе и грабившіе безъ разбора всѣ попадавшіеся имъ на пути корабли.

Въ то время въ Корфу можно было встрѣтить не мало иностранцевъ, пріѣхавшихъ на защиту Греціи. Одни уѣзжали оттуда на мѣсто военныхъ дѣйствій, другіе пріѣзжали туда, чтобы отдохнуть, поправить свое здоровье и запастись новыми силами.

Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ одинъ молодой французъ, Генрихъ д'Альбарэ, морякъ и лейтенантъ королевскаго судна. Увлеченный благородною цѣлью, онъ, какъ и многіе, покинулъ свою родину, явился въ Грецію еще въ началѣ ея возмущенія и подъ знаменами французскихъ филелленовъ въ продолженіе пяти лѣтъ принималъ самое дѣятельное и доблестное участіе въ главнѣйшихъ событіяхъ разыгравшейся войны.

Ему было 29 лѣтъ. Онъ былъ средняго роста, но очень крѣпкаго тѣлосложенія, благодаря чему легко переносилъ всѣ трудности и невзгоды морской службы. Его изящныя манеры, благородная красивая наружность и открытый честный взглядъ сразу располагали къ нему всякаго, а при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ нимъ эта симпатія только еще больше увеличивалась.

Генрихъ д'Альбарэ происходилъ изъ богатой парижской семьи. Матери своей онъ совсѣмъ не помнилъ, отецъ же его умеръ три года спустя послѣ окончанія имъ курса въ морскомъ училищѣ. Несмотря на то, что родители оставили ему громадное состояніе, Генрихъ не бросилъ морской службы. Онъ страстно любилъ свое дѣло и всегда ревностно исполнялъ свои обязанности. Когда же въ Греціи вспыхнуло возстаніе, то онъ, не задумываясь, присоединился къ партіи французскихъ волонтеровъ, отправлявшихся на Балканскій полуостровъ, и былъ однимъ изъ первыхъ героевъ, пролившихъ кровь свою за свободу эллиновъ!

Въ 1822 году онъ былъ однимъ изъ побѣжденныхъ въ знаменитой битвѣ при Артѣ, подъ командой Маврокордато, а при первой осадѣ Миссолунговъ — однимъ изъ побѣдителей. Онъ явился туда и въ слѣдующемъ году и былъ свидѣтелемъ геройской кончины Марка Ботцарисъ. Въ теченіе 1824 года онъ не безъ славы участвовалъ въ морскихъ битвахъ, и слѣдуетъ замѣтить, что эти битвы своими счастли-

выми результатами вполнѣ отомстили туркамъ за побѣды ихъ полководца Мегмеда-Али. Послѣ взятія Триполицы, онъ командовалъ частью регулярнаго войска, предводительствуемаго полковникомъ Фабвье. Въ 1826 году онъ сражался при Хаидари и спасъ жизнь Андроникѣ Старко, чуть было не затоптанной конницей Кіутаки. То было ужасное сраженіе, стоившее филелленамъ громадныхъ потерь!

Однако, Генрихъ и на этотъ разъ не покинулъ своего начальника и вскорѣ снова присоединился къ его войскамъ. Какъ разъ въ это время турки завладѣли Аѳинами. Пятьсотъ женщинъ и дѣтей, не успѣвшихъ скрыться изъ города, искали спасенія въ крѣпости, защищаемой комендантомъ Гурасомъ съ полутора тысячью солдатъ. Въ распоряженіи Гураса было всего-навсего: съѣстныхъ припасовъ на годъ, пушекъ 14, три гаубицы и никакихъ боевыхъ снарядовъ. Узнавъ о такомъ безвыходномъ положеніи аѳинянъ, Фабвье рѣшилъ итти къ нимъ на помощь; но, не желая силой вести своихъ солдатъ на такое опасное дѣло, онъ предложилъ слѣдовать за собой только желающимъ. Такихъ добровольцевъ набралось триста-пятьдесятъ человѣкъ, изъ нихъ сорокъ были филеллены, и въ числѣ этихъ сорока и во главѣ ихъ — Генрихъ д'Альбарэ.

Каждый изъ этихъ отважныхъ партизановъ захватилъ съ собой мѣшокъ съ порохомъ. И вотъ 13-го декабря ихъ маленькій отрядъ, подъ предводительствомъ Фабвье, высаживается почти у подножія Акрополя.

Свѣтлая лунная ночь предаетъ ихъ. Жестокая турецкая пальба гостепріимно встрѣчаетъ ихъ неожиданное появленіе, но смѣльчаки не отступаютъ.

— Впередъ! — кричалъ имъ храбрый Фабвье.

И они, презирая всякую опасность, даже не бросая своихъ мѣшковъ съ порохомъ и рискуя ежеминутно быть взорванными на воздухъ, переправляются черезъ ровъ, карабкаются по валу и проникаютъ въ цитадель. Осажденные съ торжествомъ прогоняютъ турокъ.

Но полковникъ Фабвье раненъ, его помощникъ убитъ, Генрихъ д'Альбарэ, сраженный пулею, тоже падаетъ, а осажденные, напуганные непріятелемъ, не хотятъ отпустить отъ себя своихъ смѣлыхъ защитниковъ и умоляютъ ихъ запереться вмѣстѣ съ ними въ крѣпости. И вотъ молодой офицеръ, страдая отъ раны, къ счастью, не особенно опасной, принужденъ былъ въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ раздѣлять съ осажденными всѣ ихъ лишенія и невзгоды! Такая жизнь продолжалась до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, Кіутаки не заставилъ Акрополь сдаться на капитуляцію, и только 5-го іюня 1827 года Фабвье, его добровольцы и всѣ осажденные получили давно желанную свободу, покинули Аѳины и на корабляхъ отправились въ Саламинъ. Чувствуя себя еще не совсѣмъ хорошо, Генрихъ д'Альбарэ не захотѣлъ оставаться въ Саламинѣ, а уѣхалъ въ Корфу. Тамъ прожилъ онъ два мѣсяца и, наконецъ, отдохнувъ и вполнѣ оправившись отъ своей раны, сталъ снова готовиться къ войнѣ, какъ вдругъ случилось одно обстоятельство, сразу давшее совершенно новое направленіе его жизни и имѣвшее впослѣдствіи для него большое значеніе.

Въ одной изъ отдаленныхъ частей города Корфу стоялъ старый, очень невзрачный на видъ, не то греческой, не то итальянской архитектуры домъ. Въ этомъ домѣ жилъ одинъ человѣкъ, и въ жизни этого

человѣка было много страннаго и таинственнаго. Его рѣдко кто видѣлъ на улицахъ Корфу, но всѣ его знали и много о немъ говорили. То былъ банкиръ Элизундо. Никто не могъ точно опредѣлить его возраста, на видъ же ему можно было дать не меньше пятидесяти и не больше шестидесяти лѣтъ. Уже двадцать лѣтъ, какъ онъ жилъ почти безвыходно въ своемъ мрачномъ домѣ! Но несмотря на то, что самъ старыйа банкиръ рѣдко выходилъ изъ дому, къ нему ежедневно являлась масс посѣтителей. Среди нихъ были люди всѣхъ національностей, занимаю щіе всякаго рода положенія и происходящіе изъ всевозможныхъ слоевъ общества.

Всѣ знали, что въ банкирской конторѣ, пользовавшейся съ давнихъ поръ безукоризненною репутаціей, совершались очень серьезныя дѣла и велись крупныя операціи. Ходили слухи, что Элизундо страшно богатъ. И дѣйствительно, ни одинъ кредитъ на Іоническихъ островахъ, ни даже у его далматскихъ собратіевъ въ Зарѣ и Рагузѣ, не могъ соперничать съ его кредитомъ, прямо неограниченнымъ. Вексель, полученный отъ Элизундо, цѣнился на золото. Правда и то, что старикъ дѣйствовалъ въ такихъ дѣлахъ всегда крайне осторожно, не всякому изъ своихъ многочисленныхъ кліэнтовъ онъ довѣрялъ и, если рѣшался завести съ кѣмъ-нибудь денежныя отношенія, то въ ручательствахъ, поручительствахъ и тому подобныхъ документахъ требовалъ всегда ясности, полноты и самаго точнаго исполненія разныхъ формальностей. При всемъ томъ, казна его казалась неистощимой! Было еще одно обстоятельство, также заслуживающее не малаго вниманія. Это то, что Элизундо всѣ дѣла велъ лично самъ. Одному только человѣку среди его домашнихъ (о немъ будетъ рѣчь еще впереди) онъ поручалъ иногда переписывать свои бумаги, да и то самыя незначительныя по своему содержанію. Старикъ былъ и кассиръ и свой собственный секретарь. Не было ни одного векселя ни одного письма, собственноручно имъ не написаннаго и лично имъ не подписаннаго. При бюро въ его конторѣ никто никогда не видѣлъ посторонняго приказчика. Все это не мало способствовало тому, что личныя дѣла Элизундо для всѣхъ оставались всегда тайною. Откуда же онъ былъ родомъ, этотъ банкиръ? Одни говорили, что онъ изъ Иллиріи, другіе—изъ Далмаціи, но никто не могъ сказать о немъ ничего положительнаго. Самъ Элизундо никогда не разсказывалъ ни о своемъ прошедшемъ ни о настоящемъ; онъ какъ то не сходился съ городскимъ обществомъ. Когда група Іоническихъ острововъ была отдана въ вѣдѣніе протектората Англіи, положеніе Элизундо нисколько не измѣнилось. Онъ продолжалъ вести тотъ же образъ жизни, что велъ и при французскомъ правительствѣ. Говорили, что состояніе его простиралось до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что слухи эти были немного преувеличены, но нельзя также отрицать и того, что онъ былъ, все-таки, очень богатъ, несмотря на то, что велъ самую замкнутую и скромную жизнь. Элизундо былъ вдовецъ. Онъ и въ Корфу пріѣхалъ уже вдовцомъ, съ одной только двухлѣтней дочерью.

Теперь этой маленькой дѣвочкѣ было уже 22 года, ее звали Хаджина, и она одна управляла всѣмъ хозяйствомъ въ домѣ своего отца. Вездѣ, даже на Востокѣ, гдѣ красота женщинъ всегда цѣнилась очень строго, Хаджина Элизундо была извѣстна какъ замѣчательная краса-

вица, и это, несмотря на серьезное, даже нѣсколько грустное выраженіе ея личика. Да и могъ ли развиться у нея веселый беззаботный характеръ въ той обстановкѣ, гдѣ она жила и гдѣ провела всю свою жизнь? Мать ея умерла, когда она была еще совсѣмъ крошечнымъ ребенкомъ, и Хаджина, съ дѣтства лишенная материнскихъ ласкъ и заботъ, даже не имѣла подруги-сверстницы, съ которой могла бы подѣлиться своими первыми дѣвическими думами. Это была невысокаго роста, изящная и стройная молодая дѣвушка. Гречанка по матери, она напоминала собою типъ тѣхъ молодыхъ красавицъ Лаконіи, красота которыхъ считается совершеннѣйшей на всемъ Пелопоннесѣ. Между отцомъ и дочерью не существовало никакой интимности, въ ихъ отношеніяхъ не было сердечнаго глубокаго чувства. Старикъ жилъ особнякомъ, вѣчно занятый своими дѣлами; мало общительный въ своей общественной и частной жизни, онъ даже въ тѣсномъ домашнемъ кругу рѣдко появлялся и мало разговаривалъ. Могла ли жизнь казаться привлекательной въ этихъ мрачныхъ четырехъ стѣнахъ, гдѣ даже родительская любовь не согрѣвала сердца молодой дѣвушки? Къ счастью, около нея былъ другъ, добрый, любящій, преданный другъ. Вся его жизнь сосредоточивалась только въ ней одной: ее онъ боготворилъ, ея радостями радовался, ея горемъ скорбѣлъ.

Да не подумаетъ читатель, что рѣчь идетъ о какой-нибудь славной, вѣрной собакѣ, объ одномъ изъ этихъ „благородныхъ друзей" воспитанныхъ Ламартиномъ, — нѣтъ, это былъ человѣкъ. Хаджина родилась на его глазахъ, и съ тѣхъ поръ онъ съ нею не разставался. Когда она была ребенкомъ, онъ былъ ея нянькой; когда она сдѣлалась молодою дѣвушкой, онъ превратился въ ея слугу. Это былъ грекъ, по имени Ксарисъ, молочный братъ матери Хаджины. Когда та вышла замужъ за Элизундо, Ксарисъ поступилъ въ услуженіе къ молодымъ. Проживъ въ домѣ банкира болѣе двадцати лѣтъ, онъ такъ сжился съ его семьей, что какъ-то невольно сталъ занимать въ немъ положеніе выше обыкновеннаго слуги. Ему-то Элизундо и поручалъ иногда переписывать свои бумаги.

Высоченнаго роста, широкоплечій, обладая могучею физическою силой, Ксарисъ вполнѣ олицетворялъ собою типъ лаконійца. Какъ и Хаджина, онъ былъ также замѣчательно хорошъ собою. Чудные глаза, открытый благородный взглядъ, тонкій, слегка горбатый носъ и красиво очерченные, черные, какъ смоль, усы. Изящный національный костюмъ еще болѣе оттѣнялъ его мужественную красоту.

Если Хаджинѣ случалось выходить изъ дому, по хозяйственнымъ ли надобностямъ, или въ католическую церковь св. Спиридонія, или чтобы просто прогуляться по берегу моря и подышать свѣжимъ воздухомъ, Ксарисъ всегда сопровождалъ ее. Молодые корфіоты могли часто видѣть ее, гуляющую такимъ образомъ по Эспланадѣ или по улицамъ предмѣстія Кастрадэсъ.

Многіе изъ нихъ старались проникнуть въ домъ стараго банкира, питая въ душѣ тайную надежду завладѣть рукою ея дочери, и трудно сказать, что больше прельщало ихъ въ этомъ домѣ: красота ли молодой хозяйки или милліоны ея отца. Но до сихъ поръ Хаджина упорно отвергала всѣ предложенія подобнаго рода, и ни одинъ еще изъ ея претендентовъ не удостоился ея благосклонности. Банкиръ же никогда не вмѣшивался въ сердечныя дѣла своей дочери.

Вотъ каковъ былъ этотъ суровый печальный домъ, одиноко стоявшій въ отдаленномъ уголку древней столицы Коркиры; вотъ какова была жизнь его обитателей и та среда, въ которую обстоятельства случайно завели Генриха д'Альбарэ.

Сперва между банкиромъ и французскимъ офицеромъ завязались чисто дѣловыя отношенія. Покидая Парижъ, молодой человѣкъ перевелъ свои деньги на банкирскую контору Элизундо. Во время войны ему не разъ приходилось пріѣзжать въ Корфу и бывать въ конторѣ. Однажды онъ познакомился тамъ съ Хаджиной. Красота молодой дѣвушки поразила его, и съ тѣхъ поръ ея образъ преслѣдовалъ его неотступно. Онъ думалъ о ней день и ночь, онъ не могъ забыть ее даже на войнѣ, и когда, послѣ сдачи Акрополя, онъ, больной и усталый, пріѣхалъ въ Саламинъ, его такъ и потянуло въ Корфу, къ этой блѣднолицой чудной красавицѣ. Поселившись на островѣ, онъ сталъ почти ежедневно появляться въ домѣ стараго банкира. Его встрѣчали тамъ весело и радушно, и онъ пользовался такимъ гостепріимствомъ, какого до сихъ поръ еще не только иностранецъ, но и ни одинъ изъ мѣстныхъ жителей не могъ добиться. Офиціальные, чисто дѣловые визиты мало-по-малу смѣнились ежедневными простыми и дружескими бесѣдами по вечерамъ.

Молодой офицеръ страстно полюбилъ Хаджину. Она это знала. Да и какъ могла она не знать этого? Развѣ она не понимала, для кого приходилъ онъ каждый вечеръ въ ихъ домъ; развѣ она не видѣла, съ какимъ восторгомъ онъ слушалъ ее, съ какимъ обожаніемъ на нее смотрѣлъ? А она съ какой заботливой предусмотрительностью относилась ко всему, что только касалось его здоровья, какимъ нѣжнымъ комфортомъ старалась окружить его! Она, ни на минуту не задумываясь, взяла на себя всѣ заботы, необходимыя для возстановленія его расшатаннаго здоровья, и Генрихъ д'Альбарэ подъ этимъ любящимъ, женскимъ уходомъ чувствовалъ себя какъ въ раю. Ксарисъ, съ своей стороны, не скрывалъ, что также полюбилъ отъ души молодого добродушнаго француза и все больше и больше привязывался къ нему.

— Знаешь, Хаджина,—говорилъ онъ молодой дѣвушкѣ,—ты права. Греція — одинаково и мое и твое отечество, и нельзя забывать того, что если молодой человѣкъ былъ раненъ и страдалъ, то вѣдь это сражаясь за насъ, за нашу свободу!

— Онъ любитъ меня, — сказала она однажды Ксарису.

— Ну такъ что же? И надо, чтобы онъ любилъ тебя, — отвѣчалъ тотъ. — Твой отецъ уже старъ, Хаджина! Я не всегда могу быть съ тобою... Гдѣ же ты найдешь болѣе надежнаго и любящаго покровителя себѣ въ жизни, чѣмъ Генрихъ д'Альбарэ?

Хаджина молчала. Она сама любила его, но сдержанность, вполнѣ естественная въ ея годы, не позволяла ей признаться въ своемъ чувствѣ даже Ксарису. А между тѣмъ, ни дома ни въ обществѣ уже не было секретомъ, что молодые люди влюблены другъ въ друга. Всѣ говорили о бракѣ Генриха д'Альбарэ съ Хаджиной Элизундо, какъ о вещи совершенно рѣшенной и неоспоримой. Повидимому, и самъ банкиръ смотрѣлъ благосклонно на ухаживанія молодого офицера за его дочерью. Ксарисъ былъ правъ. Старикъ чувствовалъ, что быстро старѣетъ. Какое бы черствое сердце у него ни было, все же онъ, какъ отецъ, не могъ не безпокоиться о будущности Хаджины. Мысль, что станется съ нею,

если онъ умретъ, послѣднее время почему-то особенно мучила его. Развѣ тѣ милліоны, что онъ оставляетъ ей въ наслѣдство, въ состояніи будутъ охранить ее отъ всѣхъ превратностей судьбы? Красивый французъ нравился и ему. Къ тому же онъ видѣлъ, что этотъ денежный вопросъ нисколько не интересуетъ Генриха д'Альбарэ. И правда, бла-

Въ просвѣтѣ между скалъ показался городъ. (Стр. 43.)

городная натура молодого воина не позволяла ему ни на минуту задумываться о томъ, богата или бѣдна любимая имъ дѣвушка. Онъ любилъ ее за все: за ея кроткую доброту, за идеальную красоту, за благородство ея мыслей и за ширину ея взглядовъ на жизнь, за ея энергичный характеръ и за сильное, способное на всякія жертвы (онъ это чувствовалъ) сердце. Все въ ней нравилось ему безконечно, а ея печальное положеніе въ домѣ отца возбуждало въ немъ живое участіе.

Любимою темой ихъ разговоровъ была Грецiя и происходившая въ то время война на Балканскомъ полуостровѣ.

Обычная сдержанность покидала тогда Хаджину. Лицо ея оживлялось, глаза блестѣли, румянецъ негодованiя покрывалъ ея блѣдныя щеки, и она съ жаромъ говорила о томъ, какъ турки притѣсняютъ грековъ, какъ они мучатъ ихъ, и какъ эти бѣдные греки употребляютъ нечеловѣческiя усилiя, чтобы сбросить съ себя это ненавистное иго. Какою гармонiей звучали всѣ мысли, чувства и мечты молодыхъ людей и сколько чудныхъ часовъ проводили они вдвоемъ въ такихъ задушевныхъ бесѣдахъ. Они говорили всегда по-гречески; теперь уже Генрихъ объяснялся на этомъ языкѣ боговъ такъ же свободно, какъ и на своемъ родномъ, французскомъ. А какъ они радовались, когда къ нимъ въ Корфу приходила вѣсть о какой-нибудь новой морской побѣдѣ, вознаграждавшей грековъ за пораженiя ихъ въ Аттикѣ и Мореѣ. Хаджина заставляла Генриха разсказывать ей со всѣми подробностями о тѣхъ кровавыхъ битвахъ, гдѣ онъ участвовалъ; онъ долженъ былъ назвать по имени всѣхъ героевъ, грековъ и иностранцевъ, отличившихся вмѣстѣ съ нимъ на полѣ брани. И какъ завидовала она всѣмъ этимъ доблестнымъ женщинамъ. О, если бы она была свободна, съ какимъ восторгомъ раздѣлила бы она участь Боболины, Модены, Каидосъ и этой храброй Андроники, спасенной Генрихомъ! Случилось какъ-то, что Элизундо присутствовалъ при одномъ изъ такихъ разговоровъ. При имени Андроники онъ вздрогнулъ и сильно поблѣднѣлъ.

— Отецъ, что съ вами?—воскликнула Хаджина, замѣтивъ его внезапное волненiе.

— Ничего, — отвѣчалъ тотъ.

— Вы знали эту Андронику? — обратился онъ черезъ минуту къ молодому человѣку, стараясь придать своему голосу какъ можно больше равнодушiя.

— Да, зналъ, — отвѣчалъ Генрихъ.

— И вы знаете ея дальнѣйшую участь?

— Нѣтъ, не знаю. Послѣ битвы при Хаидари, я думаю, она должна была вернуться въ Майну, вѣдь это ея родина. Но, мнѣ кажется, что рано или поздно я снова встрѣчу ее на полѣ битвы...

— Да,—прибавила Хаджина,—тамъ, гдѣ и всѣмъ надлежитъ быть.

Что за причина побудила Элизундо разспрашивать Генриха объ Андроникѣ? Никто не спросилъ его объ этомъ. Онъ, навѣрное, далъ бы какой-нибудь уклончивый отвѣтъ. Хаджину не могли интересовать подобные вопросы; она не была посвящена въ его дѣла и въ существовавшiя между нимъ и его клiэнтами отношенiя. Да и развѣ могли быть какiя-нибудь отношенiя между ея отцомъ и этой Андроникой, возбуждавшей въ ней такое восхищенiе? Къ тому же все, что относилось къ войнѣ за независимость, повидимому, нисколько не касалось Элизундо. Кому онъ симпатизировалъ, на чьей былъ сторонѣ: на сторонѣ ли притѣсненныхъ или на сторонѣ притѣсняемыхъ? Если онъ даже и былъ способенъ вообще симпатизировать и желать кому-нибудь добра, то трудно отвѣтить на это. Достовѣрно было только то, что онъ получалъ почти ежедневно массу писемъ, какъ изъ Грецiи, такъ и изъ Турцiи въ одинаковомъ количествѣ, и что въ то же время молодой французскiй офицеръ, явно сочувствовавшiй эллинамъ, встрѣчалъ въ

его домѣ самый радушный пріемъ. Между тѣмъ, Генрихъ д'Альбарэ считалъ себя не въ правѣ долѣе пользоваться этимъ гостепріимствомъ таинственнаго банкира и его красавицы-дочери. Онъ былъ уже настолько здоровъ и чувствовалъ въ себѣ такой приливъ новыхъ силъ, новой энергіи, что ему какъ-то стыдно было наслаждаться всѣмъ этимъ тихимъ счастьемъ, выпавшимъ ему на долю, въ то время, какъ кругомъ бряцало оружіе, проливалась кровь, совершались страшныя, возмутительныя вещи. Вѣдь не за поисками же личнаго эгоистичнаго счастья явился онъ сюда? Онъ пришелъ на помощь угнетеннымъ, страдающимъ братьямъ, и голосъ совѣсти все чаще и чаще раздавался въ его душѣ. Этотъ голосъ говорилъ ему, что онъ долженъ довести до конца свое дѣло, исполнить свой священный долгъ, а себя на время забыть. Онъ часто говорилъ объ этомъ съ молодою дѣвушкой.

— Да, дѣйствительно, это вашъ долгъ,— соглашалась съ нимъ Хаджина.— Какъ ни грустно мнѣ будетъ безъ васъ, но я понимаю, что иначе вы поступить не можете; я понимаю, что вы должны вернуться на войну, къ вашимъ товарищамъ по оружію. Покуда Грецiя не получитъ свою свободу, надо сражаться за нее!

Однажды, придя, по обыкновенію, провести съ нею вечеръ, онъ объявилъ ей, что уѣзжаетъ на-дняхъ.

— Я уѣзжаю, — сказалъ онъ, — но если бъ я могъ увезти съ собой увѣренность, что и вы меня любите такъ же, какъ я васъ.

— Генрихъ, — отвѣчала она, — мнѣ не зачѣмъ скрывать предъ вами свои чувства. Я уже не дитя. Я умѣю серьезно глядѣть на жизнь. Я вѣрю въ васъ, — прибавила она, протягивая ему руку: — вѣрьте же и вы въ меня! Какой вы теперь меня оставляете, такой же и встрѣтите, когда вернетесь ко мнѣ!

— О, благодарю васъ, отъ всей души благодарю! — радостно воскликнулъ онъ, цѣлуя ея руку. — Да... мы принадлежимъ другъ другу... уже!.. И если разлука наша отъ этого становится еще тяжелѣе, то, по крайней мѣрѣ, я уношу въ сердцѣ своемъ вашу любовь ко мнѣ... Но передъ отъѣздомъ я хочу, все-таки, поговорить съ вашимъ отцомъ, Хаджина. Я хочу спросить его, благословитъ ли онъ нашъ бракъ и не будетъ ли съ его стороны какихъ-нибудь препятствій?

— Вы сдѣлаете очень умно, — возразила ему молодая дѣвушка. — Заручитесь же его обѣщаніемъ, какъ вы заручились моимъ!

Генрихъ не могъ долго медлить съ отъѣздомъ. Онъ уже заранѣе рѣшилъ, что поступитъ въ полкъ къ своему прежнему начальнику, полковнику Фабвье. Дѣло въ томъ, что положеніе Греціи за послѣднее время нисколько не улучшилось. Хотя договоромъ, утвержденнымъ 6-го іюня въ Лондонѣ, союзныя державы и порѣшили принять мѣры къ обузданію турокъ и египтянъ, свирѣпствовавшихъ въ Мореѣ, подъ начальствомъ Ибрагима-паши, но пока еще этотъ договоръ не оказалъ никакой видимой пользы. Правда, турки отчасти были пристращены ихъ побѣдами; но что касается уступокъ съ ихъ стороны, то они до сихъ поръ не изъявляли ни малѣйшаго желанія хотя бы въ чемъ-нибудь отказаться отъ своихъ требованій. Несмотря на то, что въ Эгейскомъ морѣ находились въ то время двѣ эскадры — одна англійская, подъ начальствомъ вице-адмирала Кодрингтона, другая французская, подъ командой контръ-адмирала де-Риньи, а греческое правительство утверди-

лось на островѣ Эгинѣ, чтобы тамъ, въ полной безопасности совѣщаться насчетъ дальнѣйшаго хода войны,—турки продолжали дѣйствовать попрежнему, и ихъ упорство становилось поистинѣ грознымъ.

7-го сентября обширный Наваринскій рейдъ принялъ въ свои воды цѣлый флотъ оттоманскихъ, египетскихъ и тунисскихъ кораблей. Ихъ было счетомъ девяносто-два. Нагруженные съ избыткомъ провіантомъ, оружіемъ, порохомъ и всевозможными другими боевыми запасами, необходимыми на войнѣ, они были назначены для экспедиціи, предпринимаемой Ибрагимомъ противъ гидріотовъ. Островъ Гидра, расположенный у самой окраины Арголиды, считался всегда однимъ изъ самыхъ богатыхъ уголковъ въ Архипелагѣ.

Жертвуя и кровью и деньгами ради эллиновъ, защищаемые такими отважными моряками, какъ Томбазисъ, Міулисъ и Тсамадосъ, наводившими ужасъ на турокъ, несчастные обитатели Гидры никакъ не ожидали такого страшнаго, внезапнаго и близкаго къ осуществленію со стороны непріятеля мщенія. Полковникъ Фабвье со своимъ войскомъ первый поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Вотъ почему и Генрихъ д'Альбарэ рѣшилъ ускорить свой отъѣздъ. Этотъ печальный день разлуки его съ Хаджиной былъ окончательно назначенъ имъ на 21-е октября. За нѣсколько дней передъ этимъ, онъ явился къ Элизундо и офиціально просилъ руки его дочери. Молодой человѣкъ не скрылъ отъ старика, что между нимъ и его дочерью уже произошло объясненіе, что Хаджина любитъ его, что она согласна выйти за него замужъ, что они предполагаютъ устроить свадьбу послѣ его возвращенія съ войны, и что для ихъ полнаго счастья недостаетъ теперь только согласія и благословенія отца. Элизундо отвѣчалъ, что онъ очень доволенъ выборомъ своей дочери и что ему остается только радоваться, такъ какъ онъ увѣренъ, что этотъ бракъ составитъ счастье Хаджины. Его фраза была холодна и офиціальна. Объ обстоятельствахъ семейной жизни молодого человѣка онъ не разспрашивалъ; онъ зналъ, какъ начальство и товарищи любятъ и уважаютъ Генриха, какъ хорошо идетъ онъ по службѣ, какъ велико его состояніе и какимъ вліяніемъ пользуется его семья въ Парижѣ. Замѣтивъ, что Генрихъ не затрогиваетъ денежнаго вопроса, онъ тоже не счелъ нужнымъ начинать съ нимъ щекотливый разговоръ о приданомъ Хаджины. Сухо и сдержанно принялъ онъ благодарность молодыхъ людей, но молодая дѣвушка уже привыкла къ такому обращенію, а для ея жениха важно было только то, чтобъ старикъ далъ свое согласіе.

Казалось, все благопріятствовало счастью молодой влюбленной четы. Радость же Ксариса была безконечна; если бы дѣло касалось его собственной свадьбы, то, кажется, онъ не могъ бы болѣе радоваться. Глядя на нихъ, онъ плакалъ отъ умиленія и счастія, и если бы не разница общественнаго положенія, заставлявшая его, какъ слугу, держаться почтительно по отношенію къ молодому офицеру, то онъ охотно прижалъ бы его къ своей богатырской груди и расцѣловалъ бы.

Немного уже времени оставалось до отъѣзда Генриха д'Альбарэ изъ Корфу. О томъ, что происходило въ эти послѣдніе дни въ домѣ банкира, нѣтъ надобности и описывать подробно. Генрихъ и Хаджина не разставались ни на часъ. Сидя въ большой низкой гостиной перваго этажа этого мрачнаго дома, они подолгу разговаривали, засиживаясь иногда до полуночи.

Къ радостнымъ чувствамъ взаимной любви невольно примѣшивались грустныя и серьезныя нотки. Но они утѣшали себя, говоря, что если они и не въ правѣ еще распоряжаться своимъ настоящимъ, то зато будущее вполнѣ принадлежитъ имъ, и они заставляли себя смотрѣть на это настоящее хладнокровно и терпѣливо. Съ полною наде-

Скопело весь въ распоряженіи Николая Старко. (Стр. 45.)

ждой на свѣтлое будущее, обсуждали они всевозможныя, могущія произойти за это время хорошія и дурныя случайности и попрежнему горячо интересовались политикой въ Греціи.

Однажды вечеромъ, это было 20-го октября, наканунѣ дня отъѣзда, они сидѣли вдвоемъ въ гостиной и въ послѣдній разъ тихо бесѣдовали между собой. Вдругъ въ комнату взволнованный и страшно запыхавшійся отъ быстрой ходьбы вбѣжалъ Ксарисъ. Еще бы ему не запыхаться, вѣдь

онъ все время бѣжалъ, да еще какое пространство! Его сильныя ноги въ нѣсколько минутъ перенесли его изъ цитадели черезъ весь городъ на самый конецъ Страды-Реаль!

— Ксарисъ, что съ тобой? — воскликнула молодая дѣвушка. — Ты блѣденъ, ты взволнованъ! Что случилось?

— Я сейчасъ... узналъ... одну новость, важную... громадную новость!..

— Такъ говорите же, говорите скорѣй, Ксарисъ, — вскричалъ Генрихъ, не зная, радоваться ли ему, или огорчаться заранѣе: по лицу Ксариса нельзя было понять ничего.

— Не могу... не могу!.. — отвѣчалъ Ксарисъ; его душили спазмы въ горлѣ.

— Что-нибудь, касающееся войны? — спросила молодая дѣвушка, беря его за руку.

— Да... да!..

— Да говори же!.. говори же скорѣй, милый, хорошій Ксарисъ!.. въ чемъ же дѣло? — повторяла она.

— Турки... сегодня... разбиты, при Наваринѣ!

Вотъ какимъ образомъ Хаджина и ея женихъ узнали о знаменитомъ морскомъ сраженіи 20-го октября.

На шумъ въ гостиную вошелъ и старый банкиръ Элизундо. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ ничего не сказалъ, только тонкія губы его какъ-то нервно сжались да на высокомъ суровомъ челѣ появилось нѣсколько морщинокъ, а молодежь, тѣмъ временемъ, отъ всего сердца предавалась шумной радости.

Вѣсть о Наваринской битвѣ пришла въ Корфу еще утромъ и не успѣла она распространиться по всему городу, какъ уже по телеграфу изъ Албаніи пришли и подробности о ней.

Французская, англійская и присоединившаяся къ ней русская эскадры, всего въ составѣ двадцати-семи кораблей и тысячи двухсотъ-семидесяти-шести пушекъ, завладѣвъ проходами Наваринскаго рейда, атаковали турецкій флотъ и принудили его къ сраженію. Несмотря на то, что турки своей многочисленностью (у нихъ было шестьдесятъ судовъ всевозможныхъ размѣровъ, вооруженныхъ тысячью девятьсотъ-девяносто-четырьмя орудіями) далеко превосходили союзныя эскадры, они были разбиты. Многіе изъ ихъ кораблей пошли ко дну, многіе взлетѣли на воздухъ вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ. Теперь уже Ибрагиму нельзя было надѣяться на морскую помощь султана, а вслѣдствіе этого и предполагаемая имъ экспедиція противъ Гидры не могла осуществиться. Въ особенности этотъ послѣдній фактъ имѣлъ важное значеніе. Всѣмъ стало ясно, что послѣ Наваринской битвы въ политическихъ дѣлахъ Греціи долженъ произойти переломъ. Хотя всѣ три державы еще заранѣе рѣшили не извлекать никакой пользы изъ этой побѣды надъ Портою, но уже можно было съ увѣренностью сказать, что ихъ союзъ кончится тѣмъ, что онѣ вырвутъ Грецію изъ турецкой власти и рано или поздно возстановятъ независимость угнетенной страны.

Такъ, по крайней мѣрѣ, разсуждали въ домѣ банкира Элизундо. Хаджина, Генрихъ и Ксарисъ радовались какъ дѣти. Ихъ радость раздѣлялъ и весь городъ. Наваринская побѣда всѣмъ грекамъ подала надежду на скорое освобожденіе.

Но прежде всего эта побѣда союзныхъ державъ, или, лучше сказать, пораженіе турецкаго флота, совершенно измѣняла всѣ планы молодого офицера. Что Ибрагимъ долженъ будетъ отказаться отъ своего намѣренія мстить гидріотамъ, объ этомъ не могло быть и рѣчи; а разъ на островѣ Гидрѣ не будетъ войны, то, значитъ, и Генриху д'Альбарэ нѣтъ никакой надобности ѣхать туда и, тѣмъ болѣе, спѣшить съ отъѣздомъ. Онъ рѣшилъ остаться въ Корфу и здѣсь ждать дальнѣйшихъ событій. Судьба Греціи, во всякомъ случаѣ, уже была рѣшена. Европа не дастъ ее раздавить. Пройдетъ еще нѣсколько времени, и на Балканскомъ полуостровѣ, вмѣсто мѣсяца, возсіяетъ знамя свободы.

Ибрагимъ, принужденный занимать теперь только центръ и приморскіе города Пелопоннеса, будетъ вынужденъ, наконецъ, очистить и эти мѣста.

Полковникъ Фабвье, безъ сомнѣнія, готовился теперь покинуть Митилену, чтобы итти въ походъ противъ турокъ на островъ Хіосъ. Но, навѣрное, приготовленія его къ походу еще не кончились, да, пожалуй, и не скоро еще кончатся: къ чему же спѣшить такъ съ отъѣздомъ?

Вотъ какъ обсуждалъ свое положеніе молодой офицеръ. Хаджина, разумѣется, во всемъ соглашалась съ нимъ, и, наконецъ, оба рѣшили, что нѣтъ никакой причины откладывать свадьбу на неопредѣленное время. Старикъ отецъ также не имѣлъ ничего противъ ихъ рѣшенія, и вотъ свадьба была назначена черезъ десять дней, на 30-е октября. Трудно описать радостное чувство, охватившее сердца жениха и невѣсты при мысли, что уже близокъ тотъ день, когда Церковь соединитъ ихъ на всю жизнь.

Не надо уѣзжать на эту страшную войну, гдѣ Генрихъ могъ потерять свою жизнь! Хаджинѣ не придется испытывать томительное, полное страха и неизвѣстности ожиданіе, считать дни и часы!.. Всѣ въ домѣ были счастливы и довольны; даже на лицѣ стараго банкира, всегда ко всему равнодушнаго, выражалось видимое удовольствіе. Будущее дочери больше его не безпокоило.

Свадьбу рѣшено было устроить какъ можно скромнѣе; молодые люди сочли лишнимъ приглашать на нее весь городъ. Наступило 23-е октября. До 30-го оставалось только семь дней!

Казалось, что теперь уже ничто не можетъ помѣшать ихъ счастью, разстроить или замедлить ихъ бракъ; а между тѣмъ, гроза надвигалась, несчастіе ужъ было близко.

Въ этотъ самый день, 23-го октября, когда утренній курьеръ привезъ старику почту, то одно изъ этихъ многочисленныхъ писемъ нанесло ему страшный неожиданный ударъ.

Онъ съ гнѣвомъ скомкалъ это злосчастное посланіе, разорвалъ его на мелкіе кусочки, даже сжегъ ихъ, и въ эту минуту никто бы не узналъ въ немъ спокойнаго, хладнокровнаго, всегда владѣющаго собой человѣка.

— Отчего же это письмо не пришло восемью днями позже, будь проклятъ тотъ, кто его написалъ! — прошепталъ онъ.

Лицо его было блѣдно и губы нервно подергивались отъ душившей его безсильной злобы.

ГЛАВА V.

Мессенійскій берегъ.

Выйдя изъ порта Витило, „Кариста“ всю ночь держалась въ одномъ юго-западномъ направленіи; она шла, пересѣкая наискось Коронскій заливъ.

Николай Старко спустился въ свою каюту и не выходилъ оттуда до утра. Вѣтеръ былъ благопріятный, одинъ изъ тѣхъ свѣжихъ вѣтерковъ, господствующихъ въ Средиземномъ морѣ, что начинаютъ дуть тамъ въ концѣ лѣта или въ началѣ весны, незадолго передъ солнцестояніемъ, въ то время, когда пары Средиземнаго моря разрѣшаются вдругъ обильными дождями.

Поутру „Кариста“ обогнула южную оконечность Мессеніи, мысъ Галло, а вскорѣ и послѣднія вершины Тайгета потонули въ туманѣ восходящаго солнца.

Когда мысъ Галло скрылся изъ виду, Николай вышелъ на палубу, и первый его взглядъ былъ взглядъ на востокъ. Майны уже не было видно, на ея мѣстѣ теперь поднимались могучія возвышенности горы Хагіосъ-Димитріосъ. Рука капитана протянулась по направленію исчезнувшей страны и на секунду какъ бы замерла въ воздухѣ... Что означалъ этотъ жестъ? Угрозу или прощаніе навѣки съ родимою страной? Кто возьмется объяснить чувства этого человѣка? Но взглядъ его черныхъ суровыхъ глазъ въ эту минуту не предвѣщалъ ничего добраго.

Твердо поддерживаемый своими парусами, саколэвъ взялъ галсы на штирбортъ (повернулъ ходъ направо) и поплылъ на сѣверо-западъ. Вѣтеръ дулъ съ берега, и море благопріятствовало быстрой навигаціи. Вотъ налѣво отъ „Каристы“ промелькнули острова Еніосъ, Кабрера, Сапіенза и Венетичо. Она пролетѣла мимо нихъ черезъ узкій проливъ между Сапіензой и материкомъ и вышла прямо къ Модону. Предъ ней, со всею своею сказочною панорамой вулканическихъ горъ, открысля Мессенійскій берегъ.

Впослѣдствіи, послѣ окончательнаго установленія конституціи въ королевствѣ, Мессеніи предстояло сдѣлаться однимъ изъ тринадцати округовъ, или префектуръ, составляющихъ вмѣстѣ съ Іоническими островами современную Грецію. Но въ описываемую нами эпоху, эта страна была еще театромъ военныхъ дѣйствій, переходя попеременно, смотря по тому, на чьей сторонѣ оказывалась побѣда, то въ руки Ибрагима, то въ руки грековъ. Когда-то здѣсь происходили мессенійскія войны со спартанцами, оставившія намъ въ исторіи славныя имена Аристомена и Эпаминонда!

Молча провѣривъ по компасу направленіе своего судна, опредѣливъ по солнцу время, Николай Старко обошелъ кругомъ весь свой небольшой корабль и сѣлъ на кормѣ его. А на передней части палубы тѣмъ временемъ собралась кучка матросовъ. Тутъ были всѣ, и старые матросы „Каристы“ и новые, тѣ десять, что наканунѣ присоединились къ нимъ въ Витило. Весь экипажъ состоялъ изъ двадцати человѣкъ, и ими распоряжался такой же, какъ и они, простой морякъ подъ руководствомъ

самого капитана. Правда, помощника капитана въ этотъ разъ не было на бортѣ саколэва.

Между собравшимися моряками велись тихіе разговоры о томъ, куда направляется судно и что за цѣль его путешествія. Вновь прибывшие разспрашивали, старые разсказывали и объясняли, что знали сами.

То былъ Левкадскій утесъ. (Стр. 50.)

— Какъ видно, капитанъ-то нашъ разговоры разговаривать не любитъ?

— И очень даже не любитъ. Зато ужъ если начнетъ говорить, такъ говоритъ хорошо, поспѣвай только исполнять его приказанія.

— А куда же идетъ „Кариста"?

— Намъ это никогда не бываетъ извѣстно, куда она идетъ.

— Э-э, да чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ, очень намъ нужно знать, куда мы идемъ! Вѣдь мы нанялись на вѣру.

— Да, и будьте увѣрены, что не пропадете. Куда капитанъ поведетъ насъ, туда, значитъ, и надо итти.

— Не можетъ же „Кариста“ съ двумя такими маленькими каронадами *) на носу охотиться за коммерческими судами?

— Да она вовсе и не предназначена для морскихъ разбоевъ! У нашего капитана есть на то другія суда, тѣ прекрасно вооружены. А „Кариста“ просто-напросто яхта для катанья, поэтому и видъ у нея такой мало внушительный; зато ѣздить на ней совершенно спокойно: знаешь, что никто на тебя и вниманія не обратитъ, не только подозрѣвать въ чемъ-либо станетъ.

— А добыча?

— Добычу получаютъ тѣ, кто беретъ ее, и вы попользуетесь ею, только не теперь, а когда „Кариста“ окончитъ свое плаваніе. Да вы не бойтесь, безъ дѣла не останетесь!

— Такъ, значитъ, теперь, пока мы плывемъ около Греціи да острововъ ея, намъ и дѣлать нечего?

— Нечего... и въ Адріатическомъ морѣ, если капитану вздумается поѣхать туда, тоже нечего дѣлать!

— Да, — расхохотался одинъ изъ старыхъ матросовъ, — покуда мы еще честные моряки, сидимъ вотъ теперь на палубѣ честнаго саколэва и совершенно честнымъ образомъ плывемъ по Іоническому морю. А кто знаетъ, можетъ-быть, все это скоро и измѣнится!

— Ахъ, дай-то Богъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! — подхватили новички.

И безъ дальнѣйшихъ объясненій, по одному только этому разговору уже становится понятнымъ, изъ кого состоялъ экипажъ „Каристы“. Это были люди, никогда ни передъ чѣмъ не останавливающіеся. Такія чувства, какъ раскаяніе, угрызеніе совѣсти, даже простые предразсудки, не говоря уже о понятіяхъ чести, о долгѣ, — для нихъ совсѣмъ не существовали. Въ самомъ дѣлѣ, они были вполнѣ достойны своего начальника, и тотъ могъ смѣло положиться на нихъ.

Но насколько хорошо знали витиліенцы капитана „Каристы“, настолько же мало знакома была имъ личность его помощника. Это былъ нѣкто Скопело, морской офицеръ и въ то же время его агентъ, управляющій, повѣренный въ его дѣлахъ, короче, сама тѣнь Николая Старко, его вторая душа.

Скопело былъ уроженецъ Чериготто, маленькаго, пользующагося довольно дурною славой островка, расположеннаго на южной границѣ Архипелага, между Чериго и Критомъ.

— А гдѣ же вашъ помощникъ? — спросилъ одинъ изъ витиліенцевъ у капитана.

— Его здѣсь нѣтъ, — отвѣчалъ Старко.

— Мы его такъ и не увидимъ?

— Увидите.

— Когда же?

— Когда надо будетъ.

— А гдѣ же онъ теперь?

— Тамъ, гдѣ долженъ быть.

---

*) Каронада — короткое гладкоствольное оружіе, среднее между гаубицей и пушкою.

Нечего дѣлать. Приходилось довольствоваться и такими ничего не объясняющими отвѣтами, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за этимъ раздался свистокъ капитана, призывающій всѣхъ матросовъ на верхъ натягивать шкоты.

Капитанъ желалъ итти вдоль Мессенійскаго берега, держась отъ него всего въ милѣ разстоянія, а для этого необходимо было придерживаться вѣтра немного круче прежняго.

Смѣльчакъ поневолѣ прекратилъ свои дальнѣйшіе разспросы и поспѣшилъ на работу.

Около полудня „Кариста“ прошла мимо Модона, небольшого городка, построеннаго на развалинахъ старинной Меѳоны, у подножія высокой скалистой горы. Промелькнулъ маякъ, торчавшій при входѣ въ гавань, и скрылся. Черное съ краснымъ сіяніемъ пламя быстро вспыхнуло на гротъ-реѣ *) саколэва, но съ берега не отвѣчали на данный имъ сигналъ, и „Кариста“ снова поплыла на сѣверъ.

Къ вечеру она вошла въ Наваринскій рейдъ; предъ ней открылось какъ бы большое морское озеро, окаймленное рамкой высокихъ горъ. Въ просвѣтѣ между скалъ показался городъ, надъ нимъ неясною массой обрисовалась цитадель. Лучи заходящаго солнца еще освѣщали нѣкоторыя вершины горъ, но уже въ самомъ рейдѣ становилось темно.

„Быть-можетъ, теперь здѣсь, въ Наваринѣ, „Кариста“ броситъ якорь,— думали матросы.— Къ чему же ей было входить въ заливъ Мегало-Ѳуро на югѣ этого узкаго, протянувшагося на четыре тысячи метровъ въ длину, острова Сфакторіи?“

На этомъ островѣ уже возвышались двѣ гробницы. Онѣ были воздвигнуты въ память славнѣйшихъ героевъ, павшихъ жертвою войны. Въ одной изъ нихъ покоился французскій капитанъ Маллэ, убитый въ 1825 году; въ другой, въ глубинѣ таинственнаго грота — графъ де-Санта-Роза, итальянскій филелленъ, бывшій министръ Пьемонты, погибшій въ томъ же году и даже въ томъ же сраженіи, какъ и Малле.

Приблизившись къ городу, саколэвъ, съ надутымъ отъ вѣтра кливеромъ, легъ въ дрейфъ **).

На его гротъ-реѣ снова вспыхнуло красное пламя, но съ берега и на этотъ разъ не послѣдовало никакого сигнала въ отвѣтъ. Въ рейдѣ сквозь сгустившіяся сумерки неясно виднѣлась цѣлая масса турецкихъ кораблей. Ловко маневрируя мимо нихъ (здѣсь ей нечего было дѣлать), „Кариста“ обошла маленькій бѣловатый островокъ Кулонески и, съ слегка ослабленными по приказанію капитана шкотами, вернулась снова къ границѣ Сфакторіи.

Въ 1821 году, еще въ началѣ войны, нѣсколько сотъ турокъ, застигнутые врасплохъ греками, были заперты на этомъ островѣ Кулонески и, несмотря на то, что они сдались непріятелю только съ условіемъ быть перевезенными въ Турцію, умерли тамъ съ голоду. Зато позднѣе, въ 1825 году, когда войска Ибрагима осадили Сфакторію, защищаемую лично самимъ Маврокордато, турки, по праву возмездія, перерѣзали на ней 800 грековъ!

---

*) Реи — рангоутныя деревья, подвѣшенныя за середину къ мачтѣ и служащія для привязыванія парусовъ.

**) Лечь въ дрейфъ — посредствомъ руля и парусовъ находиться почти безъ движенія на одномъ мѣстѣ.

Между тѣмъ, саколэвъ направлялся къ чрезвычайно опасному и почти недоступному для глубокосидящихъ въ водѣ судовъ проливу Сикіи. Съ ловкостью, сдѣлавшею бы честь любому изъ искуснѣйшихъ лоцмановъ, Николай Старко смѣло обошелъ утесистый берегъ острова и обогнулъ мысъ Корифазіонъ. Затѣмъ, замѣтивъ стоявшую на якорѣ довольно многочисленную эскадру иностранныхъ судовъ, онъ осторожно миновалъ ее; пользуясь темнотой ночи, быстро объѣхалъ весь Мессенійскій берегъ, проскользнулъ между материкомъ и островомъ Продȁны; а рано утромъ его хорошенькій саколэвъ, подгоняемый свѣжимъ юго-восточнымъ вѣтеркомъ, уже летѣлъ по тихимъ водамъ залива Аркадіи и ловко огибалъ его красивые извилистые берега. Изъ-за вершины высокой горы всходило солнце. Сзади, сливаясь съ горизонтомъ, виднѣлся Коронскій заливъ. Море все сверкало и искрилось, длинныя блестящія полосы воды то дробились, волнуемыя вѣтеркомъ, то снова вспыхивали подъ яркими лучами восходящаго солнца. Еще съ разсвѣтомъ Старко сталъ маневрировать такъ, чтобы пройти какъ можно ближе около города, построеннаго въ одной изъ излучинъ закругляющагося и образующаго широкій открытый рейдъ берега.

Около десяти часовъ утра на кормѣ саколэва появился старшій матросъ. Онъ подошелъ къ Старко и молча, какъ бы въ ожиданіи приказаній, остановился предъ нимъ.

А на востокѣ, между тѣмъ, раскрывалась чудная панорама одного изъ живописнѣйшихъ уголковъ Пелопоннеса. Тамъ вдали растянулась вся безконечная горная цѣпь Аркадіи; на холмахъ, то затерянныя въ густой чащѣ оливковыхъ и миндальныхъ рощъ, то окруженныя садами, мелькали небольшія деревушки, сверкали затѣйливо извивающіеся среди миртъ и лавровъ ручейки, и повсюду, прицѣпившись ко всѣмъ возвышенностямъ, по всѣмъ склонамъ и во всѣхъ направленіяхъ цѣлыми милліонами, какъ изумруды, зеленѣли знаменитые коринѳскіе виноградники. А тамъ ниже, на темномъ фонѣ кипарисовъ, точно большіе яркіе лоскутки этамина, сверкали красные городскіе дома. Но вотъ вы подъѣзжаете еще ближе къ Аркадіи, къ этой античной странѣ кипарисовъ, главному порту Мессеніи во времена Эпаминонда, къ одному изъ помѣстій Франсуа Вилль-Гардуина послѣ Крестовыхъ походовъ, и — Боже! — какое ужасное, безотрадное зрѣлище представляется вашимъ глазамъ, сколько сожалѣній, какую скорбь вызываетъ оно въ сердцахъ тѣхъ изъ насъ, что свято сохранили еще эти воспоминанія!

Два года тому назадъ Ибрагимъ разрушилъ городъ Аркадію, умертвилъ дѣтей, женщинъ, стариковъ! Повсюду сохранились однѣ только развалины. Вотъ остатки стараго замка, построеннаго на мѣстѣ древняго акрополя, вотъ разрушенная и разграбленная мусульманами церковь св. Георгія, тамъ — обломки домовъ, тутъ — развалины общественныхъ зданій...

— Видно, что наши друзья изъ Египта побывали тутъ! — промолвилъ капитанъ.

Его черствое сердце ни на минуту не сжалось при видѣ всей этой печальной картины разрушенія.

— А теперь турки здѣсь господа; могу себѣ представить, какъ они хозяйничаютъ, — замѣтилъ, усмѣхаясь, старшій матросъ.

— Господа, да и надолго... и даже надо надѣяться, что навсегда! — прибавилъ Старко.

— „Кариста“ пристанетъ здѣсь, или мы поплывемъ дальше?

Не отвѣчая на заданный вопросъ, капитанъ сталъ внимательно осматривать весь портъ и разсыпавшійся позади него, на горѣ, небольшой городокъ. Подъѣзжая къ Аркадіи, онъ, видимо, колебался и не зналъ, что предпринять — бросить ли якорь въ портѣ, или опять выйти въ открытое море? Матросъ попрежнему продолжалъ стоять сзади него и почтительно ожидалъ отвѣта.

— Подать сигналъ! — проговорилъ, наконецъ, Старко.

— Красное пламя вспыхнуло на гротъ-реѣ и затрещало на воздухѣ.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ на верху высокой мачты, воздвигнутой на берегу, появилось точно такое же пламя.

— Пристать къ берегу! — скомандовалъ капитанъ.

Саколэвъ подошелъ еще ближе, повернулъ за уголъ и свободно вошелъ въ открытую гавань.

Закрѣпили паруса, сперва фокъ-мачты, потомъ гротъ-мачты, и «Кариста» съ однимъ только кливеромъ вышла на средину порта и бросила якорь. Матросы засуетились. Началась обычная возня, всегда сопровождающая остановку судна. Спустили четырехвесельную лодку, и капитанъ, сопровождаемый матросами, сѣлъ въ нее и поѣхалъ на берегъ. Черезъ нѣсколько минутъ яликъ причалилъ къ маленькой лѣсенкѣ, искусно выбитой въ каменномъ валу высокой набережной. Внизу, у лѣстницы стоялъ какой-то человѣкъ, повидимому, давно уже ожидающій капитана.

— Скопело весь въ распоряженіи Николая Старко, — съ низкимъ поклономъ привѣтствовалъ онъ вновь прибывшаго.

Вмѣсто отвѣта капитанъ только дружески кивнулъ ему головой и первый сталъ подниматься по лѣстницѣ. Выйдя на набережную и пройдя черезъ развалины города — печальные памятники его послѣдней осады — посреди улицъ, запруженныхъ турецкими и арабскими солдатами, онъ остановился, наконецъ, предъ одной небольшой, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшей гостиницей, подъ вывѣской „Миневра“, и сопровождаемый своимъ товарищемъ вошелъ туда. Нѣсколько минутъ спустя, они уже сидѣли за столикомъ, въ отдѣльной комнатѣ, курили маленькія сигары, скрученныя изъ свѣтлаго душистаго миссолунгскаго табаку, пили ракй, крѣпчайшій алкоголь, выдѣлываемый изъ золотоцвѣтника, и вели дружескую серьезную бесѣду. Наружность Скопело, несмотря даже на умное выраженіе лица, поражала своей антипатичностью. У него была физіономія настоящаго ростовщика, его маленькіе лживые глазки такъ и бѣгали изъ стороны въ сторону. Волосы были коротки, носъ крючкомъ, такіе же крючковатые пальцы на рукахъ и длиннѣйшія ступни ногъ. Онъ былъ средняго роста, очень худъ, имѣлъ большую крѣпкую голову съ плѣшью на затылкѣ и широкое безусое лицо съ маленькою сѣдоватою бородкой. Ему, навѣрное, было не больше пятидесяти, но онъ выглядѣлъ старше своихъ лѣтъ. Костюмъ его былъ очень простъ: короткая куртка, штаны, какіе обыкновенно носятъ моряки на Востокѣ, и накинутый на плечи кожанъ. Однимъ словомъ, это былъ типъ арабскаго еврея, хотя и христіанина по рожденію, типъ повѣреннаго въ дѣлахъ, необходимаго и незамѣнимаго человѣка для архипелагскихъ

разбойниковъ. И дѣйствительно, никто лучше Скопело не умѣлъ поддерживать ихъ интересы, никто такъ выгодно не умѣлъ спускать награбленныя богатства, никто такъ ловко не велъ опасныя и тайныя дѣла по покупкѣ и по продажѣ невольниковъ на турецкихъ рынкахъ.

Не трудно отгадать, что служило темой для разговора этихъ двухъ людей, какъ относились они къ событіямъ происходившей въ то время войны и какія выгоды мечтали извлечь изъ нея лично для себя.

— Ну, какъ дѣла въ Греціи?—спросилъ капитанъ.

— Да, вѣроятно, все въ томъ же положеніи, что и при васъ были,— отвѣчалъ Скопело.—Вѣдь вотъ скоро уже цѣлый мѣсяцъ, какъ „Кариста" плаваетъ около береговъ Африки, а навѣрное, вы съ самаго вашего отъѣзда никакихъ новостей оттуда не получали?

— Дѣйствительно, никакихъ.

— Впрочемъ, могу сообщить вамъ, капитанъ, что турецкія суда уже совсѣмъ готовы для экспедиціи Ибрагима на островъ Гидру.

— Да, знаю, — отвѣчалъ Николай Старко: — вчера вечеромъ, проѣзжая черезъ Наваринскій рейдъ, я ихъ видѣлъ тамъ.

— Вы нигдѣ не останавливались съ тѣхъ поръ, какъ оставили Триполи?

— Останавливался... одинъ разъ! Всего нѣсколько часовъ въ Витило... Надо было набрать людей для экипажа „Каристы". Но съ тѣхъ поръ мнѣ нигдѣ не отвѣчали на мои сигналы, вплоть до самой Аркадіи.

— Да, вѣроятно, некому было и отвѣчать,—замѣтилъ Скопело.

— Скажи мнѣ,—съ живостью перебилъ его Старко, — что дѣлаютъ въ настоящее время Міаулисъ и Канарисъ?

— Имъ пришлось совершить нѣсколько внезапныхъ нападеній,— отвѣчалъ тотъ,—но вѣдь извѣстно, что такія смѣлыя предпріятія оканчиваются всегда частнымъ, временнымъ успѣхомъ, а не полною побѣдой. И вотъ въ то время, какъ они охотились за турецкими кораблями, пираты свободно разгуливали себѣ по всему Архипелагу.

— А все еще говорятъ о...

— О Сакратифѣ? — переспросилъ его Скопело, слегка понижая свой голосъ. — Да!.. повсюду... и постоянно, капитанъ! И отъ него только зависитъ, чтобы о немъ говорили еще больше!

— И заговорятъ!

Николай залпомъ выпилъ свой стаканъ вина, всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Потомъ подошелъ къ окну и, скрестивши на груди руки, нѣсколько минутъ молча слушалъ доносившіеся къ нимъ съ улицы грубыя пѣсни турецкихъ солдатъ.

Наконецъ, онъ вернулся снова къ столу, сѣлъ противъ Скопело и, рѣзко перемѣняя свой предыдущій разговоръ, спросилъ его:

— Я понялъ по твоему сигналу, что у тебя есть для меня запасъ невольниковъ?

— Да, есть чѣмъ наполнить четырехсоттонный корабль. Это все, что осталось послѣ пораженія Креммиди. Богъ мой! Турки на этотъ разъ изрядно побили ихъ. Дай имъ только волю, такъ они, кажется, не оставили бы въ живыхъ ни одного плѣнника!

— Есть и мужчины и женщины?

— Да, и дѣти... всего найдется.

— Гдѣ они?

— Въ крѣпости Аркадіи.

— Ты дорого за нихъ заплатилъ?

— Гмъ, паша не особенно-то былъ сговорчивъ, — отвѣчалъ Скопело. — Онъ думаетъ, что война за независимость скоро кончится... къ несчастью! Не будетъ войны, не будетъ и сраженій! А не будетъ сраженій — кончатся грабежи, а съ ними и торговля невольниками. Вотъ какъ! Но съ другой стороны, если плѣнниковъ будетъ немного, то цѣна на нихъ возвысится! Вѣдь одно другимъ вознаграждается, не такъ ли, капитанъ? Я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что въ настоящее время на африканскихъ рынкахъ, напримѣръ, сильно нуждаются въ нихъ. Вотъ мы и продадимъ туда нашъ товаръ по выгодной цѣнѣ.

— Будь по-твоему! — отвѣчалъ Николай Старко. — А все ли у тебя готово, и можешь ли ты сейчасъ же переѣхать со мной на „Каристу“?

— Могу, у меня все готово!

— Это хорошо, Скопело. Дней черезъ восемь или, самое позднее, черезъ десять, изъ Скарпанто будетъ выслано судно. Оно заберетъ весь здѣшній грузъ. А отпускомъ не задержатъ?

— Относительно платы никакихъ задержекъ и затрудненій быть не можетъ, это уже рѣшено. Надо только передъ этимъ списаться съ банкиромъ Элизундо, онъ долженъ принять наши векселя. Его подпись, что ни говори, много значитъ, и паша повѣритъ ему такъ же, какъ и звонкой монетѣ.

— Хорошо, я напишу Элизундо, что въ скоромъ времени пріѣду въ Корфу и покончу тамъ съ этимъ дѣломъ...

— Съ этимъ... и еще съ другимъ, не менѣе важнымъ, не правда ли? — прибавилъ Скопело многозначительнымъ тономъ.

— Можетъ быть... — отвѣчалъ тотъ.

— Да, дѣйствительно, это будетъ справедливо и только! Элизундо богатъ... страшно богатъ, говорятъ!.. А спрашивается, кто обогатилъ его? Наша торговля и мы... рискуя ежеминутно своею жизнью! Эхъ, въ нынѣшнія времена куда какъ выгодно быть банкиромъ архипелагскихъ пиратовъ! Итакъ, повторяю, капитанъ, что это будетъ только справедливо!

— Что такое будетъ справедливо? — спросилъ Старко, пристально глядя въ глаза своему собесѣднику.

— Э, будто не знаете? — отвѣчалъ тотъ усмѣхаясь. — Ну-ка, капитанъ, признайтесь по правдѣ, вѣдь вы меня спрашиваете только потому, что вамъ хочется, чтобъ я повторилъ это вслухъ, чуть не въ сотый разъ предъ вами?

— Можетъ быть...

— Дочь банкира Элизундо...

— То, что справедливо, будетъ исполнено! — перебилъ его Старко, вставая изъ-за стола.

Расплатившись съ хозяиномъ, они вышли изъ гостиницы и спустились съ набережной опять по маленькой каменной лѣстницѣ внизъ, гдѣ стояла ихъ лодка.

— Ну, ѣдемъ! — сказалъ капитанъ, обращаясь къ Скопело. — По пріѣздѣ въ Корфу, я переговорю съ Элизундо насчетъ векселей, а какъ только это дѣло уладится, ты вернешься въ Аркадію и заберешь грузъ.

— Ѣдемъ,— отвѣчалъ Скопело.

Черезъ часъ „Кариста“ уже вышла изъ Аркадскаго залива, но не успѣли еще спуститься сумерки, какъ уже съ юга на палубу саколэва стали доноситься глухіе отдаленные какъ бы раскаты грома.

То была пальба союзныхъ эскадръ въ Наваринѣ.

ГЛАВА VI.

Гнать пиратовъ изъ Архипелага!

Держа путь на нордъ-нордъ-вестъ, саколэвъ плылъ теперь мимо чуднаго живописнѣйшаго разсадника Іоническихъ островов. Зеленыя кущи разнообразнѣйшихъ въ мірѣ садовъ быстро, какъ въ калейдоскопѣ, мелькали предъ глазами нашихъ путешественниковъ. Къ счастью, „Кариста“ ничѣмъ не обнаруживала своего низкаго происхожденія. Она имѣла видъ вполнѣ честнаго небольшого восточнаго судна, не то любительской яхты, не то торговаго корабля, и могла совершенно спокойно, не возбуждая никакихъ подозрѣній, проѣзжать мимо всѣхъ этихъ пушекъ въ британскихъ портахъ, среди всѣхъ этихъ военныхъ фрегатовъ Союзнаго королевства, а вѣдь въ данную минуту она вся была во власти ихъ!

Отъ Аркадіи до острова Занте, этого „Цвѣтка Востока“, какъ поэтично называютъ его итальянцы, считается всего только пятнадцать морскихъ лье. Еще „Кариста“ только вступала въ тихія, какъ озеро, воды пролива Занте, а ужъ вдали показались зеленѣющія вершины горы Скопо, съ роскошными оливковыми и апельсинными садами по склонамъ. Когда-то, вмѣсто этихъ садовъ, здѣсь были густыя лѣсныя дебри, воспѣтыя Гомеромъ и Виргиліемъ!

Съ юго-востока дулъ попутный береговой вѣтеръ, и „Кариста“, какъ птичка на крыльяхъ, летѣла на всѣхъ своихъ парусахъ. Уже вечерѣло, когда въ виду показалась столица острова Занте, хорошенькій итальянскій городокъ, растянувшійся на полъ-лье полукругомъ, по берегу глубоко вдающейся въ островъ бухты. Замелькали разноцвѣтные огоньки. Разсѣянные по всѣмъ направленіямъ, начиная снизу отъ набережной и кончая наверху стариннымъ венеціанскимъ замкомъ, они издали казались какъ бы большимъ яркимъ созвѣздіемъ. И самыя блестящія звѣзды его принадлежали дворцу Возрожденія и собору св. Дениса, на главной улицѣ Занте. На палубу доносились мелодичныя итальянскія баркароллы—и, слыша это пѣніе, не одинъ матросъ саколэва возмущался и негодовалъ въ душѣ! Но приходилось смиряться.

Съ этимъ народомъ, такъ глубоко измѣнившимся при сношеніяхъ его съ венеціанцами, французами, англичанами и русскими, Николай Старко не имѣлъ ничего общаго. О такихъ же торговыхъ отношеніяхъ, какія связывали его съ турками Пелопонесса, не могло быть и рѣчи. Поэтому, „Кариста“, не останавливаясь и не подавая никакихъ сигналовъ, быстро прошла черезъ узкій морской рукавъ, отдѣляющій Занте отъ Ахайи и Элиды, и спокойно миновала его, а на другой день она уже подходила къ заливу Патрасскому. Стоя впереди, на носу своего саколэва, капитанъ суровымъ и внимательнымъ взглядомъ окидывалъ

весь этотъ берегъ Акарнаніи. Сколько грустныхъ, незабвенныхъ и важныхъ воспоминаній невольно возникало въ памяти при видѣ этой страны! Какъ должно было бы сжаться сердце сына Греціи, если бы этотъ сынъ давнымъ-давно ужъ не отрекся отъ родины, не предалъ бы своей родной матери!..

«Сифанта» выходитъ изъ гавани Корфу. (Стр. 57.)

— Миссолунги! — раздался сзади него голосъ Скопело, и онъ указалъ рукою на сѣверо-востокъ. — Противный народъ! Люди, предпочитающіе скорѣе взорвать себя на воздухъ, чѣмъ сдаться непріятелю.

— Да, дѣйствительно, два года тому назадъ, ему тамъ не посчастливилось насчетъ невольничьей торговли. Онъ до сихъ поръ не могъ забыть и простить имъ этого. Послѣ десятимѣсячной упорной самозащиты, осажденные въ Миссолунгахъ, изнемогая отъ усталости и голода,

вмѣсто того, чтобы сдаться Ибрагиму на капитуляцію, взорвали крѣпость и весь городъ. Все населеніе сдѣлалось жертвой ужаснаго взрыва, не пощадившаго даже самихъ побѣдителей. А годъ передъ этимъ, почти на то же самое мѣсто, гдѣ теперь похороненъ Маркъ Ботцарисъ, явился умирать разочарованный, упавшій духомъ лордъ Байронъ, одинъ изъ героевъ греческой войны. Его тѣло было перевезено въ Вестминстеръ, и только сердце славнаго поэта осталось въ Греціи, въ любимой имъ и освободившейся только послѣ его смерти странѣ!

Старко только нетерпѣливо передернулъ плечами въ отвѣтъ. Между тѣмъ, „Кариста", миновавъ Патрасскій заливъ, уже направлялась къ Кефалоніи. Благодаря попутному вѣтру, она въ нѣсколько часовъ достигла этого острова; но въ столицу его, Аргостоли, она не зашла (портъ былъ слишкомъ мелокъ и неудобенъ для стоянки даже и небольшихъ судовъ), а прямо направилась черезъ узкій каналъ, омывающій его восточный берегъ, и около 6 часовъ вечера уже подходила къ древней Итакѣ. На этомъ скалистомъ островѣ, длиною въ 8, а шириною въ $1^1/_2$ лье, отличающемся своею своеобразною, восхитительно дикою природой, славящемся своими маслами и винами, насчитывается до десяти тысячъ жителей. Не ознаменовавъ себя никакими личными геройскими подвигами, Итака тѣмъ не менѣе оставила послѣ себя на страницахъ древней исторіи два знаменитыхъ имени. Она была родиной Улисса и Пенелопы, и память объ этихъ герояхъ гомеровской Иліады сохранилась еще и до сихъ поръ на живописномъ островѣ.

Но вотъ наступила ночь, и земля сына Лаэрта понемногу скрылась во мракѣ. Чтобъ не проѣзжать черезъ узкій проливъ, отдѣляющій сѣверную оконечность Итаки отъ южнаго края Санты-Мауры, „Кариста" выѣхала въ открытое море и ночью продолжила свой путь вдоль знаменитаго острова еще на двѣ мили. Посреди моря, шагахъ въ восьмидесяти отъ нея, охваченная слабымъ луннымъ свѣтомъ, неясно вырисовывалась какая-то бѣловатая скала. То былъ „Левкадскій утесъ", прославленный Сафо и Артемизой, но острова того же имени уже не видно было. Саколэвъ быстро несся теперь вдоль албанскаго берега, прямо къ острову Корфу.

Старко желалъ во что бы то ни стало пріѣхать туда до ночи, и „Каристѣ" оставалось сдѣлать еще около двадцати лье въ этотъ день. Она такъ натянула свои паруса, что планширъ *) почти лежалъ на водѣ. Между тѣмъ, вѣтеръ значительно крѣпчалъ, и рулевому приходилось употреблять все свое вниманіе, чтобы не дать кораблю опрокинуться подъ давившей его тяжестью всѣхъ этихъ громадныхъ парусовъ. Къ счастью, мачты были очень крѣпки, такелажъ совершенно новый и самаго высшаго качества, и поэтому, несмотря на то, что ни одинъ лисель (малый парусъ) не былъ спущенъ и корабль несся такъ, какъ будто состязался въ международномъ матчѣ, онъ благополучно миновалъ всѣ опасныя мѣста, не задѣвъ даже ни одного рифа. Какъ искра промелькнулъ мимо маленькій островокъ Паксо, а вотъ уже на сѣверѣ показались и первыя возвышенности Корфу. Навстрѣчу „Каристѣ" все чаще и чаще стали попадаться военныя суда, то подъ англійскими, то подъ турецкими флагами, но она не старалась избѣгнуть ихъ встрѣчи.

*) Планширъ — плоскій деревянный брусъ, заканчивающій фальшбортъ судна.

Съ ней не было ни груза ни бумагъ, могущихъ выдать ея происхожденіе, и ей нечего было бояться даже въ томъ случаѣ, если бы встрѣчнымъ судамъ вздумалось подвергнуть ее осмотру. Около четырехъ часовъ пополудни „Кариста“ обогнула южную оконечность Корфу, мысъ Бьянко и вошла въ проливъ, отдѣляющій островъ отъ материка. Эта южная часть пролива имѣетъ гораздо болѣе веселый и оживленный видъ, чѣмъ его сѣверная половина; въ особенности же она представляетъ собою пріятный контрастъ съ пустыннымъ, полудикимъ, почти некультивированнымъ албанскимъ берегомъ. Предъ столицей Корфу проливъ расширяется и образуетъ небольшой глубокій заливъ. Чтобы еще болѣе сократить свой путь, „Кариста“ пересѣкла этотъ заливъ, прошла черезъ каналъ, соединяющій озеро Каликіопуло съ моремъ, миновала островокъ Улисса и, наконецъ, стала огибать извилистые чудные берега острова, насажденные благоухающими алоями и агавами. Тамъ уже кипѣла жизнь, проѣзжали элегантные экипажи, сновали всадники, пріѣхавшіе за цѣлую милю изъ города, чтобы насладиться свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться чудными морскими видами. Саколэвъ проскользнулъ мимо бухты Кардакіо съ ея живописными развалинами па берегу, мимо лѣтняго дворца великихъ лордовъ-комиссаровъ, мимо Страды-Марины, болѣе похожей на бульваръ, чѣмъ на улицу, мимо древняго форта Сальвадоръ и, наконецъ, мимо первыхъ городскихъ домовъ столицы Корфу. Обогнувъ затѣмъ мысъ Сидеро съ возвышающейся на немъ крѣпостью, нѣчто въ родѣ маленькаго военнаго городка, вмѣщающаго въ себѣ и домъ коменданта, и квартиры офицеровъ, и больницу, и греческую церковь, обращенную англичанами въ протестанскую кирку, „Кариста“ неслась теперь прямо на западъ. Но вотъ раздалась команда капитана, и корабль, миновавъ сѣверную часть города, бросилъ якорь за полкабельтова отъ стѣнки гавани. Засунувъ каждый себѣ за поясъ ножъ съ короткимъ и широкимъ лезвеемъ — это общеупотребительное оружіе и необходимую принадлежность мужского костюма въ провинціяхъ Мессеніи, Николай Старко и Скопело сѣли въ лодку и отплыли къ берегу. Высадившись на набережной, они первымъ дѣломъ отправились въ городское управленіе и предъявили тамъ свои паспорты. Такъ какъ документы ихъ оказались въ полномъ порядкѣ, то они очень скоро покончили со всѣми формальностями, распростились и разошлись въ разныя стороны, условившись предварительно между собой сойтись въ одиннадцать часовъ вечера на палубѣ саколэва.

Скопело, всецѣло поглощенный интересами „Каристы“ и ея капитана, направился въ торговую часть города, туда, гдѣ были узкія кривыя улицы съ итальянскими названіями, грязныя лавчонки со сводами и гдѣ царилъ самый настоящій хаосъ неаполитанскаго квартала.

Старко, съ своей стороны, рѣшилъ посвятить весь вечеръ на то, чтобъ, по возможности, навести и собрать какъ можно больше различныхъ справокъ и свѣдѣній насчетъ одного, лично касающагося его, дѣла. Съ этой цѣлью онъ пошелъ на Эспланаду, самую лучшую и аристократическую часть города. Эта Эспланада была не что иное, какъ длинная военная площадь, обсаженная по бокамъ роскошными деревьями. Съ одной стороны ея тянулся глубокій и широкій ровъ съ перекинутыми черезъ него подъемными мостами, отдѣляющій цитадель отъ

города, съ другой — раскинулся самъ городъ. На площади была масса народу. Иностранцы и туземные жители толпами двигались по ней взадъ и впередъ, но праздничнаго, веселаго настроенія между ними что-то не было замѣтно. Предъ статуей маршала Шулембурга подъемный мостъ, противъ обыкновенія, былъ опущенъ, и безчисленные курьеры съ эстафетами поминутно шныряли изъ губернаторскаго дворца въ цитадель и обратно. Николай Старко вмѣшался въ толпу; онъ сразу замѣтилъ, что публика находилась въ какомъ-то необыкновенно возбужденномъ состояніи. Не желая быть навязчивымъ и надоѣдать другимъ своими разспросами, онъ предпочелъ прислушиваться къ чужимъ разговорамъ. Но куда бы онъ ни подходилъ, вездѣ говорили объ одномъ и томъ же, вездѣ упоминали одно и то же имя пирата Сакратифа, и Николай не могъ не замѣтить, какъ мало симпатіи вызывало это имя въ толпѣ. Въ первую минуту оно какъ бы задѣло и его любопытство, какъ будто поразило его чѣмъ-то, но затѣмъ, слегка пожавъ плечами и какъ-то загадочно улыбнувшись, онъ отдѣлился отъ шумной толпы и, снова принявъ свой всегдашній суровый и равнодушный видъ, сталъ спускаться по Эспланадѣ внизъ, къ широкой, омываемой моремъ террасѣ. Тамъ, около круглой маленькой часовенки, поставленной въ память сэра Томаса Мэтлэнда, собралась небольшая кучка людей.

Нѣсколько лѣтъ спустя, около этой часовенки вознесся величественный обелискъ, сооруженный въ честь преемника Мэтлэнда, Говарда Дугласа, и поставленный въ pendant къ статуѣ великаго лорда-комиссара Фредерика Адама, воздвигнутой предъ губернаторскимъ дворцомъ. Если бы протекторатъ Англіи не кончился, и Іоническіе острова не перешли бы во власть Греческаго королевства, то очень возможно, что улицы и площади города Корфу окончательно загромоздились бы статуями англійскихъ губернаторовъ,— настолько сильно была развита въ то время страсть къ памятникамъ какъ въ самихъ представителяхъ англійской власти, такъ и въ ихъ благодарныхъ почитателяхъ, среди корфіотовъ. Впрочемъ, большинство жителей Корфу нисколько не порицало такую расточительность, многіе, можетъ-быть, стали потомъ жалѣть своихъ прежнихъ правителей, съ упраздненіемъ которыхъ хотя кончились административныя заблужденія представителей союзнаго королевства, но зато и кончилось спокойствіе страны. Конечно, мнѣнія и на этотъ счетъ расходились; да и трудно требовать, чтобы въ такомъ разноплеменномъ населеніи, какое существовало тогда на островѣ Корфу, не случалось бы разногласія по поводу общественныхъ интересовъ; но, во всякомъ случаѣ, въ описываемый нами день всякое разногласіе было забыто, мысли всѣхъ корфіотовъ слились въ одно общее желаніе, всѣ единогласно проклинали ненавистное имя Сакратифа.

„Смерть пирату Сакратифу! На висѣлицу его негодяя!“ кричали въ толпѣ, и грозныя анаѳемы на англійскомъ, итальянскомъ и греческомъ языкахъ такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ. Стоя на террасѣ, Николай Старко слушалъ молча всѣ эти изліянія народной злобы и, повидимому, совершенно спокойно любовался на тихія морскія волны, катившіяся у его ногъ. Предъ нимъ, какъ на ладони, точно озеро, открывалась замкнутая Албанскими горами вся широкая часть пролива Корфу. Внизу, у самаго порта, происходило какое-то необычайное движеніе. Многочисленныя барки безпрерывной длинной цѣпью тянулись

къ стоявшимъ у пристани военнымъ кораблямъ. Между фрегатами и цитаделью то и дѣло давались сигналы. По всему видно было, что который-то изъ этихъ фрегатовъ, а можетъ-быть, и не одинъ, а нѣсколько, снаряжались въ плаванiе и готовились въ этотъ вечеръ выйти изъ гавани. Солнце, тѣмъ временемъ, уже успѣло закатиться; насту-

Элизундо въ изнеможенiи опустился на кресло. (Стр. 62.)

пили короткiя сумерки, а за ними не замедлила спуститься на землю и темная южная ночь. Старко сошелъ съ террасы, поднялся по Эспланадѣ и медленно направился къ высокимъ сводчатымъ домамъ, цѣлою линiей тянущимся вдоль восточной стороны ея. Тамъ были ярко освѣщенныя кофейни, вдоль шоссе стояли небольшiе круглые столики, разставленные рядами стулья, и многочисленная собравшаяся публика, сидя за ними, благодушествовала, распивая вино, закусывая и ведя

мирную бесѣду между собой. Старко подсѣлъ къ одному изъ маленькихъ столиковъ и, заранѣе рѣшивъ не пропускать ни одного слова изъ разговоровъ сидящей рядомъ съ нимъ группы мужчинъ, велѣлъ подать себѣ ужинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — говорилъ одинъ судохозяинъ изъ Страды-Марины, продолжая, повидимому, уже начатый разговоръ,— теперь просто опасно торговать! Никто не рѣшается провожать мимо восточныхъ портовъ мало-мальски цѣнные товары!

— Скоро, — замѣтилъ его собесѣдникъ, толстый и флегматичный англичанинъ, — скоро мы не найдемъ и матросовъ, желающихъ служить на архипелагскихъ корабляхъ: всѣ станутъ отказываться.

— О, этотъ Сакратифъ! Этотъ Сакратифъ!.. — слышалось со всѣхъ сторонъ звучащія ужасомъ, негодованіемъ и презрѣніемъ восклицанія.

„Имя, заставляющее драть глотку и безпрестанно промачивать ее", въ свою очередь, не безъ удовольствія думалъ про себя хозяинъ кофейни.

— А въ которомъ часу назначено отплытіе „Сифанты"?— спросилъ негоціантъ.

— Въ восемь вечера,— отвѣчалъ корфіотъ.—Но,— прибавилъ онъ,— не достаточно сняться съ якоря, надо добраться до мѣста назначенія...

— Э-э, доберутся! — вскричалъ другой корфіотъ. — Вотъ увидите, теперь не скажутъ, что какой-то пиратъ стѣснилъ дѣйствія британскаго мореходства...

— Добавьте, и греческаго, и французскаго, и итальянскаго! — сказалъ флегматичный англичанинъ; онъ желалъ, чтобъ всѣ государства имѣли свою долю непріятностей въ этомъ дѣлѣ.

— Все это прекрасно, но время идетъ, господа,— сказалъ негоціантъ, вставая изъ-за столика. — Если мы хотимъ присутствовать при отплытіи „Сифанты", то теперь, пожалуй, намъ пора и отправляться на Эспланаду!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ одинъ изъ его собесѣдниковъ, — торопиться еще рано. Всегда успѣемъ. Развѣ вы забыли, что отплытіе судна возвѣщается пушечнымъ выстрѣломъ, а выстрѣла еще не было?

И разговаривающіе снова усѣлись на свои мѣста и продолжали прерванную бесѣду.

Находя, что теперь наступила какъ разъ удобная минута вмѣшаться въ общій разговоръ, Старко обратился къ своимъ сосѣдямъ и на чистомъ правильномъ нарѣчіи, нисколько не обличающемъ его южногреческаго происхожденія, спросилъ ихъ:

— Извините, господа, позвольте мнѣ спросить васъ, что это за „Сифанта", о которой всѣ только и толкуютъ сегодня?

— Это одинъ корветъ, милостивый государь,— отвѣчали ему. — Его купила, снарядила и вооружила на свой счетъ компанія англійскихъ, французскихъ и корфіотскихъ негоціантовъ. Экипажъ „Сифанты" состоитъ изъ людей всѣхъ трехъ національностей, а корветомъ командуетъ храбрый капитанъ Страдэна. Всѣ надѣются, что ему удастся сдѣлать то, чего не могли сдѣлать до сихъ поръ ни англійскія ни французскія военныя суда!

— А, — сказалъ Николай Старко, — это и есть тотъ корветъ, что готовится сегодня къ отплытію!.. А можно спросить, куда именно онъ направляется?

— Туда, гдѣ онъ можетъ встрѣтить, схватить и уничтожить знаменитаго Сакратифа!

— Въ такомъ случаѣ, я васъ попрошу объяснить мнѣ, кто этотъ знаменитый Сакратифъ?

— Вы не знаете, кто Сакратифъ? Какъ, возможно ли это? — вскричалъ пораженный корфіотъ, съ какимъ-то недовѣріемъ глядя теперь въ лицо своего новаго собесѣдника.

Англичанинъ, тотъ только промычалъ что-то себѣ подъ носъ.

Дѣйствительно, человѣкъ не знающій Сакратифа и объявляющій объ этомъ во всеуслышаніе среди самаго города Корфу, въ ту минуту, когда это имя не сходитъ съ устъ каждаго, такой человѣкъ могъ вполнѣ быть признанъ за феномена.

Капитанъ „Каристы", разумѣется, замѣтилъ, какой эффектъ произвели его слова.

— Господа, — поспѣшилъ прибавить онъ, какъ бы въ свое оправданіе, — я иностранецъ. Я только что пріѣхалъ изъ Зары, такъ сказать, изъ самыхъ нѣдръ Адріатики, и потому понятія не имѣю о томъ, что происходитъ въ настоящее время на Іоническихъ островахъ.

— Въ такомъ случаѣ, скажите то, что происходитъ не на островахъ, а въ Архипелагѣ! — вскричалъ корфіотъ. — Сакратифъ захватилъ весь Архипелагъ, онъ избралъ его театромъ своихъ разбойничьихъ нападеній!

— А, — произнесъ Старко, — дѣло идетъ о пиратѣ...

— О пиратѣ, о корсарѣ, о разбойникѣ! — отвѣчалъ толстый англичанинъ. — Для такого негодяя и подходящаго названія еще не придумано!— И, слегка отдышавшись отъ непривычной долгой рѣчи, онъ прибавилъ: — Меня удивляетъ только одно, милостивый государь, неужели можетъ еще встрѣтиться европеецъ, не слыхавшій про Сакратифа?

— Милостивый государь, — отвѣчалъ капитанъ „Каристы", — я не могу отрицать того, что это имя и для меня отчасти знакомо, повѣрьте мнѣ; но я, право, не зналъ, что причиной сегодняшняго волненія въ городѣ служитъ именно это лицо. Развѣ Корфу угрожаетъ нападеніе со стороны этого пирата?

— Посмѣлъ бы онъ! — вскричалъ съ негодованіемъ негоціантъ. — Да онъ никогда не отважится вступить на нашъ островъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы въ этомъ увѣрены? — переспросилъ его капитанъ.

— Я въ этомъ увѣренъ, милостивый государь; а если бы это даже и случилось, то висѣлицы, понимаете, висѣлицы сами собой воздвигнулись бы на всѣхъ перекресткахъ острова Корфу, чтобы сцапать на перепутьѣ этого негодяя и повѣсить его!

— Но въ такомъ случаѣ, почему же это волненіе? — продолжалъ допрашивать Старко. — Я пріѣхалъ только часъ тому назадъ, и никакъ не могу понять этой всеобщей тревоги...

— Я вамъ это сейчасъ объясню, если вы желаете знать въ чемъ дѣло, милостивый государь, — отвѣчалъ англичанинъ. И онъ началъ: — Мѣсяцъ тому назадъ, Сакратифъ захватилъ два коммерческихъ судна: „Three Brothers" и „Carnatie", и все, что осталось въ живыхъ отъ ихъ экипажа, онъ продалъ на рынкахъ Триполи!

— О, — воскликнулъ Старко, — это, дѣйствительно, возмутительный поступокъ. Слѣдуетъ заставить этого человѣка раскаяться въ немъ!

— И тогда, — продолжалъ корфіотъ, — нѣсколько негоціантовъ соединились вмѣстѣ и соорудили военный корветъ, великолѣпнѣйшей конструкціи, съ избраннымъ экипажемъ, подъ начальствомъ отважнаго моряка, капитана Страдэны, и поручили ему поймать Сакратифа! На этотъ разъ можно надѣяться, что разбойникъ, стѣснившій всю торговлю въ Архипелагѣ, не избѣгнетъ своей участи!

— Да, это будетъ, дѣйствительно, трудно, — замѣтилъ Старко.

— Вотъ почему весь городъ такъ и волнуется, — заговорилъ опять англичанинъ. — Вы видѣли, все населеніе собралось на Эспланадѣ; всѣ хотятъ присутствовать при отплытіи „Сифанты", и какъ только она выйдетъ изъ гавани, вы услышите, какими восторженными криками будетъ привѣтствовать ее вся публика!

Старко, поблагодаривъ своихъ собесѣдниковъ, вышелъ изъ-за стола и снова вмѣшался въ густую толпу народа. Онъ зналъ теперь все, что желалъ узнать.

Въ томъ, о чемъ говорили англичане и корфіоты, не было ничего преувеличеннаго. Напротивъ, это была только правда и одна голая правда! Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ разбои Сакратифа ознаменовывались каждый разъ все болѣе и болѣе возмутительными фактами. Сколько торговыхъ судовъ, и греческихъ и иностранныхъ, погибло отъ руки этого жестокаго кровожаднаго пирата! И откуда только взялся этотъ пиратъ? Кто онъ былъ родомъ? Грекъ или выходецъ съ варварійскихъ береговъ, этого разсадника морскихъ разбойниковъ? Никто не зналъ его лично и никто не могъ объяснить его загадочнаго происхожденія, никто даже никогда и не видѣлъ его. Изъ тѣхъ, что были подъ огнемъ его пушекъ, ни одинъ не вернулся домой. Одни были убиты, другіе проданы въ рабство. Кто могъ указать его корабль? Сакратифъ безпрестанно мѣнялъ ихъ. То совершалъ онъ свои набѣги на быстромъ восточномъ бригѣ, то на легкомъ корветѣ... Результатъ этихъ набѣговъ былъ всегда одинаковъ, и до сихъ поръ еще никто не могъ похвастаться своею побѣдой надъ нимъ. А сколько страшныхъ, чудовищно-ужасныхъ легендъ ходило въ народѣ объ этомъ человѣкѣ! Разсказывали, что однажды въ пылу сраженія ему не хватило ядеръ для пушекъ; онъ, не задумываясь, набилъ ихъ головами, отрѣзанными отъ труповъ, валявшихся тутъ же на его палубѣ... Когда случалось, что онъ неожиданно встрѣчался съ какимъ-нибудь сильнымъ военнымъ судномъ и сознавалъ, что не въ силахъ одолѣть его, то онъ обращался въ бѣгство и, въ концѣ концовъ, гдѣ-нибудь внезапно исчезалъ. Всякія преслѣдованія, всякіе поиски тогда были напрасны. Онъ зналъ такіе таинственные выходы, обходы и проходы въ Архипелагѣ, о существованіи которыхъ большинство моряковъ даже и не подозрѣвало, тѣмъ болѣе, что вообще гидрографія этихъ береговъ въ то время заставляла желать еще многаго.

Дѣйствительно, Сакратифъ былъ идеальный морякъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ и идеальный разбойникъ. Вѣчно сопровождаемый шайкой такихъ же отборныхъ негодяевъ, какъ и онъ самъ, онъ былъ для нихъ какимъ-то высшимъ, недосягаемымъ существомъ; они готовы были итти за него въ огонь и въ воду, каждое его слово для нихъ было закономъ, и никакія угрозы, даже жестокія мученія, не въ состояніи были заставить этихъ людей донести на своего начальника! Таковъ былъ тотъ, чье имя возбуждало въ данную минуту столько волненія, столько толковъ на

островѣ Корфу, тотъ, за кѣмъ въ погоню въ этотъ вечеръ отправлялась „Сифанта“.

Ровно въ 8 часовъ вечера съ крѣпостного вала грянулъ пушечный выстрѣлъ. Это былъ сигналъ, что „Сифанта“ снялась съ якоря и стала выходить изъ гавани.

Извѣстіе это надѣлало въ городѣ большого шума. (Стр. 66.)

Толпы народа устремились къ террасѣ, гдѣ возвышался памятникъ сэра Мэтлэнда. Побуждаемый чувствомъ, быть-можетъ, болѣе глубокимъ и сильнымъ, чѣмъ простое любопытство, Николай Старко очутился вскорѣ въ переднемъ ряду зрителей. Вотъ показались огни корвета: онъ шелъ на булиняхъ, направляясь къ мысу Бьянко.

Въ эту минуту съ крѣпости раздался второй выстрѣлъ, за нимъ третій, и въ отвѣтъ на нихъ началось салютованіе съ палубы „Сифан-

ты". Милліоны оглушительныхъ ура вторили не менѣе оглушительнымъ выстрѣламъ, и радостные крики народа сопровождали корветъ до самой бухты Кардакіо.

Но вотъ понемногу толпы народа стали рѣдѣть, на Эспланадѣ остались лишь немногіе, только гуляющіе, и городъ погрузился въ тишину.

Старко еще долго оставался на площади. Какія-то мрачныя думы тѣснились въ его головѣ, какая-то тайная тревога сжимала его сердце; глаза горѣли зловѣщимъ огонькомъ, а взглядъ невольно уносился въ ту сторону, куда скрылся корветъ. На башенныхъ часахъ св. Спиридонія пробило одиннадцать. Онъ вспомнилъ, что въ этотъ часъ они условились со Скопело встрѣтиться на палубѣ „Каристы", перешелъ на другую улицу и вскорѣ вышелъ на набережную. Тамъ уже ждалъ его Скопело.

— Корветъ „Сифанта" только что отплылъ... — сказалъ капитанъ саколэва, подходя къ своему помощнику.

— А... — процѣдилъ сквозь зубы Скопело.

— Да... въ погоню за Сакратифомъ!..

— Онъ ли, другой ли, не все ли равно... — отвѣчалъ Скопело, указывая на „Каристу", качающуюся на волнахъ.

Они сѣли въ лодку, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ маленькая компанія уже подъѣзжала къ саколэву.

— До завтра, у Элизундо! — сказалъ капитанъ, обращаясь къ Скопело, и первый взошелъ на палубу.

ГЛАВА VII.

Неожиданность.

На другой день, около десяти часовъ утра, Николай Старко отправился къ Элизундо. Уже не первый разъ являлся онъ въ его контору и каждый разъ его принимали тамъ очень вѣжливо и учтиво и, повидимому, нисколько не гнушались веденіемъ его дѣлъ. А между тѣмъ, Элизундо прекрасно зналъ, что это была за личность, и многое изъ жизни Старко было ему давно извѣстно. Для него не было тайной даже и то, что это былъ сынъ знаменитой Андроники, той самой пламенной патріотки, о которой однажды, въ его присутствіи, разсказывалъ Генрихъ д'Альбарэ. Одного только не зналъ еще Элизундо, онъ не зналъ, какой звѣрь таился въ этомъ человѣкѣ, не подозрѣвалъ, на какія низости способенъ былъ Николай Старко.

Появленіе капитана „Каристы" въ мрачномъ банкирскомъ домѣ не вызвало со стороны его обитателей никакого удивленія. Его, повидимому, тамъ ждали. Дѣйствительно, письмо, полученное Элизундо изъ Аркадіи сорокъ-восемь часовъ передъ этимъ, было прислано имъ. Слуга немедленно провелъ его въ контору, гдѣ его встрѣтилъ самъ банкиръ, и едва онъ вошелъ въ контору, какъ старикъ поспѣшилъ запереть за нимъ дверь на ключъ.

— Ну-съ, здравствуйте, Элизундо, — сказалъ капитанъ, разваливаясь въ креслѣ съ видомъ человѣка, чувствующаго себя въ этой комнатѣ такъ же свободно, какъ у себя дома. — Скоро шесть мѣсяцевъ, какъ мы

съ вами не видались! Положимъ, вы часто имѣли обо мнѣ извѣстія, но, проѣзжая такъ близко мимо Корфу, я, все-таки, не утерпѣлъ, чтобы къ вамъ не заѣхать: мнѣ такъ хотѣлось пожать вамъ руку!

— И совсѣмъ вы не для этого пріѣхали, чтобы видѣть меня и разсыпаться предо мной въ любезностяхъ, Николай Старко! — прервалъ его банкиръ рѣзкимъ глухимъ голосомъ. — Что вамъ отъ меня надобно?

— А,—вскричалъ капитанъ,—узнаю моего стараго друга, Элизундо! Чувствамъ — ничего, дѣламъ — все! Скажите, какъ давно запрятали вы ваше сердце въ сокровеннѣйшій ящикъ вашей кассы и потеряли отъ нея ключъ?

— Скажете вы мнѣ, зачѣмъ вы сюда пріѣхали и зачѣмъ мнѣ писали на-дняхъ, или нѣтъ? — тѣмъ же тономъ и не слушая его, проговорилъ старикъ.

— Въ сущности, вы правы, Элизундо! Банальности между нами неумѣстны. Будемъ серьезны! Намъ съ вами надо поговорить сегодня объ очень важныхъ дѣлахъ, не терпящихъ никакой задержки.

— Въ вашемъ письмѣ говорится о двухъ дѣлахъ, — возразилъ банкиръ,—одно изъ нихъ принадлежитъ къ категоріи нашихъ обыкновенныхъ дѣлъ, другое касается лично васъ.

— Совершенно вѣрно, Элизундо!

— Въ такомъ случаѣ, я васъ слушаю, Старко! Я хочу знать какъ можно скорѣе и то и другое.

Банкиръ выражался кратко и ясно, желая этимъ заставить и своего посѣтителя выражаться такъ же кратко и точно и отвѣчать ему на его вопросы безъ всякихъ обиняковъ и намековъ; но его глухой, неувѣренный голосъ какъ-то плохо согласовался съ его рѣзкими, сухими фразами, и сразу бросалось въ глаза, что изъ этихъ двухъ бесѣдующихъ между собой людей Элизундо занималъ не главное мѣсто.

Плохо скрытая полупрезрительная, полунасмѣшливая улыбка промелькнула на губахъ у капитана „Каристы", но Элизундо не замѣтилъ ея. Онъ сидѣлъ задумавшись и не глядѣлъ на своего собесѣдника.

— Который же изъ двухъ вопросовъ обсудимъ мы раньше? — спросилъ Старко.

— Конечно, раньше всего то, что васъ лично касается! — отвѣчалъ банкиръ.

— А я предлагаю начать съ другого вопроса, — рѣзко возразилъ Старко.

— Согласенъ. Въ чемъ же дѣло?

— Дѣло въ томъ, что намъ надо взять товаръ изъ Аркадіи. Тамъ сто-тридцать-семь головъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Ихъ отвезутъ сначала на островъ Скарпанто, а оттуда я перевезу ихъ въ Африку. А такъ какъ намъ съ вами часто приходилось совершать подобныя операціи, то вы, Элизундо, прекрасно знаете, что турки продаютъ свои товары или на наличныя деньги или подъ векселя, съ условіемъ, чтобы эти послѣдніе были закрѣплены подписью какого-нибудь вѣрнаго человѣка. Вотъ я и пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы вы согласились дать вашу подпись. Надѣюсь, что, когда пріѣдетъ Скопело и привезетъ вамъ уже готовые векселя, вы ихъ подпишете?

Банкиръ молчалъ. Но что же другое, какъ не согласіе, могло означать это молчаніе?

— Я долженъ вамъ сказать, — началъ снова небрежнымъ тономъ Николай Старко,—что дѣло это очень выгодно. Оттоманскія дѣла въ Греціи принимаютъ дурной оборотъ. Наваринская битва будетъ имѣть ужасныя послѣдствія для турокъ. Вѣдь въ ихъ отношенія съ Греціей вмѣшались теперь европейскія державы. Если турки принуждены будутъ прекратить войну, то больше уже не будетъ плѣнныхъ, ни ихъ продажи, ни выгоды и наживы отъ нихъ. Вотъ почему на эти послѣдніе поставы, совершаемые еще покуда при благопріятныхъ условіяхъ, цѣны въ Африкѣ страшно вздорожаютъ. Намъ это будетъ выгодно, да и вамъ, разумѣется, тоже. Итакъ я могу разсчитывать на вашу подпись?

— Я дисконтирую (усчитаю) ваши векселя,—отвѣчалъ Элизундо,— но подписи своей не дамъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, но намъ достаточно было бы и вашей подписи. Въ прежнее время вы намъ въ этомъ не отказывали.

— Мало ли что было въ прежнее время, — воскликнулъ Элизундо, нетерпѣливо передернувъ плечами. — Теперь у меня совсѣмъ другіе взгляды, мнѣнія, другіе мысли и планы!

— А, вотъ какъ! — вскричалъ капитанъ.— Но, конечно, въ такомъ случаѣ, я не смѣю настаивать, дѣлайте, какъ знаете! Но скажите, это правда, я слышалъ, что вы собираетесь бросить наши дѣла?

— Да, собираюсь, — твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ отвѣчалъ банкиръ,—и что касается до васъ, то скажу вамъ, что это послѣдняя операція, которую мы съ вами вмѣстѣ совершаемъ... если вы полагаете, что я долженъ совершить ее!

— Да, я считаю это необходимымъ, Элизундо, — сухо отвѣчалъ ему капитанъ. Онъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по кабинету, не переставая въ то же время окидывать банкира своими нахальными глазами, и снова сѣвъ противъ него, заговорилъ злымъ насмѣшливымъ тономъ. — Вы, значитъ, очень богаты, Элизундо, если думаете ликвидировать ваши дѣла?

Банкиръ молчалъ.

— Что же вы сдѣлаете въ вашими милліонами? Вѣдь не можете же вы взять ихъ съ собою на тотъ свѣтъ? Это будетъ немного тяжеленько для послѣдняго-то путешествія; а, какъ вы думаете? Ну-съ, такъ если вы умрете, кому же они достанутся?

Элизундо продолжалъ попрежнему хранить упорное молчаніе.

— Конечно, они достанутся вашей дочери, красавицѣ Хаджинѣ Элизундо! Она будетъ наслѣдницей богатствъ своего отца! Справедливѣе и быть не можетъ. Но что она съ ними сдѣлаетъ,—вотъ вопросъ? Одна, во всемъ мірѣ, имѣя на рукахъ столько милліоновъ!

При послѣднихъ словахъ банкиръ выпрямился.

— Она не будетъ одна! — быстро проговорилъ онъ; тяжесть этого признанія какъ-будто давила его.

— Вы выдадите ее замужъ?—спросилъ капитанъ.—А за кого, позвольте васъ спросить? Кто захочетъ жениться на Хаджинѣ Элизундо, когда узнаетъ, какимъ способомъ ея отецъ нажилъ свои милліоны?! Скажу больше: когда Хаджина сама узнаетъ объ этомъ, кому осмѣлится она отдать свою руку?!

— Какимъ же образомъ она узнаетъ объ этомъ? Она до сихъ поръ ничего не знаетъ, кто же станетъ ей разсказывать и съ какой стати?

— Я, если это будетъ нужно!

— Вы?!.

— Я! Слушайте, Элизундо, слушайте внимательно, — заговорилъ Старко, со всей наглостью и безстыдствомъ своей подлой натуры.—То, что я вамъ сейчасъ скажу, вы услышите отъ меня въ первый и послѣдній разъ. Ужъ больше я съ вами разсуждать объ этомъ не намѣренъ, поэтому слушайте и мотайте себѣ все это хорошенько на усъ! Вѣдь все ваше громадное состояніе вы нажили благодаря мнѣ! Изъ-за васъ я рисковалъ своею головой! Вѣдь только торгуя награбленною добычей, покупая и продавая невольниковъ во время войны за независимость, вы наполнили вашу казну и нажили свои милліоны! Теперь, если эти милліоны перейдутъ ко мнѣ, то это будетъ только справедливо! Я человѣкъ невзыскательный, безъ всякихъ претензій, я не стану васъ спрашивать, откуда вы взяли ваше богатство! Какъ только окончится война, я и самъ брошу всѣ эти дѣла! Но скучно жить на бѣломъ свѣтѣ одному человѣку, Элизундо, вотъ я и не хочу быть одинокимъ! Я хочу... да, впрочемъ, что тамъ хочу, я требую, чтобы ваша дочь, Хаджина, сдѣлалась моею женой!

Банкиръ страшно поблѣднѣлъ и обезсиленный почти упалъ въ кресло. Онъ давно уже догадывался, къ чему велась рѣчь Николая Старко, но эти слова, произнесенныя имъ вслухъ, поразили и уничтожили его окончательно. Ужаснѣе всего было то, что онъ чувствовалъ себя вполнѣ безпомощнымъ, сознавалъ, что онъ весь теперь въ рукахъ этого человѣка, что онъ его жертва. Элизундо зналъ, что если капитанъ „Каристы" захочетъ чего-нибудь добиться, то онъ не посмотритъ ни на что и настоитъ на своемъ; онъ не сомнѣвался, что Николай Старко для достиженія своей цѣли не задумается и обезчеститъ его имя. Ему оставалось только одно—признаться сейчасъ же, что Хаджина уже невѣста и помолвлена за другого.

И не безъ нѣкотораго колебанія, онъ рѣшился, наконецъ, на это послѣднее средство.

— Моя дочь, — сказалъ онъ,— не можетъ быть вашею женой, она должна выйти за другого!

— За другого?!—вскричалъ пораженный въ свою очередь Старко.— Дѣйствительно, я пріѣхалъ, что называется, во-время! А, вотъ какъ! Такъ дочь банкира Элизундо выходитъ замужъ!

— Да, черезъ пять дней.

— А за кого она выходитъ?..—спросилъ капитанъ дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ.

— За одного французскаго офицера.

— За французскаго офицера! Конечно, за одного изъ этихъ сердобольныхъ филэллиновъ?

— Да.

— И его зовутъ?

— Капитанъ Генрихъ д'Альбарэ.

— Хорошо, Элизундо.—Николай Старко подошелъ совсѣмъ близко къ банкиру и пристально поглядѣлъ ему въ глаза.—Я вамъ еще разъ повторяю: когда этотъ вашъ капитанъ Генрихъ д'Альбарэ узнаетъ, что вы за птица, онъ самъ не пожелаетъ жениться на вашей дочери, а когда ваша дочь узнаетъ, какимъ образомъ ея отецъ нажилъ себѣ со-

стояніе, она первая откажется отъ своего жениха! Если вы сегодня же не разстроите этой свадьбы, завтра она разстроится сама собой, такъ какъ завтра и жениху и невѣстѣ будетъ извѣстно все... Да... да... чортъ побери, они все узнаютъ!

Банкиръ тоже всталъ съ своего мѣста и тоже пристально взглянулъ въ глаза капитану „Каристы".

Наступила минута тяжелаго молчанія.

— Такъ я убью себя...—тихо произнесъ старикъ, и тонъ его голоса не позволялъ сомнѣваться въ томъ, что онъ поступитъ именно такъ, какъ говоритъ. — Хаджинѣ ужъ нечего будетъ стыдиться своего отца!

— Нѣтъ, есть чего, — дерзко возразилъ капитанъ: — и въ прошедшемъ, какъ и въ настоящемъ, вы будете составлять позоръ вашей дочери! Ваша смерть не можетъ уничтожить того факта, что вы были банкиромъ архипелагскихъ пиратовъ!

Страшная мука исказила лицо старика; онъ снова въ полномъ изнеможеніи опустился въ кресло и поникъ сѣдою головой. Что могъ возразить онъ на это?

— Вотъ потому-то, — продолжалъ капитанъ, — Хаджина Элизундо и не можетъ сдѣлаться женой этого Генриха д'Альбарэ, а волей или неволей должна выйти замужъ за Николая Старко!

Еще съ полчаса продолжалась между ними эта ужасная бесѣда. Одинъ просилъ, доказывалъ, умолялъ; другой требовалъ и угрожалъ. Но въ настойчивыхъ требованіяхъ Николая Старко не любовь къ молодой дѣвушкѣ играла главную роль, а алчность къ деньгамъ. Ему нужна была не она, а ея милліоны, и ничто въ мірѣ не могло заставить этого человѣка отказаться отъ желанія обладать ими!

А Хаджина, между тѣмъ, и не подозрѣвала, какая драма разыгрывалась въ кабинетѣ ея отца.

Что, если бы она знала, что въ эту минуту ея участь уже была рѣшена?! Правда, утренній визитъ Николая Старко къ ея отцу сильно взволновалъ ее: онъ такъ давно уже не былъ въ ихъ домѣ. Хотя молодая дѣвушка и ничего не знала о письмѣ, присланномъ имъ изъ Аркадіи, но, благодаря своей наблюдательности, она не могла не замѣтить, что съ того дня, какъ пришло это роковое письмо, старикъ сдѣлался еще сумрачнѣе, еще молчаливѣе, чѣмъ былъ прежде. Какъ будто какая-то страшная непріятность вдругъ поразила его, точно какая-то тайная забота камнемъ легла къ нему на сердце и мучила его день и ночь. Когда утромъ Хаджина увидѣла вдругъ въ дверяхъ своего дома коренастую фигуру капитана „Каристы", она вздрогнула и чувство безотчетнаго страха, предчувствіе чего-то нехорошаго невольно охватили ее. Она давно знала этого человѣка. За послѣдніе годы, во время войны, Старко часто бывалъ въ банкирской конторѣ, и ей нѣсколько разъ случалось встрѣчаться съ нимъ и даже разговаривать. Она видѣла, что онъ любуется ея красотой, что онъ нарочно ищетъ съ ней встрѣчи; но, при всей своей неопытности и полномъ незнаніи людей, молодая красавица не могла подавить въ себѣ чувства невольнаго отвращенія и даже страха къ этому суровому и самому несимпатичному изо всѣхъ кліэнтовъ ея отца. Столько разъ замѣчала она, что чуть не послѣ каждаго визита Старко, Элизундо впадалъ въ какое-то болѣзненное, угнетенное состояніе духа и долго потомъ не

могъ оправиться отъ него! И чувство глубокой непріязни къ виновнику всего этого все сильнѣе и сильнѣе развивалось въ сердцѣ Хаджины. Со своимъ женихомъ она еще ни разу не говорила о Николаѣ Старко. Она была увѣрена, что между этимъ послѣднимъ и ея отцомъ существовали одни только дѣловыя отношенія, и, по привычкѣ никогда не вмѣшиваться въ подобныя дѣла, она и на этотъ разъ не интересовалась ими. Такимъ образомъ, Генрихъ д'Альбарэ даже и не подозрѣвалъ, что у него есть такой страшный и опасный врагъ, что этотъ врагъ находится теперь такъ близко отъ него, что онъ держитъ въ рукахъ и собирается разрушить его счастье...

Ксарисъ, какъ и Хаджина, зналъ капитана „Каристы", какъ и Хаджина—онъ не симпатизировалъ ему; только въ немъ, какъ въ человѣкѣ съ сильнымъ и рѣшительнымъ характеромъ, чувство это выражалось другимъ способомъ. Въ то время, какъ молодая дѣвушка всѣми силами старалась избѣгать съ нимъ встрѣчъ, Ксарисъ, наоборотъ, искалъ только случая, какъ бы столкнуться съ ненавистнымъ ему человѣкомъ.

„Эхъ, — думалъ онъ, — взялъ бы да и поломалъ бы ему ребра! Конечно, теперь я права на это никакого еще не имѣю, ну, да Богъ дастъ, наступитъ когда-нибудь такое хорошее времечко! Ужъ тогда онъ не вывернется отъ меня!"

Итакъ этотъ утренній визитъ Николая Старко къ банкиру Элизундо не могъ доставить удовольствія никому изъ членовъ семьи. И вѣрный слуга и его молоденькая госпожа вздохнули свободно только тогда, когда Старко вышелъ, наконецъ, изъ конторы и направился по дорогѣ къ порту. Послѣ этого прошелъ цѣлый часъ, а Элизундо все еще сидѣлъ запершись въ своемъ кабинетѣ. Глубокая тишина царила во всемъ домѣ. Изъ кабинета не доносилось ни одного звука.

Но какъ ни зловѣща была эта тишина, какъ ни мучительны были эти минуты ожиданія, ни Хаджина ни Ксарисъ не смѣли войти въ комнату старика безъ его зова. Наконецъ, раздался звонокъ, слабый, неувѣренный ударъ колокольчика. Ксарисъ со всѣхъ ногъ бросился въ кабинетъ. Дверь была отперта. Элизундо попрежнему сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Онъ былъ блѣденъ и имѣлъ видъ страшно утомленнаго и убитаго горемъ человѣка.

При входѣ Ксариса, онъ медленно поднялъ голову, взглянулъ на него, какъ бы съ трудомъ узнавая своего вѣрнаго слугу, провелъ рукою по своему блѣдному лбу, какъ бы что-то припоминая, и слабымъ голосомъ проговорилъ:

— А Хаджина?

Ксарисъ понялъ, что старикъ желалъ видѣть свою дочь, и вышелъ, чтобы позвать ее. Черезъ нѣсколько минутъ молодая дѣвушка уже стояла предъ отцомъ.

— Хаджина... — началъ онъ; голосъ его дрожалъ отъ волненія и онъ старался не смотрѣть на нее, — надо... тебѣ надо отказаться отъ твоего брака съ Генрихомъ д'Альбарэ... — съ трудомъ могъ договорить онъ.

— Папа!.. — вскричала въ ужасѣ молодая дѣвушка,— что вы говорите?!.

Ударъ былъ слишкомъ неожиданъ и жестокъ, онъ поранилъ ее въ самое сердце.

— Что же дѣлать? Такъ надо, Хаджина! — повторилъ Элизундо.

— Но, папа, вы мнѣ скажите, почему вы берете свое слово назадъ?— спросила тихо молодая дѣвушка. — Вы знаете, я не привыкла итти противъ вашихъ желаній, такъ и теперь, каковы бы они ни были, я не стану противорѣчить имъ... Но, все-таки, неужели вы мнѣ не скажете, почему я должна отказаться отъ Генриха?!.

— Потому, что это такъ надо, Хаджина... надо, чтобы ты вышла замужъ за другого... — почти прошепталъ онъ.

Но какъ ни тихо произнесены были эти послѣднія слова, дочь Элизундо слышала ихъ.

— За другого?!. — проговорила она. — И этотъ другой?..

— Капитанъ Старко!..

— Какъ, онъ?! Этотъ человѣкъ!!—съ новымъ ужасомъ воскликнула несчастная дѣвушка и, пошатнувшись, невольно схватилась за край стола, чтобы не упасть.

Но Хаджина Элизундо была не изъ слабыхъ натуръ; сдѣлавъ надъ собой нечеловѣческое усиліе, она черезъ минуту уже оправилась и твердымъ голосомъ спросила отца:

— Въ вашемъ приказаніи, папа, есть что-то для меня непонятное. Быть-можетъ, вы требуете отъ меня этой жертвы противъ вашего желанія? Во всякомъ случаѣ, тутъ есть какая-то тайна, и вы ее отъ меня почему-то скрываете!

— Не спрашивай меня ни о чемъ, Хаджина! — вскричалъ Элизундо. — Слышишь ли, ни о чемъ!

— Ни о чемъ?.. Такъ и быть!.. Но если, исполняя вашу волю, я откажусь выйти замужъ за Генриха, вѣдь я умру тогда... Я не могу быть женой Николая Старко!.. Это жестоко, вы не можете желать этого!..

— Что же дѣлать! Такъ нужно, Хаджина! — попрежнему стараясь не смотрѣть на дочь, повторялъ онъ.

— Но вѣдь отъ этого зависитъ все мое счастье!.. — мучительнымъ крикомъ вырвалось у молодой дѣвушки.

— И моя честь!

— Развѣ честь Элизундо можетъ зависѣть отъ кого-нибудь другого, кромѣ него самого? — спросила Хаджина.

— Да, можетъ... и зависитъ отъ другого!.. И этотъ другой все тотъ же Николай Старко!

При этихъ словахъ старикъ тяжело поднялся съ креселъ; глаза его глядѣли сурово, почти свирѣпо, лицо болѣзненно передергивалось.

Хаджина въ ужасѣ отступила предъ нимъ.

— Хорошо, папа, — проговорила она черезъ силу, — я исполню вашу волю!

Вся жизнь ея теперь была разбита, но она поняла, что въ отношеніяхъ, существующихъ между банкиромъ и капитаномъ „Каристы“, скрывалась какая-то страшная тайна! Она поняла, что отецъ ея находится въ рукахъ этого презрѣннаго человѣка, и... она покорилась, пожертвовала собой!.. Этой жертвы требовала честь ея отца.

Ксарисъ встрѣтилъ ее у дверей и почти безчувственную на рукахъ перенесъ въ ея комнату.

Тамъ, съ горькими рыданіями, разсказала она ему все, что съ ней произошло и на что она согласилась!.. Боже, сколько новой ненависти вскипѣло въ сердцѣ Ксариса противъ виновника, разрушившаго все счастье его любимицы!

Двѣ желѣзныя руки обхватили Старко сзади. (Стр. 75.)

Ровно черезъ часъ послѣ этого печальнаго событія, совершившагося въ мрачномъ домѣ на улицѣ Страда-Реаль, въ тотъ же домъ, по своему обыкновенію и ничего не подозрѣвая о неожиданно нагрянувшей бѣдѣ, пришелъ Генрихъ д'Альбарэ.

Служанка, отворившая ему дверь, объявила, что барышню видѣть нельзя, что она нездорова и лежитъ въ постели. Онъ спросилъ: нельзя ли видѣть, въ такомъ случаѣ, ея отца? Оказалось, что банкиръ былъ страшно занятъ и также не могъ его принять. Онъ попросилъ вызвать Ксариса... Ксариса не было дома.

Не зная, что и подумать, крайне встревоженный вернулся Генрихъ къ себѣ въ отель. Никогда еще ничего подобнаго съ нимъ въ этомъ домѣ не случалось. Какъ жениху, ему еще ни разу до сихъ поръ не отказывали въ пріемѣ. Онъ рѣшилъ пойти туда еще разъ вечеромъ.

Но въ шесть часовъ, какъ разъ въ то время, какъ онъ собирался уходить, ему подали письмо. Онъ взглянулъ на адресъ и сейчасъ же узналъ руку старика-банкира.

Въ письмѣ заключалось всего нѣсколько строкъ:

„Милостивый государь!

Васъ просятъ считать вашу помолвку съ дочерью банкира Элизундо недѣйствительной, такъ какъ бракъ этотъ по причинамъ, совершенно не касающимся васъ, состояться не можетъ. И потому васъ покорнѣйше просятъ прекратить ваши посѣщенія въ домъ банкира.

Элизундо“.

Письмо это такъ ошеломило его, что онъ въ первую минуту даже не понялъ его содержанія. Но перечитавъ его еще разъ, онъ готовъ былъ зарыдать какъ женщина. „Что же такое произошло у Элизундо?— въ отчаяніи думалъ онъ.— Почему эта внезапная перемѣна? Вѣдь вчера еще онъ былъ у нихъ въ домѣ, банкиръ обошелся съ нимъ, какъ всегда, очень ласково; о молодой дѣвушкѣ и говорить нечего: она была такъ весела и казалась такой счастливой! Разговоръ почти все время вертѣлся около ихъ свадьбы и приготовленіяхъ къ ней! Но вѣдь письмо не подписано именемъ Хаджины,— повторялъ онъ себѣ чуть не въ сотый разъ.— Его писалъ самъ Элизундо!.. Нѣтъ, Хаджина не знала и теперь еще не знаетъ, о чемъ пишетъ мнѣ ея отецъ! Онъ рѣшилъ это безъ ея вѣдома!.. Почему?.. Я, кажется, не подавалъ никакого повода... О, я узнаю, я добьюсь, что за препятствіе встало между мной и Хаджиной!..“

И такъ какъ онъ зналъ, что его больше тамъ не примутъ, онъ послалъ Элизундо письмо:

„Имѣю полное право,— писалъ онъ, — знать, что за причины, разстраивающія нашъ бракъ чуть ли не наканунѣ его совершенія?“

Его письмо осталось безъ отвѣта. Онъ написалъ другое, потомъ еще два — результата попрежнему никакого. Тогда онъ написалъ своей невѣстѣ. Онъ умолялъ ее, въ память ихъ любви, отвѣтить ему... Но и на это пламенное письмо отвѣтомъ было все то же упорное молчаніе.

По всей вѣроятности, это письмо не дошло до молодой дѣвушки; по крайней мѣрѣ, такъ думалъ Генрихъ. Онъ настолько зналъ ея характеръ, что не могъ допустить, чтобъ она не отвѣтила ему. Въ отчаяніи, молодой офицеръ искалъ случая увидѣться съ Ксарисомъ. Цѣлыми часами ходилъ онъ подъ окнами банкирскаго дома,— все было напрасно. Повинуясь приказаніямъ банкира, а быть-можетъ, и просьбамъ самой Хаджины, Ксарисъ не выходилъ изъ дому.

Такъ прошло два дня, и вдругъ на третій, 26-го октября, въ городѣ распространилась новость, поразившая его еще сильнѣе, еще ужаснѣе. Мало того, что его свадьба съ Хаджиной Элизундо разстроилась,— объ этомъ зналъ уже весь городъ, — но Хаджина Элизундо выходила теперь замужъ за другого!..

Другой вмѣсто него будетъ мужемъ Хаджины! Одна эта мысль приводила его въ бѣшенство. „О, я узнаю, кто этотъ человѣкъ, — думалъ онъ.— Кто бы онъ ни былъ, я познакомлюсь съ нимъ!.. Я доберусь до него, поговорю съ нимъ... и онъ мнѣ на все отвѣтитъ!“

Ему недолго пришлось узнавать, кто былъ его соперникъ. На другой же день, 27-го октября, Генрихъ видѣлъ, какъ какой-то мужчина невысокаго роста, брюнетъ, съ большими черными глазами, суровый и несимпатичный на видъ, вошелъ въ домъ Элизундо и былъ тамъ принятъ слугою, тогда какъ всѣмъ посѣтителямъ этого дома за эти послѣдніе дни отказывали въ пріемѣ. Молодой офицеръ дождался, когда незнакомецъ вышелъ отъ Элизундо и прослѣдилъ за нимъ до конца. Онъ видѣлъ, какъ тотъ сѣлъ въ лодку, дожидавшуюся его у стѣнки гавани, и направился къ небольшому трехмачтовому кораблю, стоявшему невдалекѣ на якорѣ. Ему сказали, что это былъ Николай Старко, капитанъ саколэва „Каристы“. Собирая отовсюду самыя точныя свѣдѣнія, Генрихъ д'Альбарэ узналъ, что свадьба Хаджины съ Николаемъ Старко состоится очень скоро, а именно — 30-го октября, то-есть, значитъ, въ тотъ же самый день, въ который назначена была и его свадьба, и даже въ той же самой церкви св. Спиридонія! Только женихъ будетъ не онъ, а этотъ таинственный капитанъ, неизвѣстно откуда явившійся и неизвѣстно куда отправляющійся! Внѣ себя отъ горя, негодованія и безумной ревности, д'Альбарэ рѣшилъ во что бы то ни стало отыскать Николая Старко и вызвать его на дуэль. Если онъ не убьетъ своего соперника, а будетъ самъ убитъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ покончитъ съ этимъ жалкимъ существованіемъ,— вѣдь жизнь безъ любимой дѣвушки для него немыслима!.. Напрасно повторялъ онъ себѣ, что этотъ бракъ состоится съ согласія Элизундо, что человѣкъ, распоряжающійся судьбой Хаджины — ея отецъ! „Да, но вѣдь это противъ ея желанія!.. — тутъ же восклицалъ въ немъ другой голосъ.— Ее насильно заставляютъ выходить за него замужъ!.. Она жертвуетъ собой!..“

Весь день 28-го октября Генрихъ старался встрѣтиться гдѣ-нибудь съ Николаемъ Старко. Онъ поджидалъ его и у пристани и у дверей банкирской конторы. Все безуспѣшно! Еще два дня, и этотъ гнусный бракъ долженъ совершиться!.. Генрихъ чувствовалъ, что сходитъ съ ума.

Какъ вдругъ 29-го октября, около шести часовъ вечера, произошло нѣчто совершенно неожиданное, нѣчто ускорившее развязку его мучительнаго состоянія.

Послѣ полудня въ Корфу распространился слухъ, что съ банкиромъ Элизундо сдѣлался мозговой ударъ, и, дѣйствительно, черезъ два часа послѣ этого несчастный старикъ скончался.

ГЛАВА VIII.

Пущенные въ ходъ двадцать милліоновъ.

Смерть Элизундо породила во всемъ городѣ массу толковъ и пересудовъ. Кажется, не было такого дома, гдѣ бы теперь не судили и не рядили о внезапно осиротѣвшей молодой дѣвушкѣ, объ ея женихахъ и объ ея милліонахъ, и гдѣ бы не дѣлались на ихъ счетъ предположенія самаго разнороднаго свойства.

Когда эта новость достигла до Генриха д'Альбарэ, невольная тайная радость охватила его сердце. Мысль, что счастье еще не совсѣмъ пропало, что его можно вернуть, быстро, какъ молнія, озарила его бѣдный, измученный за послѣдніе дни нравственными страданіями умъ. Ужъ одно то было утѣшительно, что свадьба Хаджины съ Николаемъ Старко, по случаю траура, должна была быть отложена. О томъ, что эта свадьба откладывалась только на неопредѣленное время или разстраивалась навсегда, онъ много не раздумывалъ. Онъ разсуждалъ такъ: „Если, выходя замужъ за этого капитана Старко, Хаджина жертвовала собою только для того, чтобы исполнить волю отца, то теперь, когда отецъ умеръ, этой свадьбѣ не бывать!"

И полный радостныхъ надеждъ, онъ смѣло отправился на улицу Страда-Реаль. Но на первыхъ же порахъ его ждало тамъ разочарованіе. Онъ не видѣлъ ни Хаджины ни Ксариса. Ему оставалось только терпѣливо ждать дальнѣйшаго рѣшенія своей участи.

Между тѣмъ, его врагъ и соперникъ, Николай Старко, узналъ о смерти стараго банкира лишь на другой день. Эту новость, надѣлавшую столько шума въ городѣ, принесъ ему Скопело, явившійся, по своему обыкновенію, въ 10 часовъ утра на палубу „Каристы".

Спокойно, совершенно хладнокровно, что называется и бровью не моргнувъ, выслушалъ капитанъ это извѣстіе. О, онъ умѣлъ владѣть собою въ совершенствѣ!

— А, Элизундо умеръ? — спросилъ онъ только.

— Да... умеръ! — отвѣчалъ Скопело.

— Развѣ онъ самъ себя убилъ? — прибавилъ Старко вполголоса, какъ бы разговаривая съ самимъ собою.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Скопело. — Доктора констатировали, что банкиръ Элизундо умеръ отъ прилива крови.

— Съ нимъ былъ ударъ?

— Да. Онъ сразу потерялъ сознаніе и лишился языка. Передъ смертью онъ не могъ сказать ни одного слова.

— Хорошо еще, что и такъ кончилось, Скопело! Могло быть и хуже!

— Конечно, капитанъ. Теперь безпокоиться вамъ нечего, вѣдь дѣло насчетъ Аркадіи ужъ было улажено между вами?

— Вполнѣ, — отвѣчалъ тотъ. — Наши векселя онъ усчиталъ, и теперь ты можешь за деньги получить отрядъ плѣнныхъ.

— Э, чортъ возьми, во-время дѣлишко устроили! — воскликнулъ Скопело. — Итакъ съ этимъ дѣломъ, значитъ, совсѣмъ покончено, а съ другимъ?

— Съ другимъ? — спокойно переспросилъ его капитанъ. — Что же! И съ другимъ будетъ покончено такъ же, какъ и съ первымъ! Я ничего такого не вижу, чтобы могло измѣнить мои планы. Я полагаю, что Хаджина Элизундо исполнитъ волю своего покойнаго отца точно такъ же,

«Сифанта» появилась близъ острова Хіоса. (Стр. 78.)

какъ она исполнила бы ее и при его жизни, и по тѣмъ же самымъ причинамъ!

— Такъ вы, капитанъ, не думаете отступать отъ своего намѣренія?

— Отступать? — насмѣшливо воскликнулъ Старко. — Скажи мнѣ, Скопело, неужели ты думаешь, что на свѣтѣ есть такой человѣкъ, который согласился бы зажать руку въ ту минуту, когда ему остается только раскрыть ее, чтобы получить двадцать милліоновъ?!

— Двадцать милліоновъ!.. — улыбаясь и качая головой повторилъ за

нимъ Скопело. — Да, я всегда чувствовалъ, что состоянiе нашего друга состоитъ изъ двадцати миллiоновъ!

— Состоянiе, замѣть, налицо, чистое, самаго лучшаго качества,— говорилъ Старко, — его безъ всякихъ задержекъ можно пустить въ оборотъ...

— Съ той минуты, когда вы сдѣлаетесь его обладателемъ, капитанъ, — замѣтилъ не безъ ехидства его собесѣдникъ. — Вѣдь теперь наслѣдницей его Хаджина Элизундо?

— Такъ ты думаешь, эти деньги перейдутъ къ ней? Все перейдетъ ко мнѣ, ко мнѣ только одному, будь увѣренъ, Скопело! Вѣдь я могу однимъ словомъ обезчестить память покойнаго банкира, а дочери честь отца дороже всякихъ денегъ! Но я ничего не скажу, мнѣ не зачѣмъ будетъ и говорить. Я держу ее въ рукахъ такъ же, какъ держалъ до сихъ поръ ея отца! О, она будетъ безконечно счастлива принести въ приданое Николаю Старко эти двадцать миллiоновъ! Если ты въ этомъ сомнѣваешься, ты, значитъ, совсѣмъ не знаешь капитана „Каристы“.

Онъ говорилъ такъ спокойно и такъ увѣренно, что даже его помощникъ, человѣкъ, не способный поддаваться никакимъ иллюзiямъ, невольно повѣрилъ его словамъ и тому, что смерть Элизундо никакимъ образомъ не могла помѣшать его планамъ. Могла быть только задержка во времени, но совсѣмъ разстроиться, по ихъ мнѣнiю, эта свадьба никакъ не могла.

На третiй день смерти Элизундо, Николай Старко отправился на похороны покойнаго. Печальная церемонiя прошла весьма скромно, безъ всякаго блеска, и только очень небольшое общество собралось проводить стараго банкира на кладбище. Въ числѣ провожающихъ былъ и Генрихъ д'Альбарэ.

Послѣ этого, въ теченiе пяти дней, Старко тщетно старался проникнуть въ домъ молодой дѣвушки. Двери банкирской конторы оставались для всѣхъ запертыми.

Казалось, со смертью хозяина вымеръ и весь его домъ.

Не счастливѣе своего соперника былъ и Генрихъ д'Альбарэ. Онъ также до сихъ поръ не имѣлъ возможности видѣться съ Хаджиной, но даже переговорить съ нею письменно. Не разъ приходила ему въ голову мысль: ужъ не выѣхала ли молодая дѣвушка совсѣмъ изъ Корфу?

А между тѣмъ, капитанъ „Каристы“ былъ далекъ отъ мысли отказаться навсегда отъ своей невѣсты и ея миллiоновъ. Онъ старался увѣрить и себя и другихъ, что эта свадьба лишь отложена на время, и вотъ, благодаря ему и всевозможнымъ хитростямъ Скопело, благодаря слухамъ, такъ настойчиво распространяемымъ ими въ свою пользу, скоро никто уже въ городѣ и не сомнѣвался, что бракъ Николая Старко съ Хаджиной Элизундо рано или поздно, но, въ концѣ концовъ, все-таки состоится. Всѣ понимали, что необходимо переждать первое время послѣ траура, что этого требуетъ и приличiе и уваженiе къ памяти покойнаго, что, наконецъ, необходимо привести въ порядокъ и финансовыя дѣла богатой наслѣдницы. А что Хаджина была богатая наслѣдница, объ этомъ также зналъ уже весь городъ; городскiя кумушки утверждали, что Элизундо оставилъ послѣ себя не меньше ста миллiоновъ! И кто же былъ наслѣдникомъ этихъ миллiоновъ? Молоденькая

дѣвушка! Какъ долженъ быть счастливъ ея женихъ, этотъ капитанъ Старко!

И какъ недѣлю тому назадъ у всѣхъ корфіотовъ только и было разговору, что о внезапной смерти Элизундо, такъ теперь злобой дня чуть не на цѣломъ островѣ была свадьба его дочери. Улица Страда-Реаль сдѣлалась излюбленнѣйшимъ мѣстомъ гулянья городскихъ жителей. За неимѣніемъ лучшаго, они довольствовались тѣмъ, что любовались на этотъ знаменитый домъ, гдѣ было столько денегъ!

Состояніе, правда, было громадное. Оно доходило до двадцати милліоновъ и заключалось не въ поземельныхъ собственностяхъ, а въ наличномъ капиталѣ. Хаджина узнала объ этомъ въ первые же дни послѣ смерти отца; но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря Ксарису, она узнала и то, какимъ способомъ были нажиты эти деньги. Имѣя небольшой навыкъ въ банкирскихъ дѣлахъ, Ксарисъ, разбирая бумаги и книги покойнаго, сразу же понялъ, какого рода дѣлами занимался Элизундо. Безъ сомнѣнія, старикъ намѣревался уничтожить впослѣдствіи злополучные документы, но нежданная гостья — смерть застигла его врасплохъ, и тайна, столько лѣтъ сохранявшаяся, открылась, наконецъ. Эти счетныя книги были тутъ налицо, онѣ сами за себя говорили. Такъ вотъ на какой гнусной торговлѣ покоилось это богатство, сколько тяжкихъ преступленій имѣло оно за собой!.. Вотъ какимъ образомъ и вотъ почему Николай Старко держалъ въ своихъ рукахъ Элизундо! Онъ былъ его соумышленникъ, онъ могъ однимъ словомъ обезчестить его. И въ уплату за свое молчаніе онъ вырывалъ у отца его дочь!

— Негодяй... негодяй... — кричалъ въ бѣшенствѣ Ксарисъ.

— Молчи... — останавливала его Хаджина.

И онъ молчалъ, такъ какъ чувствовалъ, что его слова относятся не къ одному Николаю Старко...

Какъ бы то ни было, но положеніе вещей было такое, что требовало самой скорѣйшей развязки; Хаджина понимала это, понимала и то, что ей слѣдовало самой, въ виду общихъ интересовъ, ускорить эту развязку, и вотъ на шестой день послѣ смерти Элизундо, около семи часовъ вечера, Ксарисъ, по ея приказанію, отправился на набережную и, дождавшись у лѣстницы Николая Старко, попросилъ его немедленно отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ домъ Элизундо. Нельзя сказать, чтобы, передавая приглашеніе своей госпожи, Ксарисъ былъ очень вѣжливъ и любезенъ, но для капитана „Каристы“ все это были такіе пустяки, не стоящіе даже и вниманія въ сравненіи съ тѣмъ фактомъ, что двери злополучнаго банкирскаго дома, наконецъ-то, открылись предъ нимъ! О, какимъ побѣдителемъ надѣялся онъ выйти оттуда!

Николай Старко нашелъ Хаджину въ кабинетѣ ея отца; она сидѣла предъ столомъ, заваленнымъ безчисленными бумагами, документами и книгами. Капитанъ понялъ, что молодая дѣвушка уже ознакомилась съ домашними дѣлами Элизундо, и не ошибся въ этомъ; но знала ли она объ отношеніяхъ банкира съ архипелагскими пиратами? Вотъ что интересовало его теперь. При входѣ капитана, Хаджина встала — это избавляло ее отъ обязанности предложить ему кресло — и сдѣлала знакъ стоявшему сзади него Ксарису удалиться. Она была въ траурѣ. Ея блѣдное серьезное личико, усталые отъ долгой безсонницы глаза, — все показывало, что она страшно утомлена.

Дѣйствительно, она чувствовала себя совсѣмъ разбитой физически; духъ же ея былъ бодръ какъ всегда: она хорошо помнила, что ей предстоялъ трудный разговоръ, и что спокойствіе не должно было покидать ее ни на минуту.

— Вотъ и я, — началъ капитанъ съ своей обычной развязностью, — весь къ вашимъ услугамъ! Зачѣмъ вы потребовали меня, позвольте васъ спросить?

— Мнѣ надо было васъ видѣть по двумъ причинамъ, — отвѣчала молодая дѣвушка. — Во-первыхъ, я хотѣла вамъ сказать, что этотъ бракъ, согласіе на который, какъ вы знаете, потребовалъ у меня отецъ, не можетъ состояться.

— А я, — холодно возразилъ Старко, — ограничусь только тѣмъ, что отвѣчу на это такъ: Хаджина Элизундо, вѣроятно, не подумала о послѣдствіяхъ ею сказаннаго.

— Нѣтъ, подумала, — отвѣчала та, — и вы поймете, что мое рѣшеніе непоколебимо, когда я вамъ скажу, что я знаю, какія дѣла вела контора Элизундо съ вами и вамъ подобными! — добавила она, окидывая его презрительнымъ взглядомъ.

Непріятное выраженіе скользнуло по лицу капитана при послѣднихъ словахъ молодой дѣвушки. Разумѣется, онъ ожидалъ, что Хаджина на первыхъ порахъ возьметъ назадъ свое слово; но онъ никакъ не ожидалъ, что она откажетъ ему въ такой формѣ. Онъ разсчитывалъ на то, что если Хаджина заупрямится, онъ откроетъ ей позорную тайну ея отца, и она, во избѣжаніе ея гласности, принуждена будетъ или согласиться на бракъ съ нимъ или отдать ему свои милліоны. И вдругъ оказывается, что она сама уже все узнала! Вѣдь эта тайна была его послѣднее, быть-можетъ, самое вѣрное оружіе противъ ея настойчивости! Однако, Николай Старко вовсе не желалъ такъ скоро сдаваться.

— Итакъ, — началъ онъ снова слегка ироническимъ тономъ, — вы знакомы съ дѣлами банкирскаго дома Элизундо, и все-таки, будучи знакомы съ ними, вы рѣшаетесь говорить такимъ образомъ?

— Да, рѣшаюсь и всегда буду такъ говорить, потому что считаю это своимъ долгомъ!

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ понимать такъ, что капитанъ Генрихъ д'Альбарэ...

— Пожалуйста, не примѣшивайте имени Генриха д'Альбарэ ко всей этой грязи! — нетерпѣливо и гнѣвно перебила она его. — Вы прекрасно знаете, — прибавила она уже болѣе спокойнымъ голосомъ, — что капитанъ д'Альбарэ никогда не согласится соединить свою жизнь съ дочерью банкира Элизундо!

— Онъ будетъ слишкомъ разборчивъ!

— Онъ будетъ благороденъ!

— Почему же?

— Потому, что честный человѣкъ никогда не женится на дочери банкира морскихъ разбойниковъ! Нѣтъ, честный человѣкъ не можетъ принять состоянія, нажитаго подлостью и преступленіемъ!

— Но позвольте, — перебилъ ее Николай Старко, — мнѣ кажется, все, что вы говорите, совершенно не относится къ тому вопросу, который намъ надо съ вами рѣшить?

— Этотъ вопросъ уже рѣшенъ!

— Но, позвольте вамъ замѣтить, что Хаджина Элизундо должна была выйти замужъ не за капитана д'Альбарэ, а за капитана Старко! Смерть ея отца не могла измѣнить ея намѣреній, точно такъ же, какъ она не измѣнила и моихъ!

Осада крѣпости Хіоса уже началась. (Стр. 80).

— Я исполняла волю моего отца, — отвѣчала Хаджина, — не зная, ради чего я должна была пожертвовать своимъ счастіемъ! Теперь я знаю, что, жертвуя собой, я спасала его честь!

— А если вы знаете...

— Я знаю, — не дала ему докончить Хаджина, — я знаю, что вы были его палачомъ, вы вовлекли его въ эти гнусныя дѣла, вы дали возможность этимъ милліонамъ проникнуть въ нашъ домъ, до сихъ поръ еще ни разу не запятнавшій своей чести! Я знаю, вы угрожали моему отцу, что публично раскроете его позоръ, если онъ не согласится вы-

дать за васъ свою дочь! Въ самомъ дѣлѣ, неужели вы могли подумать, что, соглашаясь быть вашею женой, я поступала такъ не изъ одной только покорности къ отцу?

— Хорошо, пусть будетъ такъ, мнѣ больше нечего сказать вамъ! Но, если при жизни отца вы такъ заботились объ его честномъ имени, то, мнѣ кажется, оно должно быть вамъ дорого и послѣ его смерти. А если вы такъ настаиваете на вашемъ рѣшеніи и отвергаете меня...

— То вы все разскажете, Николай Старко! — воскликнула молодая дѣвушка, и на лицѣ ея выразилось столько презрѣнія и отвращенія къ этому человѣку, что онъ невольно покраснѣлъ подъ ея взглядомъ.

— Да... все! — проговорилъ онъ.

— Вы этого не сдѣлаете!

— Почему же?

— Потому, что этимъ вы обвините и самого себя!

— Обвиню самого себя! Такъ что же вы думаете, всѣ эти дѣла совершались отъ моего имени, что ли? Вы, можетъ-быть, думаете, что это Николай Старко разбойничаетъ въ Архипелагѣ и продаетъ въ рабство военноплѣнныхъ? Ничуть не бывало! Разсказывая про дѣла вашего отца, я нисколько себя не скомпрометирую, а разсказывать я непремѣнно стану: вы сами меня принуждаете къ этому.

Хаджина взглянула ему прямо въ глаза. Его наглый жестокій взглядъ заставилъ ее содрогнуться, но она не опустила предъ нимъ своихъ гордыхъ честныхъ глазъ.

— Старко,— заговорила она,— я бы могла обезоружить васъ однимъ словомъ. Вѣдь вы не по любви и не изъ чувства симпатіи ко мнѣ требовали этого брака? Вамъ хотѣлось получить состояніе моего отца! Да, я могла бы вамъ сказать. Вы желаете только милліоны!.. такъ вотъ они!.. Возьмите ихъ... и уѣзжайте отсюда!.. только не показывайтесь мнѣ никогда на глаза!.. Но, я такъ не скажу, Старко!.. Эти милліоны, что я наслѣдовала, вы ихъ не получите!.. Я оставлю ихъ у себя... Я ихъ употреблю по своему усмотрѣнію!.. Нѣтъ, вы ихъ не получите!.. А теперь, убирайтесь вонъ изъ этой комнаты, вонъ изъ моего дома!.. Убирайтесь!..

Съ высоко поднятою головкой, съ протянутою рукой, Хаджина, въ эту минуту, была похожа на мать Николая Старко, на эту доблестную Андронику. Какъ та, нѣсколько недѣль тому назадъ, гнала его прочь отъ своего дома, такъ теперь выгоняла его и Хаджина. Но только въ тотъ день Старко отступилъ предъ угрожающимъ жестомъ своей матери, сегодня же, напротивъ, онъ подошелъ еще ближе къ молодой дѣвушкѣ.

— Хаджина, — тихимъ, но твердымъ голосомъ проговорилъ онъ,— вы правы, мнѣ нужны эти милліоны... Они мнѣ нужны, и такъ или иначе, а я ихъ получу!

— Нѣтъ!.. Лучше ихъ совсѣмъ уничтожить, лучше бросить въ море!..

— А я вамъ говорю, что я получу ихъ!.. Я этого желаю!..

Онъ дерзко схватилъ ее за руку. Бѣшенство душило его. Онъ уже не могъ больше владѣть собою, взглядъ его дико блуждалъ, онъ готовъ былъ убить, задушить ее тутъ же на мѣстѣ.

Въ одну секунду Хаджина поняла, что ей угрожало. Въ сущности, смерть не страшила ея, жизнь ее больше не привлекала. Но она должна

была жить, у нея была цѣль въ жизни, и она дала себѣ слово во что бы то ни стало достигнуть этой цѣли.

— Ксарисъ! — закричала она.

Дверь моментально распахнулась, и въ комнату вбѣжалъ ея вѣрный слуга.

— Ксарисъ, выгони этого человѣка! — приказала она.

И Старко не успѣлъ опомниться, какъ двѣ желѣзныя руки обхватили его сзади, крѣпко стиснули и вытолкали вонъ изъ кабинета.

— Я васъ не убилъ только потому, что она не велѣла васъ убивать. Когда она мнѣ прикажетъ, тогда я это сдѣлаю! — напутствовалъ его Ксарисъ, безцеремонно сталкивая своего врага ногою съ лѣстницы и запирая за нимъ входную дверь.

На счастье Николая Старко, улица Страда-Реаль въ эти часы обыкновенно пустѣла. Никто поэтому не видѣлъ, какъ гордый капитанъ „Каристы", награждаемый пинками силача-слуги, позорно вылетѣлъ изъ дверей банкирскаго дома на мостовую. Слава Богу, его честь была спасена! Онъ вздохнулъ свободнѣе. Вѣдь всѣ видѣли, какъ онъ входилъ въ этотъ домъ, пускай же думаютъ и теперь, что онъ, попрежнему, счастливый женихъ первой въ Корфу красавицы и самой богатой невѣсты на всемъ островѣ. Вернувшись на палубу саколэва, капитанъ первымъ дѣломъ разсказалъ своему помощнику Скопело безъ всякой утайки, съ мельчайшими подробностями обо всѣмъ, что съ нимъ произошло въ домѣ Элизундо.

Обсудивъ и взвѣсивъ хладнокровно всѣ обстоятельства за и противъ, оба друга рѣшили до поры до времени молчать, не раскрывать покуда никому тайны, тяготѣвшей надъ жизнью стараго банкира, и дѣйствовать осторожнѣе, тѣмъ болѣе, что дѣла ихъ за послѣднее время стали принимать дурной оборотъ.

Когда Генрихъ д'Альбарэ узналъ, что его соперникъ былъ принятъ въ томъ домѣ, гдѣ ему только что было отказано въ пріемѣ, онъ, какъ и всѣ, подумалъ, что капитанъ „Каристы" остался попрежнему женихомъ молодой дѣвушки. Какой это былъ новый ударъ для него! Онъ чуть не проклялъ Хаджину, да и кто, спрашивается, не поступилъ бы такъ на его мѣстѣ? Но истинная любовь побѣдила въ немъ чувства гнѣва и ревности. Несмотря на то, что все, повидимому, говорило противъ молодой дѣвушки, онъ не хотѣлъ и не могъ повѣрить тому, что Хаджина выйдетъ замужъ за Николая Старко.

— Нѣтъ, нѣтъ, — восклицалъ онъ, — это невозможно! Она и этотъ человѣкъ!.. Это не можетъ быть!.. Тутъ что-то не такъ!

Онъ велъ затворническую жизнь, такъ какъ не считалъ себя даже и въ правѣ стараться возобновить прежнія отношенія съ своею бывшею невѣстой, и, несмотря на все это, надежда не покидала его. 12-го ноября, вечеромъ, ему въ отель принесли письмо; предчувствіе подсказало ему, что это письмо отъ Хаджины. Письмо было коротенькое, всего нѣсколько строкъ. Вотъ что писала она:

„Генрихъ!

Смерть отца возвратила мнѣ свободу, но вы должны отказаться отъ меня! Дочь банкира Элизундо недостойна васъ! Я никогда не выйду

замужъ за этого негодяя, Николая Старко, но я не могу сдѣлаться женой и честнаго человѣка! Простите и прощайте!

Хаджина Элизундо“.

Прочитавъ письмо, Генрихъ, какъ безумный, бросился къ милому ему дому, на улицѣ Страда-Реаль. Домъ былъ запертъ и даже заколоченъ. Онъ имѣлъ видъ такой пустынный, покинутый, какъ будто бы Хаджина и ея преданный другъ Ксарисъ оставили его навсегда, чтобъ ужъ болѣе не возвращаться.

ГЛАВА IX.

Архипелагъ въ огнѣ.

Островъ Хіосъ находится въ Эгейскомъ морѣ, около береговъ Малой Азіи, на востокѣ отъ Смирнскаго залива, и имѣетъ въ окружности своей сорокъ лье. Вмѣстѣ съ островами Лесбосъ—на сѣверѣ и Самосъ—на югѣ, онъ принадлежитъ къ группѣ Спорадскихъ острововъ, расположенныхъ на востокѣ Архипелага. Самая высшая точка его, гора Эліасъ, возвышается на двѣ тысячи пятьсотъ футовъ надъ уровнемъ моря. Среди его многочисленныхъ городовъ, городъ Хіосъ считается самымъ важнымъ, онъ же и столица острова. 30-го октября 1827 года полковникъ Фабвье прибылъ на островъ Хіосъ и высадился въ его столицѣ съ небольшимъ отрядомъ, состоящимъ изъ семисотъ человѣкъ регулярнаго войска, пятнадцати сотенъ иррегулярнаго, двухсотъ кавалеристовъ, десяти гаубицъ *) и десяти пушекъ. Дѣло въ томъ, что вмѣшательство европейскихъ державъ въ политику на Балканскомъ полуостровѣ послѣ Наваринской битвы еще не рѣшило окончательно греческій вопросъ. Англія, Франція и Россія хотѣли возстановить границы новаго королевства въ предѣлахъ его прежнихъ границъ, существовавшихъ еще до возстанія, но эллинскому правительству такое рѣшеніе было вовсе не желательно. Оно требовало, чтобы ко всѣмъ землямъ континентальной Греціи были присоединены острова Хіосъ и Критъ, необходимые, по ихъ мнѣнію, для полной независимости страны.

И вотъ въ то время, какъ Міаулисъ дѣйствовалъ въ пользу грековъ на Критѣ, Дюкасъ—на континентѣ, полковникъ Фабвье явился съ той же цѣлью на островъ Хіосъ.

Не было ничего удивительнаго въ томъ, что эллинамъ хотѣлось отбить у турокъ этотъ чудный уголокъ земли. Тамъ небо вѣчно голубое, воздухъ восхитительный; нѣтъ ни удушливой жары, ни невыносимаго холода, ни рѣзкихъ сѣверныхъ вѣтровъ. Благодаря такому благотворному и поистинѣ цѣлебному климату, Хіосъ въ гигіеническомъ отношеніи стоитъ выше всѣхъ острововъ Архипелага. Природа тамъ, разумѣется, самая роскошная. Громадные виноградники, тянущіеся вдоль его западнаго берега, производятъ восхитительнѣйшія вина; на востокѣ зрѣютъ апельсины и лимоны, славящіеся по всей восточной Европѣ; къ югу произрастаютъ всевозможныхъ сортовъ мастиковыя деревья, дающія

*) Гаубица—короткое артиллерійское орудіе, среднее между пушкой и мортирой.

драгоцѣнную камедь и мастику, употребляемыя въ искусствахъ и медицинѣ и составляющія богатство края. Наконецъ, въ этой благословенной Богомъ странѣ вы встрѣтите финиковыя, фиговыя пальмы, миндальныя деревья, гранатныя яблони, однимъ словомъ, всѣ самые лучшіе и самые рѣдкостные экземпляры фруктовыхъ деревьевъ, растущихъ въ жаркихъ поясахъ Европы. Итакъ эллинское правительство желало вклю-

Тамъ его ждала лодочка. (Стр. 85).

чить этотъ островъ въ составъ своего новаго королевства и всѣми силами старалось достигнуть своей цѣли. Вотъ почему и отважный полковникъ Фабвье, вопреки всѣмъ непріятностямъ, причиняемымъ ему тѣми, за чью свободу онъ проливалъ свою кровь, взялся завоевать Хіосъ. Между тѣмъ, турки въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ того же 1827 года, почти наканунѣ пріѣзда Каподистріи, продолжали попрежнему неистовствовать на континентѣ, жечь и грабить несчастныхъ христіанъ.

Греки надѣялись, что хоть съ пріѣздомъ дипломата, въ лицѣ котораго сосредоточивалась теперь всякая власть, покончатся, наконецъ, всѣ внутренніе раздоры въ ихъ отечествѣ; но, къ сожалѣнію, надежды ихъ сбылись не такъ-то скоро. Несмотря даже на то, что Россія, принужденная вскорѣ послѣ этого открыть войну противъ султана, явилась такимъ образомъ лично на помощь новому королевству, Ибрагимъ долго еще не признавалъ надъ собой ничьей власти и по-старому неограниченно распоряжался на Пелопоннесѣ и въ его прибрежныхъ городахъ. И если, спустя восемь мѣсяцевъ, 6-го іюля 1828 года онъ уже готовился покинуть страну, гдѣ надѣлалъ столько зла, если въ сентябрѣ того же года въ Греціи и не осталось ни одного египтянина, то это, все-таки, не помѣшало дикимъ басурманскимъ шайкамъ разорять Морею еще долгое время. А такъ какъ турки со своими союзниками занимали нѣкоторые города не только на Пелопоннесѣ, но и на Критѣ, то не удивительно, что въ сосѣднихъ моряхъ въ то же время разбойничали многочисленныя банды пиратовъ. Зло, причиняемое ими коммерческимъ кораблямъ, ведущимъ торговлю на островахъ, не поддавалось никакому описанію; но зло это происходило не оттого, что командующіе греческими флотиліями Міаулисъ, Канарисъ и Тсамадосъ не умѣли преслѣдовать ихъ, а оттого, что пираты были слишкомъ многочисленны и неутомимы въ своихъ разбояхъ. Плавать въ этихъ мѣстностяхъ было прямо опасно. Отъ Крита до Митилены, отъ Родоса до Негропонта весь Архипелагъ былъ въ огнѣ. Даже островъ Хіосъ не избѣжалъ всеобщей участи. Банды презрѣннѣйшихъ изъ негодяевъ всѣхъ національностей разбойничали въ его окрестностяхъ и не разъ прибѣгали на помощь пашѣ, запертому въ цитадели въ то время, когда полковникъ Фабвье началъ осаждать эту послѣднюю.

Читатель помнитъ, что негоціанты Іоническихъ острововъ, возмущенные дѣйствіями пиратовъ, соединились и вооружили на собственныя средства корветъ для борьбы съ ними. Съ тѣхъ поръ какъ „Сифанта“ оставила Корфу и направилась къ морямъ Архипелага, прошло уже цѣлыхъ пять недѣль. За это время ей пришлось нѣсколько разъ сталкиваться съ корсарами и каждый разъ она оставалась побѣдительницей. Слава о ней и о ея неустрашимомъ капитанѣ Страденѣ быстро прошла по всей Греціи, наполняя радостью сердца правовѣрныхъ и нагоняя ужасъ на морскихъ разбойниковъ. Страденѣ только еще ни разу не удалось помѣряться силами съ опаснѣйшимъ изъ пиратовъ, съ непобѣдимымъ Сакратифомъ, встрѣча съ которымъ сопровождалась всегда самыми кровавыми катастрофами. Около 13-го ноября „Сифанта“ появилась близъ острова Хіосъ. Въ самый день тринадцатаго числа она доставила въ портъ одну изъ своихъ добычъ — побѣжденное ею пиратское судно, и полковникъ Фабвье не замедлилъ произвести надъ нимъ судъ и расправу. Но съ этого времени всякія извѣстія о корветѣ какъ-то сразу замолкли. Гдѣ обрѣтался онъ и гдѣ воевалъ въ данную минуту — никому не было извѣстно. О немъ уже начинали безпокоиться и не безъ основанія. До сихъ поръ не проходило двухъ-трехъ дней подъ рядъ безъ того, чтобы „Сифанта“ не появлялась то тамъ, то тутъ въ этихъ моряхъ, почти сплошь усѣянныхъ островами и островочками. При такихъ-то обстоятельствахъ 27-го ноября, послѣ восьмидневнаго путе-

шествія, изъ Корфу въ Хіосъ пріѣхалъ Генрихъ д'Альбарэ. Молодой человѣкъ рѣшилъ снова поступить на службу къ своему бывшему начальнику и подъ его командой сразиться еще разъ съ ненавистными турками. Таинственное исчезновеніе Хаджины Элизундо страшно поразило его. Молодая дѣвушка отталкивала Николая Старко какъ негодяя, недостойнаго ея руки, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказывалась отъ Генриха, считая себя недостойной его! Что это значило? Какая тайна руководила ея поступками, и въ чемъ надо было искать объясненія этой тайны? Неужели въ ея жизни, такой спокойной, чистой?.. Нѣтъ, разумѣется! Можетъ-быть, въ жизни ея отца? Но что же было общаго между банкиромъ Элизундо и капитаномъ Старко? Кто могъ отвѣтить на эти вопросы? Банкирскій домъ опустѣлъ. Ксарисъ? На него, однако, только и могъ разсчитывать въ данномъ случаѣ Генрихъ, онъ одинъ могъ знать семейныя дѣла Элизундо, но и Ксарисъ, по всей вѣроятности, уѣхалъ вмѣстѣ съ Хаджиной. Д'Альбарэ обошелъ весь городъ, объѣздилъ весь островъ. Можетъ-быть, молодая дѣвушка, желая порвать всякія отношенія со свѣтомъ и заставить забыть о себѣ, удалилась въ какое-нибудь заброшенное малоизвѣстное мѣстечко или прямо въ какой-нибудь монастырь? Такихъ скромныхъ и уединенныхъ святыхъ обителей было немало разбросано на всемъ островѣ. Генрихъ бросился искать повсюду, онъ заходилъ даже въ самыя глухія деревушки, надѣясь напасть хоть на какой-нибудь слѣдъ, но ничего не нашелъ. Какъ вдругъ въ одномъ маленькомъ портѣ, Алипѣ, ему сказали, что сейчасъ только передъ его пріѣздомъ вышелъ въ море небольшой легкій сперонаръ, уже заранѣе нанятый для какихъ-то двухъ таинственныхъ пассажировъ, на немъ уѣхавшихъ. „Если это были они,— подумалъ Генрихъ, — то, значитъ, Хаджина совсѣмъ покинула островъ Корфу?" Но признаки были слишкомъ туманны, чтобъ онъ могъ повѣрить этому окончательно. Къ тому же, нѣкоторыя совпаденія новыхъ фактовъ и новыхъ чиселъ дали поводъ къ новымъ опасеніямъ и предположеніямъ со стороны молодого офицера. Такъ, вернувшись въ Корфу, онъ узналъ, что саколэвъ вышелъ изъ порта. Самое же главное было то, что отъѣздъ его совпадалъ со днемъ исчезновенія Хаджины Элизундо. Было ли что-нибудь общее, существовала ли какая-нибудь связь между этими двумя фактами или нѣтъ? Не завлекъ ли Старко молодую дѣвушку одновременно съ Ксарисомъ въ какую-нибудь западню и не увезъ ли онъ обоихъ насильно? Что если въ данную минуту Хаджина находится во власти капитана „Каристы"? При этой мысли у Генриха мутился умъ. Что же дѣлать? Гдѣ искать Николая Старко? Этотъ авантюристъ, неизвѣстно откуда явившійся и такъ внезапно разстроившій его счастье, и его таинственное судно, оба они казались Генриху подозрительными. Но когда первая минута отчаянія прошла, и молодой человѣкъ могъ хладнокровнѣе обсудить положеніе дѣлъ, онъ далеко отбросилъ отъ себя мысль, что Старко насильно увезъ его невѣсту съ собой. Если Хаджина объявила ему, что она недостойна быть его женой и не желаетъ съ нимъ больше видѣться, то почему же не предположить, что она сама, добровольно, въ сопровожденіи Ксариса удалится изъ Корфу? Разъ это такъ, то д'Альбарэ всегда сумѣетъ отыскать ее. Можетъ-быть, патріотизмъ заставилъ ее принять участіе въ отечественной войнѣ? Можетъ-быть, она

пожелала отдать свои милліоны на пользу войны, вѣдь она свободна была располагать своимъ громаднымъ наслѣдствомъ? Почему же не предположить, что она послѣдовала примѣру Боболины, Модэны, Андроники: вѣдь она такъ восхищалась ихъ подвигами? И вотъ, увѣренный въ томъ, что Хаджины уже нѣтъ больше на островѣ Корфу, Генрихъ д'Альбарэ рѣшилъ какъ можно скорѣе вернуться въ войска филелленовъ. Узнавъ, что полковникъ Фабвье со своимъ регулярнымъ отрядомъ уѣхалъ на островъ Хіосъ, онъ рѣшилъ ѣхать туда же и тамъ присоединиться къ нему. Миновавъ Іоническіе острова и переѣхавъ сѣверную Грецію, онъ переправился черезъ Патрасскій и Лепантскій заливы, затѣмъ въ заливѣ Эгинскомъ пересѣлъ на большой корабль и, не безъ труда избѣжавъ нападенія нѣсколькихъ пиратскихъ судовъ, прибылъ, наконецъ, на островъ Хіосъ.

Фабвье съ радостью встрѣтилъ молодого офицера, онъ очень уважалъ его. Храбрый воинъ видѣлъ въ немъ не только преданнаго товарища по оружію, но и друга, съ которымъ онъ могъ откровенно подѣлиться всѣми своими печалями, а ихъ было немало, этихъ печалей. Начать съ того, что среди и ррегулярнаго войска, составлявшаго самое значительное число экспедиціоннаго корпуса, не существовало никакой дисциплины. Мѣстные жители очень неисправно, а иногда и совсѣмъ не платили жалованья солдатамъ; наконецъ, со всѣхъ сторонъ встрѣчались затрудненія, мѣшавшія исполненію его плановъ и задерживающія ихъ.

Между тѣмъ, осада крѣпости Хіоса уже началась. Генрихъ пріѣхалъ какъ разъ во-время, чтобы принять участіе въ наступательныхъ работахъ. Два раза полковникъ Фабвье получалъ приказаніе отъ союзныхъ державъ прекратить всякія приготовленія къ осадѣ; но открыто поддерживаемый эллинскимъ правительствомъ, онъ не обращалъ на эти приказанія никакого вниманія и невозмутимо продолжалъ дѣлать свое дѣло.

Вскорѣ эта осада превратилась въ какую-то блокаду, но до такой степени незначительную, что осажденные могли постоянно и совершенно безпрепятственно получать со стороны и свѣжую провизію и новые снаряды для своего подкрѣпленія. Можетъ-быть, Фабвье и удалось бы завладѣть цитаделью, но его армія, нищая и голодная, разбрелась по всему острову и, насильно промышляя себѣ пропитаніе, начала грабить по деревнямъ. Турецкій флотъ, состоящій изъ пяти кораблей, безъ труда овладѣлъ гаванью Хіоса и доставилъ осажденнымъ подкрѣпленіе въ двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ. Правда, вскорѣ послѣ этого на помощь полковнику Фабвье явился Міаулисъ со своею эскадрой, но уже было поздно, и Фабвье долженъ былъ отступить.

Вмѣстѣ съ греческимъ адмираломъ пріѣхало нѣсколько кораблей съ волонтерами, назначенными для подкрѣпленія экспедиціоннаго корпуса въ Хіосъ. Среди нихъ была одна женщина.

Сражаясь до послѣдней минуты противъ солдатъ Ибрагима въ Пелопоннесѣ, Андроника, принимавшая участіе въ войнѣ съ самаго ея начала, хотѣла присутствовать и при ея концѣ. Съ этой цѣлью она пріѣхала и на островъ, составлявшій въ данный моментъ предметъ особенныхъ стремленій и желаній со стороны Греціи. Андроника пріѣхала сюда съ твердой рѣшимостью пожертвовать, если бы это понадобилось,

даже своей жизнью; она знала, сколько злодѣяній совершилъ ея недостойный сынъ на этомъ островѣ, и свою смерть она считала какъ бы искупленіемъ за все то горе, что онъ причинилъ его жителямъ.

Въ это время султанъ издалъ безчеловѣчный указъ противъ хіотянъ: „жечь, убивать, продавать въ рабство“. Исполнителемъ этого указа назначенъ былъ капитанъ-паша Кара-Али и, надо отдать ему справедли-

Въ батареѣ зарядили пушки. (Стр. 94.)

вость, онъ съ точностью исполнилъ возложенное на него порученіе. Его кровожадныя орды, какъ дикіе звѣри, ворвались на злополучный островъ. Хіо былъ преданъ огню, крови и разграбленію. Двадцать-три тысячи туземцевъ, всѣ мужчины старше двѣнадцати лѣтъ и всѣ женщины старше сорока, были безжалостно перебиты. Все остальное, а именно сорокъ-семь тысячъ несчастныхъ островитянъ, назначено для продажи на невольничьихъ рынкахъ въ Смирнѣ.

Тогда на сцену появился Николай Старко. Принявъ свою долю участія въ убійствахъ и грабежахъ, онъ и его товарищи сдѣлались главными маклерами открывшейся человѣческой торговли, и тысячи несчастныхъ были перевезены на корабляхъ этого богоотступника въ Африку и Малую Азію.

Андроника слишкомъ хорошо знала, какое участіе принималъ ея сынъ въ этихъ кровавыхъ убійствахъ и какую роль игралъ онъ въ этой возмутительной продажѣ военноплѣнныхъ; но ей, все-таки, хотѣлось явиться туда, гдѣ бы ее тысячу разъ прокляли, если бы узнали, что она мать этого презрѣннаго негодяя. Ей все казалось, что если она станетъ сражаться на этомъ островѣ, прольетъ свою кровь за бѣдныхъ жителей Хіо, она искупитъ тѣмъ грѣхъ своего сына. Но трудно было, чтобы Андроника и Генрихъ д'Альбарэ, находясь въ одно и то же время на одномъ и томъ же островѣ, не встрѣтились бы ни разу.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ своего пріѣзда, а именно 15-го января, Андроника, совершенно неожиданно для себя, столкнулась на улицѣ лицомъ къ лицу съ молодымъ французскимъ офицеромъ, спасшимъ когда-то ей жизнь. Она первая узнала его.

— Генрихъ д'Альбарэ! — привѣтствовала она его, радостно протягивая къ нему обѣ руки.

— Вы!.. Андроника!.. Вы ли это?.. — воскликнулъ, также пораженный этою неожиданною встрѣчей, молодой человѣкъ. — Васъ ли я вижу здѣсь?

— Да, — отвѣчала она. — Развѣ мое мѣсто не тамъ, гдѣ борются противъ притѣснителей?

— Андроника, — сказалъ Генрихъ, — вы должны гордиться вашею отчизной! Вы должны гордиться ея дѣтьми, сражавшимися на ряду съ вами! Еще немного, и въ Греціи не останется ни одного турецкаго солдата!

— Я это знаю, Генрихъ, и молю Бога, чтобъ онъ помогъ дожить мнѣ до этого дня!

Они сѣли подъ тѣнью раскидистой пальмы, и она разсказала ему все, что произошло съ ней съ тѣхъ поръ, какъ они разстались. Въ свою очередь, и Генрихъ подѣлился съ ней своимъ горемъ, онъ подробно разсказалъ ей, при какихъ обстоятельствахъ вернулся онъ въ Корфу, въ какихъ отношеніяхъ находился съ банкиромъ Элизундо, какъ сдѣлался женихомъ его дочери, какъ этотъ бракъ разстроился, и какъ внезапно исчезла Хаджина, не оставивъ ему даже ни малѣйшей надежды на свиданіе съ собой.

— Генрихъ, — сказала Андроника, — хотя вы и не знаете, что за тайна тяготитъ надъ жизнью любимой вами дѣвушки, но я увѣрена, что Хаджина вполнѣ достойна васъ! Да, я увѣрена, что вы скоро съ ней встрѣтитесь, и вы оба будете счастливы, такъ какъ вы этого заслуживаете!

— Скажите мнѣ, Андроника, — спросилъ Генрихъ, — вы совсѣмъ не знаете банкира Элизундо?

— Нѣтъ, — отвѣчала та. — Почему же я должна бы была его знать, и почему этотъ вопросъ пришелъ вамъ въ голову?

— Видите ли, мнѣ приходилось нѣсколько разъ упоминать ваше имя въ его присутствіи, и каждый разъ оно производило на него какое-

то особенное впечатлѣніе. Однажды онъ даже спросилъ меня, не знаю ли я, что съ вами произошло послѣ того, какъ мы разстались.

— Я его совсѣмъ не знаю, Генрихъ, и даже никогда не слыхала его имени!

— Въ такомъ случаѣ, и тутъ скрывается какая-то тайна для меня, признаюсь, совсѣмъ непонятная. Безъ сомнѣнія, тайна эта такъ и останется неразгаданной, потому что старика уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ!

Ему сразу припомнились всѣ печальныя событія въ Корфу, и онъ весь ушелъ въ свои невеселыя думы. Что только перенесъ онъ и сколько еще новыхъ страданій придется ему перенести вдали отъ Хаджины!

— А когда окончится война, что вы намѣрены дѣлать? — спросилъ онъ, обращаясь снова къ сидѣвшей рядомъ съ нимъ Андроникѣ.

— Надѣюсь, что Господь тогда смилостивится надо мной, возьметъ меня къ Себѣ, и я разстанусь, наконецъ, со свѣтомъ, гдѣ испытываю одно только раскаяніе за свою жизнь, — отвѣчала она.

— Раскаяніе?

— Да.

Она хотѣла сказать, что, благодаря родившемуся отъ нея преступному сыну, сама жизнь ея являлась какъ бы непоправимымъ зломъ; но тутъ же, желая отогнать отъ себя эти мрачныя мысли, она поспѣшила прибавить:

— Не слушайте меня, старуху! Вы, Генрихъ, еще молоды. Да сохранитъ и да продлитъ Господь вашу жизнь еще на многіе годы! Употребите же это время на то, чтобъ разыскать потерянную и любимую вами дѣвушку!

— Да, я употреблю всѣ усилія, чтобы найти ее, — съ жаромъ воскликнулъ молодой человѣкъ, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я отыщу и недостойнаго соперника, такъ нагло вставшаго между нею и мной!

— Кто же этотъ человѣкъ?

— Какой-то капитанъ неизвѣстнаго судна, — отвѣчалъ презрительно Генрихъ. — Онъ уѣхалъ изъ Корфу въ тотъ же день, какъ скрылась Хаджина!

— И его зовутъ?..

— Николай Старко!

— Онъ!?.

Еще одно неосторожно слетѣвшее съ ея устъ слово, и тайна была бы открыта. Она призналась бы, что Николай Старко былъ ея сынъ! Это имя, такъ неожиданно произнесенное Генрихомъ, смутило ее. Сильная духомъ женщина на этотъ разъ не совладала съ собой, мертвенная блѣдность покрыла ея лицо, и она чуть было не выдала своей тайны, своего позора. Этотъ благородный французъ спасъ ей жизнь, а ея собственный сынъ разбилъ все его счастье!

— Что съ вами?.. Что съ вами?.. — воскликнулъ Генрихъ.

Онъ не могъ не замѣтить того потрясающаго впечатлѣнія, какое произвело имя Николая Старко на Андронику.

— Васъ смутило имя капитана „Каристы“? Скажите мнѣ, скажите же! — умолялъ онъ, — вы знаете его?

— Нѣтъ... Генрихъ, нѣтъ, не знаю...— отвѣчала она, но голосъ ея дрожалъ, а глаза говорили обратное.

— Да, вы его знаете!.. Андроника, я васъ умоляю... Скажите мнѣ, кто этотъ человѣкъ?.. Чѣмъ онъ занимается?.. Гдѣ онъ теперь?..

— Я ничего не знаю! — отвѣчала Андроника.

— Нѣтъ, вы все знаете!.. Вы знаете и отказываетесь сказать мнѣ, Андроника, мнѣ... мнѣ!.. Быть-можетъ, одно ваше слово наведетъ меня на его слѣдъ... быть-можетъ, и на слѣдъ Хаджины... а вы отказываетесь говорить!

— Генрихъ д'Альбарэ, — отвѣчала Андроника, и голосъ ея уже больше не дрожалъ: она пересилила свое волненіе. — Я ничего не знаю, я не знаю, гдѣ этотъ капитанъ, не знаю и никогда не видала этого Николая Старко!

И прежде чѣмъ молодой офицеръ успѣлъ возразить ей на это, она быстро встала и скрылась за поворотомъ одной изъ улицъ; а тотъ, пораженный и уничтоженный, остался одинъ на своемъ мѣстѣ.

Напрасно Генрихъ старался разыскать ее, напрасно искалъ онъ съ ней встрѣчи,— съ тѣхъ поръ онъ нигдѣ не видѣлъ Андроники. Она, навѣрное, покинула островъ и возвратилась снова въ Грецію.

Между тѣмъ, кампанія полковника Фабвье должна была скоро окончиться и, къ сожалѣнію, безъ всякаго результата. Въ экспедиціонномъ корпусѣ началось страшное дезертирство. Несмотря на просьбы офицеровъ, солдаты оставляли полки и цѣлыми массами бѣжали съ острова. Даже артиллерія, та, на кого Фабвье больше всего разсчитывалъ, и та разбѣжалась. Что же было дѣлать, когда отчаяніе овладѣло лучшими людьми его войска!?

Поневолѣ приходилось снять осаду и съ пустыми руками вернуться въ Сиру, то-есть туда, гдѣ организована была эта несчастная экспедиція. И тамъ, въ благодарность за свою геройскую настойчивость, полковникъ Фабвье принужденъ былъ выслушивать одни только безконечные упреки! Генрихъ рѣшилъ было ѣхать въ Сиру вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, но онъ еще не зналъ, что дѣлать, что предпринять, какъ вдругъ одно неожиданное событіе положило конецъ всѣмъ его колебаніямъ.

Накануне своего отъѣзда онъ получилъ письмо со штемпелемъ изъ Коринѳа, и вотъ что говорилось въ этомъ письмѣ:

„На корветѣ „Сифанта" изъ Корфу есть свободное штабное мѣсто. Не желаетъ ли капитанъ д'Альбарэ принять это мѣсто и отправиться въ плаванье на бортѣ корвета, чтобы продолжать кампанію, начатую противъ Сакратифа и архипелагскихъ пиратовъ? Въ первыхъ числахъ марта мѣсяца „Сифанта" простоитъ нѣсколько дней около мыса Анапомеры, на сѣверѣ острова, а лодка ея все это время будетъ находиться въ бухтѣ Оры, у подножія мыса. Пусть капитанъ д'Альбарэ поступитъ такъ, какъ подсказываетъ ему его патріотизмъ".

Подписи никакой. Почеркъ незнакомый. Ничего, что могло бы объяснить, кѣмъ же послано это таинственное посланіе.

Но во всякомъ случаѣ, это была добрая вѣсть о корветѣ, о которомъ такъ давно уже замолкли всякіе слухи. Лично же для Генриха д'Альбарэ это была возможность снова сдѣлаться морякомъ, преслѣдо-

вать Сакратифа, быть-можетъ, освободить Архипелагъ отъ его нападеній, а быть-можетъ (и это послѣднее особенно повліяло на его рѣшеніе), встрѣтиться съ Николаемъ Старко и его саколэвомъ. Генрихъ рѣшилъ принять предложеніе анонимнаго письма, взялъ отпускъ у полковника Фабвье, нанялъ небольшое легкое судно и отправился на сѣверъ.

Генриху д'Альбарэ показалось, что онъ узналъ почеркъ. (Стр. 96.)

Благодаря попутному вѣтру, переѣздъ его былъ непродолжителенъ. 1-го марта онъ уже подъѣзжалъ къ бухтѣ Орѣ. Тамъ, ошвартованная близъ высокаго утеса, ждала его небольшая лодочка. Вдали, въ открытомъ морѣ, виднѣлся лежавшій въ дрейфѣ корветъ.

— Я капитанъ Генрихъ д'Альбарэ, — рекомендовалъ себя молодой офицеръ, встрѣтившему его квартирмейстеру.

— Значитъ, капитанъ согласенъ переѣхать на палубу корвета? — спросилъ его квартирмейстеръ.

— Да, и сейчасъ же, если можно.

Они сѣли. Лодка отчалила. Дружные взмахи шести веселъ быстро перенесли ее черезъ небольшое пространство, отдѣлявшее бухту отъ корвета. Продолжительный свистокъ и затѣмъ три оглушительныхъ пушечныхъ выстрѣла привѣтствовали ихъ приближеніе. Когда же молодой офицеръ вступилъ на палубу, то весь экипажъ, выстроившійся тамъ для его встрѣчи, какъ на парадѣ, взялъ на караулъ, а на бригантинѣ быстро взвилось корфіотское знамя. Помощникъ капитана подошелъ къ нему и, отдавая честь, громко сказалъ:

— Офицеры и экипажъ „Сифанты" счастливы, что могутъ привѣтствовать, наконецъ, на палубѣ корвета своего новаго начальника и капитана, Генриха д'Альбарэ!

ГЛАВА X.

Военныя дѣйствія въ Архипелагѣ.

„Сифанта", корветъ второго ранга, имѣла при своей батареѣ двадцать-двѣ пушки, длиною въ 24 калибра, а на палубѣ, что было рѣдкостью для судовъ этого разряда,— шесть каронадъ, длиною въ 12 калибровъ. Съ высокимъ стройнымъ форштевенемъ, съ тонкимъ задомъ, съ хорошо приподнятыми боками, она могла смѣло соперничать съ лучшими кораблями того времени. Какой бы ни былъ ея ходъ, она никогда не уставала. Спокойная при боковой качкѣ, идущая, какъ и всѣ хорошія парусныя суда, великолѣпно въ бейдевиндъ, она, проходя черезъ рифы въ вѣтреную погоду, не тяготилась даже своимъ бомъ-брамселемъ. Дѣйствительно, „Сифантѣ" такъ же трудно было бы утонуть, какъ и любому фрегату. Она скорѣе переломала бы свои снасти, чѣмъ опрокинулась бы подъ тяжестью парусовъ. Въ общемъ, всѣ эти преимущества давали возможность сообщать ей при случаѣ, даже въ бурную ненастную погоду, страшную скорость. Все это также позволяло надѣяться и на то, что она съ успѣхомъ исполнитъ возложенную на нее задачу и очиститъ Архипелагъ отъ пиратовъ.

Несмотря на то, что „Сифанта" была совсѣмъ не военный корабль, такъ какъ она составляла собственность не государства, а частныхъ лицъ, она имѣла совершенно военную организацію. Ея офицеры и ея экипажъ сдѣлали бы честь любому корвету Франціи или Союзнаго королевства. Та же правильность въ маневрированіи, та же дисциплина па палубѣ, та же выдержка во время навигаціи, какъ и во время стоянки. Среди матросовъ такая же разумная храбрость, какъ и на военныхъ корабляхъ, и полное отсутствіе всякой небрежности, какъ это обыкновенно бываетъ на судахъ, занимающихся каперствомъ *).

Экипажъ „Сифанты" состоялъ изъ двухсотъ - пятидесяти человѣкъ; изъ нихъ почти половину составляли французы, остальные — частью греки и корфіоты, частью англичане. Все это были люди одинаково

*) Каперствовать — заниматься захватомъ непріятельскихъ торговыхъ судовъ.

опытные въ морскомъ искусствѣ, отважные въ битвѣ и закоренѣлые моряки въ душѣ, не разъ доказавшие на дѣлѣ звои знанія, опытность и отвагу. Квартирмейстеръ, помощникъ капитана, лоцманъ — личности достойныя и стоящія вполнѣ на своихъ мѣстахъ — были посредниками между матросами и офицерствомъ. Штабныя должности занимали четыре лейтенанта, восемь мичмановъ и одинъ помощникъ капитана. Среди офицеровъ, такъ же какъ и среди матросовъ, были и французы, и корфіоты, и англичане. Помощникомъ капитана былъ нѣкто капитанъ Тодросъ, человѣкъ уже не молодой, умный, хитрый и опытный морякъ, знающій весь Архипелагъ какъ свои пять пальцевъ. Дѣйствительно, онъ такъ много путешествовалъ на своемъ вѣку, что, кажется, не было въ Средиземномъ морѣ такого островка, мимо котораго ему не пришлось бы проѣзжать хоть разъ въ своей жизни. Положеніе же острововъ, проливовъ, заливовъ и глубина ихъ фарватеровъ отпечатались въ его головѣ съ такою же точностью, какъ и на его большой морской картѣ. Для полной характеристики этого человѣка прибавимъ, что ему было пятьдесятъ лѣтъ, что онъ былъ грекъ, родомъ съ острова Гидры, что раньше онъ служилъ подъ начальствомъ такихъ знаменитыхъ героевъ, какъ Томазисъ и Канарисъ, и что въ настоящее время онъ былъ незамѣнимымъ помощникомъ для капитана „Сифанты".

Начало своей крейсеровки въ Архипелагѣ „Сифанта", какъ извѣстно, совершила подъ командой капитана Страдэны, и, какъ извѣстно, первыя недѣли навигаціи прошли довольно счастливо. Пираты были нѣсколько разъ разбиты на-голову, каждый разъ суда ихъ были сожжены или потоплены, экипажъ истребленъ до послѣдняго человѣка; но справедливость требуетъ прибавить, что всѣ эти побѣды не обошлись безъ чувствительныхъ потерь и для побѣдителей. Если о „Сифантѣ" долгое время не было никакихъ извѣстій, то это потому, что 27-го февраля она столкнулась около острова Лемно съ цѣлой разбойничьей флотиліей. Битва эта имѣла для нея очень печальныя послѣдствія. Не только сорокъ человѣкъ изъ ея экипажа было убито и ранено, но и самъ капитанъ Страдэна, ни на секунду не покидавшій своего начальническаго поста, былъ убитъ непріятельскою пулей наповалъ. Тогда временное командованіе корветомъ принялъ на себя капитанъ Тодросъ. Пираты снова были разбиты, а „Сифанта", искалѣченная, съ пробитымъ кузовомъ и поломанными снастями, отправилась чиниться въ Эгипскую гавань.

Тамъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда и къ великому удивленію своему, офицеры узнали, что ихъ корветъ купленъ однимъ банкиромъ изъ Рагузы и, притомъ, за очень высокую цѣну. Для совершенія разныхъ формальностей банкиръ прислалъ въ портъ своего повѣреннаго, и дѣло было сдѣлано съ такою точностью, правильностью и быстротой, что волей-неволей приходилось покориться и признать законнымъ хозяиномъ ужъ не компанію корфіотскихъ негоціантовъ, а банкира изъ Рагузы. Но перемѣнивъ своего собственника, „Сифанта" не перемѣнила своего назначенія. Она получила предписаніе попрежнему, по мѣрѣ возможности, очищать Архипелагъ отъ ненавистныхъ злодѣевъ-пиратовъ, возвращать на родину освобождаемыхъ ею по дорогѣ плѣнниковъ и не оставлять своей миссіи до тѣхъ поръ, пока самый ужасный изъ разбойниковъ, Сакратифъ, не будетъ уничтоженъ.

Когда всѣ необходимыя поправки въ кораблѣ были окончены, Тодросъ получилъ новое приказанiе отъ того же банкира, чрезъ его повѣреннаго по дѣламъ, отправиться немедленно къ сѣверному берегу острова Хiоса и тамъ дожидаться прiѣзда новаго капитана. Въ это же время и Генрихъ д'Альбарэ получилъ свое лаконическое посланiе съ предложенiемъ занять свободную штабную должность на корветѣ „Сифанта". Какъ извѣстно, онъ принялъ это предложенiе, нисколько не сомнѣваясь, что ему предлагаютъ капитанское мѣсто. О томъ, какъ убили капитана Страдэну, какъ „Сифанта" перешла къ новому хозяину и какiя предписанiя затѣмъ получила она, ему разсказалъ его помощникъ, капитанъ Тодросъ. Актъ, поручавшiй ему командованiе корветомъ, былъ вполнѣ законенъ, и власть молодого командира, такимъ образомъ, была неоспорима; къ тому же многiе изъ офицеровъ лично знали его, знали, что онъ былъ лейтенантъ одного изъ французскихъ кораблей, одинъ изъ самыхъ молодыхъ, но уже успѣвшихъ отличиться героевъ. Участiе, принятое имъ въ войнѣ за независимость, давно составило ему славную, вполнѣ заслуженную имъ репутацiю. Вотъ почему, когда имя новаго капитана стало извѣстно на палубѣ „Сифанты", оно было встрѣчено такими восторженными криками; вотъ почему весь экипажъ, безъ исключенiя, старался выразить ему свою неподдѣльную радость.

— Гг. офицеры и вы, матросы, — обратился къ нимъ растроганный всей этой сердечною встрѣчей Генрихъ д'Альбарэ, — я знаю, какая обязанность была возложена на „Сифанту". Если Богу будетъ угодно, мы честно выполнимъ нашъ долгъ! Слава вашему бывшему командиру, доблестно несшему свою службу и принявшему геройскую кончину! Я, господа, надѣюсь на васъ, надѣйтесь же и вы на меня! Будемъ храбро, до послѣдней капли крови защищать нашихъ разоряемыхъ братьевъ и истреблять нашихъ общихъ враговъ-пиратовъ!

На другой день, 2-го марта, корветъ покинулъ берега Хiоса и поплылъ къ сѣверному Архипелагу. Хорошему моряку достаточно и полдня навигацiи, чтобы сразу замѣтить всѣ достоинства и недостатки своего корабля. Несмотря на то, что дулъ сѣверо-западный довольно сильный вѣтеръ, „Сифантѣ" не понадобилось уменьшать свою парусность, и, такимъ образомъ, капитанъ д'Альбарэ, въ первый же день своей службы, могъ вполнѣ оцѣнить, насколько превосходны были мореходныя качества ввѣреннаго его власти корвета.

— О да, наша „Сифанта" могла бы любому кораблю отдать хоть всѣ свои брамъ-стеньги, — сказалъ ему капитанъ Тодросъ, — и, наоборотъ, совершенно спокойно оставить ихъ всѣхъ у себя, даже въ бурю, на рифахъ!

Это была высокая, хотя и довольно туманно выраженная похвала „Сифантѣ". На языкѣ браваго моряка она означала, во-первыхъ, то, что никакой другой корабль не могъ, по скорости своего хода, соперничать съ „Сифантой", а во-вторыхъ, что снасти корвета были настолько прочны, и самъ онъ настолько устойчиво держался на морѣ, что ему не приходилось еще ни разу уменьшать паруса, даже во время сильнаго шквала, какъ это дѣлаютъ обыкновенно другiя суда, чтобы не опрокинуться и не потонуть подъ тяжестью снастей.

Оставляя на западѣ Мителену, или Лесбосъ, одинъ изъ самыхъ большихъ острововъ Архипелага, гдѣ въ 1821 году, въ началѣ войны, греки

одержали большую побѣду надъ оттоманскимъ флотомъ, „Сифанта“ поплыла выше на сѣверъ.

— Я тамъ былъ, — разсказывалъ капитанъ Тодросъ, указывая на островъ. — Дѣло было весною, въ маѣ мѣсяцѣ. У насъ было семьдесятъ бриговъ, у турокъ — пять кораблей, четыре фрегата и четыре корвета. Они запрятались въ Мителенскомъ портѣ, а мы отправились ихъ пре-

Островъ Сира.

слѣдовать. Одинъ изъ ихъ кораблей поплылъ было въ Константинополь за помощью, но за эту смѣлость ему отъ насъ жестоко досталось! Мы его, мошенника, сейчасъ же, съ полдороги вернули назадъ и взорвали на воздухъ, такъ онъ у насъ и разлетѣлся въ щепки вмѣстѣ со всѣми своими девятью стами-пятьюдесятью матросами! Да, какъ же, я тамъ былъ, я помогалъ и поджигать его, самъ подкладывалъ сѣру и смолу въ зажигательную гранату! Прекрасный снарядъ, капитанъ, я вамъ

увѣряю и совѣтую употребить его въ дѣло, при случаѣ... напримѣръ, для господъ пиратовъ!

Надо было видѣть капитана Тодроса въ ту минуту, какъ онъ разсказывалъ про свои похожденія, столько было добродушія и юмора въ его словахъ! Вѣдь все это онъ самъ лично испыталъ; онъ не любилъ сидѣть сложа руки или, какъ другіе, отдавать одни только приказанія своимъ подчиненнымъ; нѣтъ, онъ всегда самъ работалъ наравнѣ съ простыми матросами.

Принявъ на себя командованіе корветомъ, Генрихъ д'Альбарэ не безъ основанія отдалъ приказъ держать путь на сѣверъ. За нѣсколько дней до отъѣзда „Сифанты“ изъ Хіоса, въ окрестностяхъ Лемноса и Самоѳракіи нѣсколько разъ появлялись какія-то подозрительныя суда. Пришли вѣсти, что нѣсколько каботажныхъ восточныхъ кораблей были ограблены и уничтожены почти на границахъ Европейской Турціи. Повидимому, съ тѣхъ поръ, какъ „Сифанта“ начала свои упорныя преслѣдованія противъ пиратовъ, они сочли для себя удобнѣе скрываться въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Архипелага. Но для преслѣдователей это не могло имѣть особеннаго значенія: во-первыхъ, для „Сифанты“ не существовало никакихъ препятствій; во-вторыхъ, гдѣ бы пираты ни старались укрыться, разбои ихъ всегда выдавали ихъ мѣстопребываніе. Въ мителенскихъ водахъ, исключая нѣсколькихъ коммерческихъ судовъ, обмѣнявшихся съ ней дружескими привѣтствіями, „Сифанта“ никого не видала. Такъ прошло цѣлыхъ пятнадцать дней. Наступило время равноденствія, а съ нимъ и время ненастья и дождей. „Сифанта“ смѣло шла впередъ. Во время двухъ-трехъ неожиданно налетѣвшихъ одинъ за другимъ шкваловъ, заставившихъ корветъ наскоро лечь въ дрейфъ, Генрихъ д'Альбарэ имѣлъ возможность еще разъ судить о достоинствахъ своего судна, равно какъ и о ловкости и расторопности его экипажа. Но и распоряженія молодого капитана, въ свою очередь, подверглись суду его подчиненныхъ, и, надо отдать ему справедливость, онъ вполнѣ поддержалъ созданную офицерами французскаго флота репутацію отличныхъ мореплавателей. Объ его тактическихъ способностяхъ и умѣніи распоряжаться во время сраженія мнѣніе составилось немного позже; что же касается до его военной храбрости вообще, то въ ней никто и не сомнѣвался. Генрихъ обладалъ смѣлымъ характеромъ и, несмотря на свою молодость, громадною силой воли, непоколебимымъ хладнокровіемъ и глубокими, серьезными и разносторонними знаніями въ морскомъ и военномъ искусствахъ. Онъ имѣлъ особенный даръ заранѣе предвидѣть всякія случайности и умѣлъ какъ-то обращать ихъ въ свою пользу. Однимъ словомъ, это былъ настоящій „морякъ“. Въ послѣдующія двѣ недѣли корвету пришлось познакомиться съ территоріей Лемноса. Лемносъ считается самымъ главнымъ островомъ въ Эгейскомъ морѣ. Въ длину онъ имѣетъ пятнадцать, въ ширину — отъ пяти до шести лье. Этотъ островъ, точно такъ же какъ и сосѣдній съ нимъ о. Имбро, какимъ-то чудомъ избѣжали всѣхъ ужасовъ войны, но зато оба не разъ подвергались нападеніямъ со стороны пиратовъ, безжалостно уводившихъ стоявшія на рейдѣ ихъ коммерческія суда. „Сифанта“ остановилась у о. Лемноса и бросила якорь въ портѣ: ей необходимо было запастись съѣстнымъ провіантомъ. Портъ былъ весь загроможденъ кораблями. Въ ту эпоху въ Лемносѣ строилась масса судовъ;

но, въ силу неблагопріятныхъ условій, корабли, стоящіе на верфи, такъ и оставались недоконченными; оконченные же боялись выйти въ море, такъ всѣ напуганы были морскими разбойниками! Всѣ свѣдѣнія касательно пиратовъ, собранныя д'Альбарэ на этомъ островѣ, еще болѣе побудили его продолжать свое преслѣдованіе на сѣверъ Архипелага. Имя Сакратифа то и дѣло упоминались въ присутствіи его и его офицеровъ.

— Ахъ, — вскричалъ капитанъ Тодросъ, — мнѣ, право, любопытно встрѣтиться съ этимъ мерзавцемъ! По крайней мѣрѣ, я увѣрую въ то, что онъ существуетъ, что это есть живое лицо, а не какой-то вымышленный сказочный герой!

— Неужели вы сомнѣваетесь въ его существованіи? — съ живостью спросилъ его Генрихъ.

— Честное слово, капитанъ, — отвѣчалъ Тодросъ, — если вы желаете знать мое мнѣніе, я вамъ скажу, что ничуточки не вѣрю въ этого человѣка. Я даже никого не знаю, кто бы могъ похвастаться, что хоть разъ видѣлъ его! Почемъ знать, можетъ-быть, это просто какое-нибудь прозвище, поочередно принимаемое на себя всѣми предводителями пиратовъ? Видите ли, я думаю, что не одинъ ужъ изъ нихъ болтался подъ этимъ именемъ на нашей висѣлицѣ! А впрочемъ, не въ этомъ дѣло! Главное то, чтобъ всѣ эти негодяи были перевѣшаны, тогда и дѣлу конецъ!

— Все, что вы говорите, капитанъ Тодросъ, очень возможно, — отвѣчалъ Генрихъ, — этимъ только и можно объяснить его даръ вездѣсущія!

— Да, вы правы, капитанъ, — прибавилъ подошедшій въ эту минуту къ разговаривающимъ одинъ изъ французскихъ офицеровъ. — Я того же мнѣнія: если, какъ разсказываютъ, Сакратифа видѣли сразу въ одинъ и тотъ же день въ разныхъ мѣстахъ, то, навѣрное, потому только, что его имя принималось одновременно многими предводителями разбойниковъ!

— И если тѣ его принимали, такъ это опять-таки для того, чтобы лучше было выслѣживать насъ, честныхъ людей, охотящихся за ними, — возразилъ капитанъ Тодросъ. — Но, повторяю, есть вѣрное средство извести окончательно это грозное для всѣхъ имя: надо перехватить и перевѣшать всѣхъ, кто его носитъ... и даже тѣхъ, кто его не носитъ! Только такимъ способомъ настоящій Сакратифъ, если онъ существуетъ, конечно, ни за что не избѣжитъ висѣльной веревки!

— Капитанъ Тодросъ правъ, — сказалъ офицеръ. — Но вотъ вопросъ: гдѣ же можно встрѣтить этого неуловимаго злодѣя?

— Капитанъ, — обратился Генрихъ къ своему помощнику, — скажите, пожалуйста, въ первую кампанію „Сифанты" или въ одну изъ вашихъ предыдущихъ кампаній, вамъ ни разу не случалось встрѣчаться съ саколэвомъ „Каристой"?

— Нѣтъ, не случалось.

— А вамъ, господа? — обратился онъ къ офицерамъ.

Никто изъ нихъ также не слыхалъ ничего о саколэвѣ, несмотря на то, что многіе съ самаго начала войны плавали въ этихъ моряхъ Архипелага.

— А вамъ никогда не случалось слышать про Николая Старко, капитана „Каристы"?—настойчиво продолжалъ свои разспросы д'Альбарэ.

Оказалось, что и имя это было никому не знакомо.

Но, впрочемъ, что же было удивительнаго въ томъ, что они не знали хозяина простого коммерческаго судна? Около приморскихъ городовъ, въ особенности на востокѣ, они встрѣчаются цѣлыми сотнями. Тодросъ, однако, помнилъ, хотя и очень смутно, имя Старко. Онъ слышалъ про него въ одну изъ своихъ остановокъ въ портѣ Аркадіи, въ Мессеніи. Но то былъ капитанъ одного изъ контрабандныхъ судовъ, занимающихся торговлей турецкихъ военноплѣнныхъ.

— Нѣтъ, это не можетъ быть тотъ, кѣмъ вы интересуетесь,—прибавилъ онъ. — Вѣдь тотъ, говорите вы, былъ хозяинъ саколэва, а саколэвъ—судно совершенно непригодное для торговли невольниками.

— Да, пожалуй... — согласился съ нимъ Генрихъ, и разговоръ прекратился.

Эта непостижимая тайна исчезновенія сперва Хаджины Элизундо, затѣмъ Андроники, всецѣло овладѣли его думами, и онъ невольно вспоминалъ и о виновникѣ всѣхъ своихъ несчастій, Николаѣ Старко. Имена же Хаджины и Андроники почему-то возставали теперь всегда рядомъ въ его воспоминаніяхъ.

Осмотрѣвъ по пути самымъ тщательнымъ образомъ всѣ заливы, бухточки и гавани, гдѣ, по ея мнѣнію, могли укрываться морскіе разбойники, и не найдя ничего, „Сифанта" около 25-го марта приблизилась, наконецъ, къ острову Самоѳракіи, подвергнувшемуся во время войны за независимость жестокому опустошенію. Находясь все еще во власти турокъ, этотъ островъ могъ служить во всѣхъ отношеніяхъ вѣрнымъ и безопаснымъ убѣжищемъ для пиратовъ, и д'Альбарэ возлагалъ на него большія надежды; но и на этотъ разъ его ждало разочарованіе. Въ пустынныхъ водахъ Самоѳракіи „Сифанта" не встрѣтила ни души. По всей вѣроятности, пираты, если они и были тамъ, замѣтили приближеніе грознаго для нихъ судна и поспѣшили скрыться. „Сифанта" повернула на сѣверо-западъ, къ лежащему въ двадцати лье отъ Самоѳраки острову Тазосъ. Дулъ сильный противный вѣтеръ, и корвету приходилось лавировать, но онъ скоро добрался до берега, гдѣ море было спокойнѣе и было легче плыть.

Странная судьба постигла всѣ эти многочисленные острова Архипелага! Въ то время, какъ Хіосъ и Самоѳракія претерпѣвали столько ужасовъ отъ тираніи турокъ, Тазосъ, Лемносъ и Имбро даже и не почувствовали всей тяжести войны. Въ особенности замѣчательна судьба о. Тазоса.

Населенный исключительно греками, сохранившими во всей чистотѣ нравы и обычаи древней Греціи и всю грацію античнаго искусства въ своихъ нарядахъ, украшеніяхъ и головныхъ уборахъ, этотъ островъ съ самаго начала XV столѣтія былъ подчиненъ Турціи, и поэтому турецкія власти могли безнаказанно грабить и разорять страну, не встрѣчая даже ни малѣйшаго сопротивленія со стороны ея жителей. Казалось бы, что богатство островитянъ должно было неминуемо возбудить алчность въ этихъ безсовѣстныхъ варварахъ, а между тѣмъ, по какой-то необъяснимой случайности, островъ былъ пощаженъ до сихъ поръ. Но именно только „до сихъ поръ". Не подойди во время „Сифанта", и бѣдному о. Тазосу пришлось бы, такъ же какъ и сосѣдямъ его,

познакомиться съ грабежами и жестокостями пиратовъ. Дѣйствительно, 2-го апрѣля порту Пиргосъ, расположенному на сѣверѣ острова, угрожала серьезная опасность. Пять или шесть разбойничьихъ кораблей, мистикъ и джэрмъ, подъ конвоемъ одного брига, вооруженные двѣнадцатью пушками, появились въ виду самаго города.

Капитанъ Тодросъ и д'Альбарэ на «Сифантѣ».

Вторженіе этихъ бандитовъ въ страну, гдѣ населеніе не привыкло ни къ какимъ битвамъ и не имѣло даже достаточно силъ, чтобы отразить ихъ нападеніе, должно было, разумѣется, кончиться полнымъ пораженіемъ островитянъ. Какъ вдругъ при входѣ въ рейдъ появился корветъ! Въ ту же секунду на гротъ-мачтѣ брига взвился сигнальный флагъ, и всѣ суда поспѣшили выстроиться въ боевую линію.

— Что это значитъ? Они собираются атаковать насъ! — воскликнулъ стоявшій рядомъ съ командиромъ на мостикѣ капитанъ Тодросъ.

— Не понимаю, чего они хотятъ: атаковать или защищаться? — возразилъ Генрихъ.

Онъ также былъ удивленъ необычайной смѣлостью пиратовъ; въ такихъ случаяхъ они обыкновенно сразу же обращались въ бѣгство.

— Ахъ, чортъ ихъ побери, я ожидалъ, что негодяи на всѣхъ парусахъ примутся отъ насъ улепетывать!

— Напротивъ, капитанъ Тодросъ, пускай ихъ остаются! Пускай даже они нападаютъ! Если бы они обратились въ бѣгство, то, навѣрное, многіе изъ нихъ выскользнули бы изъ нашихъ рукъ! Велите же сдѣлать тревогу!

Матросы засуетились. Въ батареѣ набили порохомъ и зарядили пушки, около орудій, для удобства канонеровъ, сложили кучками ядра, на палубѣ приготовили карронады, экипажу роздали пистолеты, сабли, мушкеты и абордажные топоры.

Четверть часа спустя, „Сифанта", уже совсѣмъ готовая къ бою, приближалась къ непріятельской флотиліи.

Броситься на бригъ, оглушить его залпомъ изо всѣхъ орудій, выбить вонъ изъ строя, а затѣмъ подойти, сцѣпиться и произвести свалку — вотъ какой планъ нападенія составилъ себѣ Генрихъ д'Альбарэ. Очень возможно, что пираты, готовясь къ бою, думали только о томъ, какъ бы избѣжать его и поскорѣе куда-нибудь да скрыться; но застигнутые врасплохъ появленіемъ корвета, закрывшаго имъ выходъ изъ рейда, они волей-неволей должны были вступить съ нимъ въ бой. Бригъ первый открылъ огонь. Онъ навелъ свои пушки на „Сифанту" съ такимъ расчетомъ, чтобы сбить, по крайней мѣрѣ, одну изъ ея мачтъ; но расчетъ его оказался невѣренъ. Пули со свистомъ пролетѣли въ нѣсколькихъ футахъ надъ палубой корвета и не причинили ему никакого серьезнаго вреда. „Сифанта" отвѣтила не сразу. Нацѣлившись, въ свою очередь, въ непріятеля, она дала залпъ тогда только, когда дымъ отъ первыхъ выстрѣловъ совершенно разсѣялся. Но и капитанъ брига оказался такимъ же находчивымъ и знающимъ человѣкомъ, какъ и его соперникъ, Генрихъ д'Альбарэ. Воспользовавшись порывомъ вѣтра, онъ сдѣлалъ ловкій поворотъ на мѣстѣ, и всѣ пули, направленныя на его корабль, исключая какихъ-нибудь пяти-шести, засѣвшихъ въ его кузовѣ, пролетѣли мимо. Итакъ, хотя на палубѣ брига и оказалось нѣсколько убитыхъ, „Сифантѣ" не удалось выбить его изъ строя. Зато, благодаря эволюціи брига, открылась стоявшая сзади него мистика, и большая часть ядеръ, попавъ ей въ бакбортъ, пробила его.

— Не ему, такъ товарищу! — шутили между собой матросы, очень довольные такимъ удачнымъ началомъ сраженія.

— И досталось же ея старымъ костямъ на орѣхи!

— Держу пари на вино, — кричалъ одинъ изъ нихъ, — я говорю, что черезъ пять минутъ мистика пойдетъ ко дну!

— Черезъ три!

— Идетъ. И пусть же твое вино вольется такъ же легко ко мнѣ въ глотку, какъ вливается теперь вода въ дырья ея кузова!

— Тонетъ!.. Тонетъ!

— Вонъ, вонъ, уже до кранца погрузилась... скоро вода польетъ ей и черезъ голову.

— А смотрите-ка, какъ эти чортовы дѣти удирать отъ насъ стали, всѣ вплавь пустились!

— Ну ихъ! Если они предпочитаютъ быть вздернутыми на воздухъ, пускай спасаются: мы имъ мѣшать не будемъ.

Дѣйствительно, мистика шла ко дну. Вода не успѣла еще добраться до рыбинъ, какъ уже весь экипажъ, въ надеждѣ спастись на другомъ кораблѣ, бросился въ воду. Но напрасно несчастные искали помощи у своихъ товарищей. Пираты не обращали на нихъ никакого вниманія, и они всѣ потонули.

„Сифанта“ дала второй залпъ, предназначенный въ этотъ разъ для одной изъ джэрмъ, стоявшей какъ разъ напротивъ нея. Судно вздрогнуло до основанія и, охваченное снизу яркимъ пламенемъ, затрещало и вспыхнуло какъ спичка.

При видѣ печальной участи, постигшей ихъ товарища, два другіе маленькіе корабля поняли, что не въ силахъ не только бороться противъ такого врага, но и уйти отъ него. И вотъ тогда, чтобы спасти хоть часть своей флотиліи, капитанъ брига прибѣгнулъ къ послѣднему бывшему въ его распоряженіи средству. Онъ далъ знакъ всѣмъ пиратамъ со всѣхъ кораблей перебираться къ нему на палубу, и когда разбойники собрались всѣ вмѣстѣ, онъ приказалъ взорвать опустѣвшіе корабли. Увеличенный такимъ образомъ на цѣлую сотню людей, экипажъ брига очутился теперь въ лучшихъ условіяхъ и могъ, въ случаѣ неудачнаго бѣгства, вступить съ корветомъ въ абордажный бой. Но хотя число людей на бригѣ и равнялось теперь числу экипажа на „Сифантѣ“, все же пиратамъ не оставалось ничего лучшаго, какъ искать спасенія въ бѣгствѣ. И вотъ, несмотря на крѣпнувшій вѣтеръ, бригъ, ни минуты не колеблясь, оснастился до послѣднихъ своихъ парусовъ и, рискуя сломать свои снасти, сталъ быстро удаляться отъ „Сифанты“.

— Прекрасно, — воскликнулъ капитанъ Тодросъ. — Онъ надѣется отъ насъ улизнуть! Ни за что не повѣрю, что у него такія же длинныя ноги, какъ и у нашего корвета!

И старый морякъ повернулся къ стоявшему рядомъ съ нимъ капитану, въ полной увѣренности, что тотъ отдастъ сейчасъ приказаніе пуститься за непріятелемъ въ погоню.

Но вниманіе Генриха д'Альбарэ въ эту минуту было обращено совсѣмъ въ другую сторону. Съ лихорадочнымъ интересомъ, не отрывая глазъ отъ своей подзорной трубы, онъ слѣдилъ за легкимъ небольшимъ судномъ, быстро натягивающимъ свои паруса и спѣшившимъ такъ же, какъ и бригъ, удалиться изъ рейда. То былъ саколэвъ.

— „Кариста“! — взволнованнымъ голосомъ прошепталъ Генрихъ.

Онъ сразу узналъ ненавистное судно.

— Что вы! Такъ это и есть тотъ саколэвъ, о которомъ вы намъ говорили? — спросилъ его капитанъ Тодросъ.

— Онъ самый... и я все сдѣлаю, чтобъ овладѣть имъ...

Но молодой человѣкъ не докончилъ своей фразы.

Между бригомъ, наполненнымъ пиратами, и „Каристой“, хотя ей и командовалъ Николай Старко, — долгъ не позволялъ дѣлать выбора. Конечно, прекративъ погоню за бригомъ, достигнувъ входа въ рейдъ и перерѣзавъ, такимъ образомъ, путь саколэву, онъ могъ легко достигнуть его и завладѣть имъ. Но вѣдь это значило пожертвовать для своего

личнаго интереса интересомъ общественнымъ. А развѣ онъ имѣлъ право такъ поступать? Нѣтъ, никогда; онъ долженъ былъ, не медля ни минуты, броситься за бригомъ, догнать его, постараться побѣдить, истребить вредныхъ людей,—вотъ что требовалъ отъ него долгъ, и Генрихъ покорился.

Взглянувъ въ послѣдній разъ на быстро удалявшуюся „Каристу", онъ громкимъ голосомъ отдалъ приказаніе: „догнать пиратовъ!"

Погоня продолжалась довольно долго. Время отъ времени „Сифанта" принималась стрѣлять въ непріятеля, разстояніе между ней и бригомъ замѣтно уменьшалось, а число убитыхъ среди пиратовъ замѣтно увеличивалось. Не было сомнѣнія, что „Сифанта" догонитъ бригъ еще до ночи. Дѣло, однако, разрѣшилось еще проще и гораздо скорѣе, чѣмъ это предполагалось въ началѣ сраженія. Одно изъ ядеръ корвета сломало на бригѣ фокъ-мачту. Корабль, не выдержавъ напора вѣтра, сразу упалъ на бокъ, и корвету оставалось только подойти къ нему.

Началась страшная пальба. „Сифанта" снова дала залпъ на разстояніи меньше чѣмъ полкабельтова. Бригъ точно приподняло всей этой огненной желѣзной лавиной, масса матросовъ попадала замертво въ воду, но течи нигдѣ не оказалось. Тѣмъ не менѣе пираты поняли, что дальнѣйшее сопротивленіе съ ихъ стороны безполезно, и спустили флагъ. Въ одну минуту лодки корвета окружили сдавшееся судно и перевезли къ себѣ всѣхъ оставшихся въ живыхъ пиратовъ. Разбойничій корабль сгорѣлъ, а то, что не могло или не успѣло сгорѣть, потонуло въ морѣ. „Сифанта" сдѣлала доброе и полезное дѣло. Она не сдѣлала только одного—не узнала, кто былъ начальникъ этой флотиліи, какъ его звали, чей онъ былъ родомъ и какой образъ жизни велъ до сихъ поръ. Человѣкъ этотъ, равно какъ и его товарищи, упорно отказывались отвѣчать на всѣ предлагаемые имъ Генрихомъ д'Альбарэ вопросы. Но это не помѣшало капитану предать ихъ, какъ разбойниковъ, суду, и всѣ они были немедленно перевѣшаны.

Между тѣмъ, неожиданное появленіе и такое же неожиданное исчезновеніе, можно сказать, бѣгство „Каристы", навели Генриха на странныя мысли. Дѣйствительно, обстоятельства, при которыхъ саколэвъ покидалъ островъ Тазосъ, складывались не въ его пользу. Было что-то непонятное и даже подозрительное въ его желаніи уйти какъ можно скорѣе изъ рейда. Можетъ-быть, „Кариста" боялась пиратовъ и просто хотѣла воспользоваться битвой между ними и корветомъ, чтобы незамѣтнымъ образомъ скрыться и тѣмъ вѣрнѣе избѣжать опасности? А можетъ-быть, узнавши „Сифанту", она испугалась встрѣчи именно съ ней? Во всякомъ случаѣ, если бы это было честное судно, оно осталось бы стоять въ портѣ. Вѣдь съ той минуты, какъ на рейдѣ появился корветъ, пираты оставили свое намѣреніе нападать на островъ Тазосъ; они думали только о томъ, какъ бы имъ поскорѣе выбраться изъ порта. „Кариста" же, рискуя попасть имъ въ руки, вдругъ распустила всѣ свои паруса и вышла въ море! Такой поступокъ съ ея стороны былъ весьма и весьма подозрителенъ, и невольно напрашивался вопросъ: не была ли „Кариста" въ сообществѣ съ пиратами? Правду сказать, капитанъ д'Альбарэ не очень бы удивился, если бы узналъ, что Николай Старко принадлежитъ къ шайкѣ морскихъ разбойниковъ.

Наступила ночь, и „Сифатана", направляясь къ югу, съ каждою минутой все болѣе и болѣе теряла возможность встрѣтиться съ саколэвомъ. Теперь уже развѣ одна только счастливая случайность могла натолкнуть ее на слѣдъ „Каристы".

Тяжело было Генриху д'Альбарэ сознавать, что онъ потерялъ, быть-можетъ навсегда, удобный случай отомстить своему врагу; но зато онъ

— Судно впереди! — раздался голосъ часового. (Стр. 107.)

могъ утѣшать себя мыслью, что не поддался искушенію и исполнилъ свой долгъ.

Вѣдь цѣлыхъ пять разбойничьихъ кораблей, вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, были истреблены имъ до основанія, и это почти безъ всякаго ущерба со стороны экипажа „Сифанты"! Вѣдь благодаря сраженію при островѣ Тазосѣ, въ окрестностяхъ сѣвернаго

архипелага снова водворилась тишина и спокойствіе, и можно было надѣяться, что на этотъ разъ морскіе разбои прекратятся на долгое время.

ГЛАВА XI.

Сигналы, остающіеся безъ отвѣта.

Восемь дней послѣ битвы при Тазосѣ, „Сифанта“ переплыла заливъ Контессы, обыскавъ всѣ бухточки турецкихъ береговъ, начиная съ Кавали до Орфаны, затѣмъ направилась отъ мыса Деправо до мыса Паліури, при входѣ въ заливы Монте-Санто и Кассандра; наконецъ, 15-го апрѣля она стала терять изъ виду вершины Аѳонской горы, возвышающейся почти на двѣ тысячи метровъ надъ уровнемъ моря.

Ни одно подозрительное судно не было замѣчено въ продолженіе всего плаванія корвета. Нѣсколько разъ появлялись турецкія эскадры; но „Сифанта“, плавая подъ корфіотскимъ флагомъ, не считала нужнымъ начать сношенія съ этими кораблями, которые ея капитанъ скорѣе встрѣтилъ бы пушечными выстрѣлами, чѣмъ привѣтствіемъ. При этихъ-то обстоятельствахъ, 26 апрѣля, Генрихъ д'Альбарэ узналъ о весьма важномъ событіи. Соединенныя державы постановили, что всякое подкрѣпленіе, которое моремъ захочетъ пробраться до Ибрагима, будетъ перехвачено. Кромѣ того, Россія офиціально объявила войну султану. Положеніе Греціи, такимъ образомъ, улучшалось, и если ей приходилось еще нѣсколько терпѣть, то, въ концѣ концовъ, все направлялось къ утвержденію ея независимости.

30 апрѣля корветъ углубился до крайнихъ предѣловъ Солунскаго залива, который составлялъ крайнюю точку, до которой должна была итти „Сифанта“. Она еще имѣла тутъ возможность погоняться за нѣсколькими шебеками, шнявами и полакрами, которыя уходили отъ нея, кидаясь къ берегу. Если ихъ экипажъ и не погибалъ до послѣдняго человѣка, то все-таки большинство этихъ судовъ было сдѣлано непригодными для употребленія. „Сифанта“ направилась на юго-востокъ, чтобы имѣть возможность хорошенько осмотрѣть берега Солунскаго залива. Но объ этомъ, вѣроятно, уже знали, такъ какъ ни одинъ пиратъ не показался въ продолженіе всего плаванья.

Между тѣмъ, на палубѣ корвета произошло нѣчто весьма оригинальное, даже необъяснимое. 10 мая, около семи часовъ вечера, входя на площадку, занимавшую корму корвета „Сифанта“, Генрихъ д'Альбарэ нашелъ на столѣ письмо, на которомъ былъ написанъ слѣдующій адресъ.

„Капитану Генриху д'Альбарэ, командиру корвета „Сифанта“, въ морѣ“. Генриху д'Альбарэ показался знакомымъ этотъ почеркъ, и, на самомъ дѣлѣ, онъ походилъ на почеркъ того письма, которое онъ получилъ въ Хіосѣ и которое его извѣщало о свободномъ мѣстѣ въ экипажѣ корвета. Вотъ что содержало это письмо, такъ странно попавшее сюда и не имѣвшее никакого почтоваго штемпеля:

„Если командиръ д'Альбарэ пожелаетъ продолжать свою экспедицію по направленію черезъ Архипелагъ, стараясь быть вблизи острова Скар-

панто на первой недѣлѣ сентября, то онъ сдѣлаетъ это для блага всѣхъ и исполнитъ то, что на него было возложено".

Письмо было безъ подписи и безъ числа. Если бы онъ сличилъ это письмо съ письмомъ, полученнымъ въ Хіосѣ, то убѣдился бы, что оба писаны одною рукой. Какъ объяснить это? Первое письмо было прислано по почтѣ; но это письмо, по всей вѣроятности, было положено на столъ лицомъ, находящимся на корветѣ. Затѣмъ, вѣроятно, это лицо его держало при себѣ съ самаго начала экспедиціи, или письмо было отдано на корветъ во время послѣдней стоянки „Сифанты". Но часъ тому назадъ, когда командиръ входилъ на площадку, это письмо еще тамъ не находилось, слѣдовательно, оно было положено всего незадолго до его прихода.

Генрихъ д'Альбарэ позвонилъ. Появился рулевой.

— Кто приходилъ сюда въ то время, когда я находился на палубѣ?— спросилъ д'Альбарэ.

— Никто, командиръ,— отвѣтилъ матросъ.

— Никто?.. Но кто-нибудь могъ вѣдь войти, вовсе незамѣченный тобой?

— Нѣтъ, такъ какъ я находился все время при этой двери.

— Хорошо!

Рулевой удалился, приложивъ руку къ козырьку.

„Мнѣ кажется совершенно возможнымъ,— говорилъ себѣ Генрихъ д'Альбарэ, — что кто-нибудь могъ пробраться черезъ дверь совершенно незамѣтнымъ образомъ! Но, можетъ-быть, кто-нибудь могъ проскользнуть до задней галлереи и войти чрезъ одно изъ оконъ площадки?"

Генрихъ д'Альбарэ пошелъ осмотрѣть окна: они всѣ были заперты снаружи; такимъ образомъ, было очевидно, что никто не могъ попасть извнѣ и пролѣзть чрезъ эти окна. Это все, вмѣстѣ взятое, не могло, однако, безпокоить Генриха д'Альбарэ, оно возбуждало только его любопытство. Генрихъ д'Альбарэ, пораздумавъ объ этомъ, рѣшилъ никому ничего не говорить о случившемся, даже капитану Тодросу. Да къ чему это бы послужило? Его таинственный корреспондентъ, кто бы онъ ни былъ, не открылся бы ни въ какомъ случаѣ.

„Конечно,—говорилъ себѣ командиръ,—тотъ, кто мнѣ писалъ въ первый разъ въ Хіосъ, не обманулъ меня, утверждая, что въ экипажѣ „Сифанты" имѣется свободное мѣсто. Зачѣмъ же онъ будетъ меня обманывать во второй разъ, приглашая меня направиться къ острову Скарпанто? Если онъ это пишетъ, то это, можетъ-быть, только въ интересѣ миссіи, которая мнѣ поручена! Да, я измѣню планъ моей экспедиціи и буду въ условленное время тамъ, гдѣ мнѣ велѣли быть!"

Генрихъ д'Альбарэ тщательно сложилъ письмо, которое ему давало новыя порученія, затѣмъ, взявъ въ руки карту, началъ изучать новый планъ похода, который долженъ былъ занять слѣдующіе четыре мѣсяца до конца августа.

Островъ Скарпанто лежитъ на юго-востокѣ, на другомъ концѣ Архипелага, т. е. на сто лье по прямой линіи. Время позволяло корвету посѣтить берега морей, гдѣ пираты находили себѣ убѣжище, какъ и всю группу Цикладъ, разсѣянную отъ входа въ Эгинскій заливъ до острова Крита. Въ цѣломъ, эта необходимость находиться въ виду Скар-

панто, въ установленное время, мало измѣняла маршрутъ, уже установленный командиромъ д'Альбарэ. То, что онъ рѣшилъ сдѣлать, онъ сдѣлалъ бы, ничего не измѣняя въ своей программѣ. 20 мая „Сифанта" приближалась къ острову Скиросу, обозрѣвъ маленькіе острова: Пелериссъ, Пепери, Саракино и Скантксура на сѣверѣ Негропонта.

Скиросъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ девяти острововъ, образующихъ ту группу, которую древность, можетъ-быть, переименовала бы въ царство девяти музъ. Въ его гавани Св. Георгія корветъ могъ запасаться провіантомъ, въ видѣ рябчиковъ, овецъ, ржи и ячменя, и снабдить себя тѣмъ превосходнымъ виномъ, которое составляетъ одно изъ богатствъ края. Этотъ островъ, замѣшанный въ полумиѳологическія событія Троянской войны, украшенный именами Ликомеда, Ахилла и Улисса, вскорѣ сталъ возрождаться во времена новаго греческаго королевства.

Такъ какъ берега Скироса значительно изрѣзаны бухтами и бухточками, гдѣ пираты могутъ свободно найти себѣ пристанище, то Генрихъ д'Альбарэ ихъ тщательно обыскалъ. Между тѣмъ, какъ корветъ сталъ на якорь въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ берега, его шлюпки заходили во всѣ углы и изслѣдовали всѣ уголки. Но эти поиски не дали никакихъ результатовъ. Единственно, что могъ узнать Генрихъ д'Альбарэ отъ властей острова, было слѣдующее: мѣсяцъ тому назадъ въ этихъ краяхъ были разграблены и уничтожены нѣсколько коммерческихъ судовъ кораблемъ, плавающимъ подъ знаменемъ пиратовъ; этотъ поступокъ снова приписывался пресловутому Сакратифу. Но никто не могъ сказать, на чемъ было основано это мнѣніе, — столько было неизвѣстнаго въ существованіи этой личности.

Корветъ покинулъ Скиросъ спустя пять или шесть дней. Къ концу мая, онъ приближался къ берегамъ большого острова Эвбеи, который также называется Негропонтомъ, пристани котораго онъ со вниманіемъ осмотрѣлъ на протяженіи болѣе чѣмъ 40 лье.

Извѣстно, что этотъ островъ былъ одинъ изъ первыхъ, которые возстали въ началѣ войны, въ 1821 г.; но турки, которые заперлись въ цитадели Негропонта, чрезвычайно стойко сопротивлялись тамъ, въ то же самое время, какъ они окапывались въ цитадели Каристоса. Затѣмъ, подкрѣпленные войсками Юзуфъ-паши, они разсѣялись по всему острову и предались своимъ обычнымъ звѣрствамъ, до того времени, пока грекъ Діамантисъ не остановилъ ихъ въ сентябрѣ 1823 г. Напавъ на нихъ совершенно неожиданно, онъ побилъ много изъ нихъ и заставилъ бѣглецовъ пройти чрезъ ущелье, чтобы удалиться въ Ѳессалію. Но, въ концѣ концовъ, перевѣсъ остался на сторонѣ турокъ, которые были многочисленнѣе. Послѣ тщетной попытки полковника Фабвье и эскадроннаго командира Реньо де-Сентъ-Жанъ Анжели, въ 1826 г., они окончательно утвердились на всемъ островѣ, гдѣ находились еще въ то время, когда „Сифанта" проходила въ виду береговъ Негропонта. Со своего корвета Генрихъ д'Альбарэ могъ снова увидѣть этотъ театръ кровавой борьбы, въ которой онъ лично принималъ участіе.

Тамъ не сражались больше, и, послѣ признанія новаго королевства, островъ Эвбея, съ его 60,000 жителями, образовалъ одну изъ провинцій Греціи.

Почти подъ турецкими пушками корветъ продолжалъ свою экспедицію и уничтожилъ еще около двадцати кораблей пиратовъ, которые доходили до группы Цикладъ. Больше половины іюня „Сифанта" проплавала въ этихъ краяхъ. Въ послѣднихъ дняхъ мѣсяца, она находилась вблизи Андроса, перваго острова Цикладъ, лежащаго въ концѣ Эвбеи, жители котораго возстали противъ турецкаго владычества въ

Двѣ мили отдѣляли эти два судна. (Стр. 110).

одно время съ обитателями Псары. Капитанъ д'Альбарэ, считая нужнымъ перемѣнить свое направленіе, чтобы приблизиться къ берегамъ Пелопоннеса, прямо направился на юго-западъ. 2 іюля онъ ознакомился съ островомъ Цеа, древнимъ Кеосъ или Косъ, надъ которымъ возвышается высокая гора Ильи.

„Сифанта" нѣсколько дней простояла въ гавани Цеи, гдѣ Генрихъ д'Альбарэ и его офицеры встрѣтились со многими изъ тѣхъ отважныхъ

ceитовъ, которые были ихъ сотоварищами по оружію въ продолженіе первыхъ годовъ войны. Корвету была оказана самая дружеская встрѣча. Но такъ какъ ни одному пирату не пришло бы на мысль искать убѣжище въ бухтахъ острова, то „Сифанта“ снялась съ якоря и поплыла дальше, огибая съ 5 іюля мысъ Колонъ, на юго-восточномъ концѣ Аттики. Въ продолженіе конца недѣли плаваніе было замедлено вѣтромъ при входѣ въ Эгинскій заливъ, который такъ глубоко разрѣзаетъ греческую страну до Коринѳскаго перешейка. Нужно было слѣдить съ большимъ вниманіемъ за ходомъ корвета. „Сифантѣ“ стоило бы много труда защищаться, если бы нѣсколько сотъ лодокъ на нее напали и принудили къ битвѣ. Экипажъ весь былъ наготовѣ, чтобы отбить всякую атаку, и онъ имѣлъ основаніе на это. Въ самомъ дѣлѣ, показывались нѣсколько лодокъ, поползновенія которыхъ были довольно сомнительны; но онѣ не посмѣли на что-нибудь отважиться, опасаясь пушекъ и мушкетовъ корвета.

10 іюля вѣтеръ началъ дуть съ сѣвера,—обстоятельство чрезвычайно благопріятное для „Сифанты“, которая, пройдя въ виду города Дамала, поспѣшно обогнула мысъ Скили, которымъ оканчивается Навплійскій заливъ. Одиннадцатаго она показалась у Гидры и черезъ день у Специи. Совершенно безполезно указывать на то участіе, которое принимали жители этихъ двухъ островов въ войнѣ за независимость. Первоначально они и ихъ сосѣди, ипсаріоты, имѣли болѣе чѣмъ 300 коммерческихъ кораблей, которые они потомъ передѣлали въ военные и направили противъ турецкаго флота. Здѣсь, на этихъ островахъ, была колыбель Кондуріотиса, Томбазиса, Міаулиса, Орландоса и многихъ другихъ высокаго происхожденія, которые сперва деньгами и потомъ жизнью заплатили долгъ своей родинѣ; отсюда вышли тѣ страшные моряки, взрывавшіе корабли и наводившіе ужасъ на турокъ. Кромѣ того, несмотря на внутренніе раздоры, эти два острова все-таки никогда не были попираемы ногой притѣснителей.

Въ тотъ моментъ, когда ихъ посѣтилъ Генрихъ д'Альбарэ, они стали уже переставать бороться противъ турокъ, и скоро должно было настать время, когда они должны были соединиться вмѣстѣ, составляя двѣ епархіи Коринѳскаго и Арголидскаго округовъ.

20-го іюля корветъ сталъ на якорѣ въ гавани острова Сиры, родины вѣрнаго Евмея, такъ поэтически воспѣтаго Гомеромъ. Въ эту эпоху онъ еще служилъ убѣжищемъ для тѣхъ, которыхъ турки согнали съ континента. Островъ Сира, архіепископъ котораго всегда находился подъ покровительствомъ Франціи, предложилъ всѣ свои услуги Генриху д'Альбарэ. Ни въ одной гавани своей страны молодой командиръ не встрѣтилъ столь радушнаго и сердечнаго пріема, какъ здѣсь. Но одно обстоятельство мѣшало радости быть полной, т.-е. что онъ не прибылъ тремя днями раньше. Въ самомъ дѣлѣ, изъ разговора съ французскимъ консуломъ онъ узналъ, что шестьдесятъ часовъ тому назадъ покинулъ гавань саколэвъ, носившій имя „Каристы“ и шедшій подъ греческимъ флагомъ. Изъ этого слѣдовало, что „Кариста“, убѣгая отъ острова Тазоса во время сраженія корвета съ пиратами, направилась на югъ Архипелага.

— Но, можетъ-быть, извѣстно, куда она пошла? — съ живостью спросилъ Генрихъ д'Альбарэ.

— Послѣ всего того, что я слышалъ, — отвѣчалъ консулъ, — мнѣ кажется, она должна была направиться на юго-востокъ, можетъ-быть, даже къ одной изъ гаваней Крита.

— Вы никакихъ отношеній не имѣли съ ея капитаномъ? — спросилъ Генрихъ д'Альбарэ.

— Никакихъ.

— И вы не знаете, не назывался ли этотъ капитанъ Николаемъ Старко?

— Не знаю.

— И ничто не давало повода подозрѣвать, что этотъ саколэвъ принадлежитъ къ числу судовъ тѣхъ пиратовъ, которые разоряютъ эту часть Архипелага?

— Ничего; но если это такъ, — отвѣчалъ консулъ, — то нѣтъ ничего удивительнаго, если она направилась къ Криту, нѣкоторыя гавани котораго всегда открыты для этихъ разбойниковъ!

Эта новость заставила сильно волноваться командира „Сифанты", какъ все, что прямо или косвенно относилось къ исчезновенію Хаджины Элизундо. Но если саколэвъ направился на югъ, то, можетъ-быть, корветъ, который долженъ былъ слѣдовать этому же направленію, будетъ еще имѣть возможность его настигнуть? Генрихъ д'Альбарэ, который такъ страстно желалъ встрѣтиться съ Николаемъ Старко, покинулъ Сиру вечеромъ 21-го іюля. Въ продолженіе пятнадцати дней командиръ д'Альбарэ столь же ревностно искалъ какъ саколэвъ, такъ и пиратовъ. По его мнѣнію, „Кариста" заслуживала, чтобы съ ней поступили такъ же, какъ и съ ними. Между тѣмъ, несмотря на всѣ свои поиски, корветъ не могъ найти слѣдовъ саколэва. Въ Наксосѣ, всѣ гавани котораго были обысканы, „Кариста" не останавливалась; точно такіе же результаты были достигнуты корветомъ среди всѣхъ тѣхъ маленькихъ островковъ, которые окружаютъ этотъ островъ. Морскихъ разбойниковъ здѣсь совсѣмъ не встрѣчали, и это среди богатыхъ Цикладъ, куда ихъ непремѣнно должны были привлечь благопріятныя условія для грабежа.

То же самое было въ Паросѣ, который отдѣляется отъ Наксоса простымъ каналомъ, длиной въ семь миль. Гавани Паркіа, Санта-Марія, Агула и Дико не удостоились посѣщенія Николая Старко. Безъ сомнѣнія, саколэвъ, какъ говорилъ сирійскій консулъ, направился къ одной изъ гаваней береговъ Крита. 9-го августа „Сифанта" бросила якорь въ гавани острова Мило, котораго вулканическія изверженія сдѣлали совершенно бѣднымъ изъ богатаго, какимъ онъ былъ до средины XVIII столѣтія. Теперь онъ совсѣмъ отравленъ злокачественными испареніями земли, вслѣдствіе чего его населеніе все больше и больше уменьшается въ числѣ.

Тамъ поиски тоже были тщетны. Не только „Кариста" не появлялась, но и не было случая преслѣдовать одного изъ тѣхъ пиратовъ, которые обыкновенно наводняли моря Цикладъ. Теперь вопросъ былъ въ томъ, не обратятся ли они въ бѣгство при прибытіи „Сифанты". Корветъ причинилъ много зла сѣвернымъ пиратамъ, такъ что ихъ южные собраты старались, повидимому, не встрѣтиться съ этимъ опас-

нымъ непріятелемъ. Но, въ концѣ концовъ, вслѣдствіе той или другой причины, эти края никогда еще не были такъ безопасны, какъ въ это время. Казалось, что коммерческія суда могли теперь плавать совершенно невооруженными и въ совершенной безопасности. Нѣкоторыя изъ шебекъ, полакъ, шнявъ, тартанъ, фелукъ или каравеллъ, встрѣченныхъ на пути, подвергались разспросамъ; но изъ отвѣтовъ ихъ хозяевъ или капитановъ командиръ д'Альбарэ ничего не могъ извлечь, что бы могло ему выяснить то, что ему было нужно. Между тѣмъ, наступило уже 14-е августа. Оставалось всего двѣ недѣли, чтобы достигнуть острова Скарпанто. Выйдя изъ группъ Цикладъ, „Сифантѣ" только нужно было направиться прямо на югъ. Море, закрытое островомъ Критомъ, и горныя вершины острова, окутанныя вѣчными снѣгами, показались надъ горизонтомъ. По этому направленію порѣшилъ поплыть командиръ д'Альбарэ. Появившись въ виду Крита, ему оставалось только повернуть на востокъ, чтобы добраться до Скарпанто.

Между тѣмъ, покинувъ Мило, „Сифанта" направилась еще на юго-востокъ до острова Санторина и обыскала всѣ бухточки его черноватыхъ береговъ. Это чрезвычайно опасные края, гдѣ каждую минуту можетъ подняться новый рифъ, подъ вліяніемъ вулканическихъ изверженій. Затѣмъ, принявъ за примѣтный знакъ древнюю гору Иду, современную Псиланти, возвышающуюся на семь тысячъ футовъ надъ Критомъ, корветъ поплылъ прямо вверхъ, при свѣжемъ сѣверо-западномъ вѣтеркѣ, позволившемъ ему итти на всѣхъ парусахъ.

15-го августа вершины этого самаго большого острова Архипелага оттѣнили на ясномъ горизонтѣ свои живописные контуры, начиная съ мыса Спада до мыса Ставроса.

— Вы, можетъ-быть, желаете, — спросилъ капитанъ Тодросъ, обращаясь къ командиру, — стать на якорѣ въ одной изъ гаваней острова?

— Критъ всегда находился въ рукахъ турокъ, — отвѣчалъ Генрихъ д'Альбарэ, — и я думаю, намъ тамъ нечего дѣлать. По извѣстіямъ, которыя мнѣ были переданы въ Сирѣ, солдаты Мустафы, овладѣвъ Ретимо, сдѣлались хозяевами во всей странѣ, несмотря на доблесть сфакіотовъ.

— Эти сфакіоты — отважные горцы, — отвѣчалъ Тодросъ, — которые съ самаго начала войны заслужили себѣ репутацію замѣчательной храбрости.

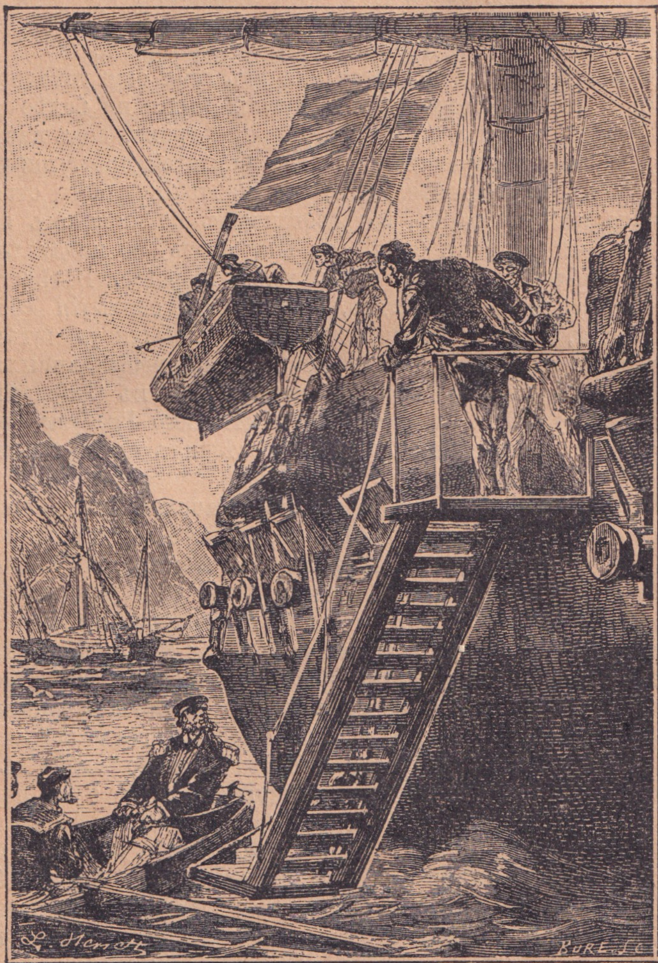
— Да, храбрости... и алчности, Тодросъ, — отвѣчалъ Генрихъ д'Альбарэ. — Всего два мѣсяца тому назадъ, они держали судьбу Крита въ своихъ рукахъ. Мустафа и его солдаты, на которыхъ они неожиданно напали, почти были истреблены; но по приказанію наши солдаты побросали всѣ свои драгоцѣнности и оружіе, и между тѣмъ, какъ сфакіоты стали собирать эти предметы, турки могли ускользнуть.

— Это очень грустно, но вѣдь, въ концѣ концовъ, жители Крита не чистокровные греки.

Не нужно удивляться этимъ словамъ шкипера „Сифанты", который былъ греческаго происхожденія. Не только въ его глазахъ критскіе жители не считались греками, но и при окончательномъ образованіи новаго королевства, они не были признаны таковыми. Такъ же, какъ Самосъ, Критъ остался подъ владычествомъ турокъ, или, по крайней

мѣрѣ, до 1832 г., когда султанъ долженъ былъ уступить свои права Мегмету-Али.

Кромѣ того, при тогдашнемъ положенiи вещей, командиру д'Альбарэ не было никакой пользы войти въ сношенiя съ гаванями Крита. Кандiя сдѣлалась первымъ арсеналомъ египтянъ, и отсюда паша напра-

— Хорошо, — отвѣтилъ капитанъ Тодрссъ. (Стр. 111.)

вилъ на Грецiю своихъ дикихъ солдатъ. Что же касается Канеи, то ея населенiе, подстрекаемое турецкими властями, могло чрезвычайно худо принять „Сифанту", плывшую подъ корфiотскимъ флагомъ. Наконецъ, ни въ Гира-Папрѣ, ни въ Судѣ, ни въ Кисамосѣ Генрихъ д'Альбарэ не получилъ никакихъ свѣдѣнiй, которыя бы ему позволили увѣнчать свой походъ какимъ-нибудь важнымъ сраженiемъ.

— Нѣтъ, — говорилъ онъ капитану Тодросу, — мнѣ кажется совершенно безполезнымъ осматривать сѣверные берега; но мы можемъ обойти

островъ на сѣверо-западѣ, обогнуть мысъ Спада и поплавать одинъ или два дня въ виду Грабузы.

Это, очевидно, было самое лучшее. Въ пресловутыхъ водахъ Грабузы „Сифанта“, можетъ-быть, найдетъ возможность столкнуться съ пиратами. Кромѣ того, если саколэвъ, какъ можно было предполагать, направился къ Криту, то было весьма возможно, что онъ сталъ на якорь въ Грабузѣ. Слѣдовательно, одною причиной больше, чтобы командиръ д'Альбарэ предпринялъ осмотръ этой гавани.

Въ эту эпоху Грабуза представляла изъ себя еще гнѣздо пиратовъ. Почти семь мѣсяцевъ тому назадъ нужны были ни болѣе ни менѣе какъ англо-французскій флотъ и регулярные греки, подъ начальствомъ Маврокордато, чтобы справиться съ этою берлогой преступниковъ. Удивительнѣе всего то обстоятельство, что критскія власти отказывались выдать двѣнадцать пиратовъ, потребованныхъ командиромъ англійской эскадры, который долженъ былъ открыть огонь по цидатели и сжечь нѣсколько кораблей, чтобы получить удовлетвореніе. Вслѣдствіе этого, весьма естественно предполагать, что послѣ отплытія соединенной эскадры пираты, по всей вѣроятности, должны были удалиться въ Грабузу, такъ какъ они тамъ нашли себѣ столь неожиданныхъ союзниковъ. Генрихъ д'Альбарэ порѣшилъ направиться къ Скарпанто, слѣдуя по южному берегу Крита и стараясь проплыть мимо Грабузы. Онъ отдалъ свои приказанія, и капитанъ Тодросъ поспѣшилъ привести ихъ въ исполненіе.

Въ этомъ пріятномъ климатѣ декабрь — начало зимы, а январь — конецъ. Счастливый этотъ островъ Критъ, родина короля Миноса и инженера Дедала! Не отсюда ли вышелъ Гиппократъ, обучавшій Грецію врачебному искусству?

„Сифанта“ плыла по вѣтру, стараясь обогнуть мысъ Спада, выдающійся у того конца земли, который находится между Канейской и Кизамосской бухтами. Мысъ былъ обогнутъ вечеромъ. Въ продолженіе ночи,— одной изъ свѣтлыхъ ночей востока,— корветъ обошелъ островъ. Повернувъ оверштагъ, онъ имѣлъ возможность снова поплыть по направленію къ югу, и къ утру онъ пробѣгалъ мимо входа въ Грабузу.

Въ продолженіе шести дней, командиръ д'Альбарэ не переставалъ наблюдать за западнымъ берегомъ острова. Множество кораблей выходили изъ гаваней; „Сифанта“ разспрашивала ихъ и не имѣла повода подозрѣвать ихъ отвѣтовъ. На вопросы, которые имъ были сдѣланы касательно пиратовъ, которымъ Грабуза могла дать убѣжище, они отвѣчали чрезвычайно осторожно. Видно было, что они боялись себя компрометировать. Генрихъ д'Альбарэ не могъ даже знать навѣрное, находится ли саколэвъ „Кариста“ въ гавани или нѣтъ. Корветъ увеличилъ тогда поле своихъ наблюденій. Онъ посѣтилъ мѣста, находящіяся между Грабузой и мысомъ Кріо. Затѣмъ, 22-го августа, при свѣжемъ вѣтеркѣ, онъ обогнулъ мысъ и сталъ плыть вдоль береговъ Либійскаго моря, которые менѣе выстрадали и менѣе изрѣзаны бухтами и разсѣлинами, чѣмъ берега Критскаго моря. На горизонтѣ сѣвера развертывалась цѣпь горъ Аспровуна, надъ которымъ возвышается на востокѣ поэтическая гора Иды, снѣга которой вѣчно сопротивляются солнцу Архипелага.

Нѣсколько разъ, не останавливаясь ни въ одной изъ маленькихъ гаваней этихъ береговъ, корветъ становился на якорь на полмили отъ

Румеліи, Анополи и Сфакіи; но часовые „Сифанты“ не могли ни разу увѣдомить о какомъ-нибудь суднѣ пиратовъ.

27-го августа „Сифанта“, проплывъ мимо большой бухты Мессара, обогнула мысъ Матала, южную точку Крита, ширина котораго въ этомъ мѣстѣ не превышаетъ десяти или одиннадцати лье. Казалось, что розыски въ этой мѣстности не принесли бы ни малѣйшей пользы. Мало судовъ пересѣкаетъ Либійское море въ этой широтѣ.

Они направляются или болѣе на сѣверъ, черезъ Архипелагъ, или болѣе на югъ, приближаясь къ египетскимъ берегамъ. Здѣсь замѣчались лишь рыбачьи лодочки, стоявшія на якорѣ около самой скалы, и отъ времени до времени длинныя барки, наполненныя морскими улитками, которыя въ большомъ числѣ разсылаются на всѣ острова.

Итакъ, если корветъ ничего не встрѣтилъ въ этой части поморья, оказывающагося мысомъ Матала, гдѣ многочисленные островки могутъ укрыть столько маленькихъ судовъ, то нечего было ожидать отъ другой части южныхъ береговъ.

Вслѣдствіе этого, Генрихъ д'Альбарэ порѣшилъ прямо направиться къ Скарпанто, хотя онъ такимъ образомъ явился бы ранѣе назначеннаго времени.

Было шесть часовъ. Командиръ, шкиперъ и нѣсколько офицеровъ находились на ютѣ, обозрѣвая мысъ Матала. Въ эту минуту раздался голосъ одного изъ часовыхъ:

— Судно впереди!

Сейчасъ были направлены телескопы въ указанную точку, на нѣсколько миль впереди корвета.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ командиръ д'Альбарэ, — вотъ судно, плывущее вдоль берега.

— И которое должно хорошо его знать, такъ какъ оно такъ близко плыветъ около береговъ, — отвѣчалъ капитанъ Тодросъ.

— Выкинуло оно свой флагъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Спросите у часовыхъ, нельзя ли узнать, какой націи это судно.

Это приказаніе было исполнено, и нѣсколько минутъ спустя былъ полученъ отвѣтъ, что ни на носу ни мачтѣ флага не видно. Между тѣмъ, было еще довольно свѣтло, чтобы познакомиться съ силой этого судна. Это былъ бригъ, гротъ-мачта котораго весьма сильно наклонялась назадъ. Чрезвычайно длинный, очень хорошо отдѣланный, черезчуръ ошвартованный и съ широкимъ кипоромъ, онъ долженъ былъ итти съ замѣчательною скоростью при всякомъ вѣтрѣ. Но былъ ли онъ вооруженъ? Имѣлъ ли онъ артиллерію на палубѣ, или нѣтъ? Этого лучшіе телескопы не могли указать.

Разстояніе въ четыре мили, по крайней мѣрѣ, отдѣляло бригъ отъ корвета. Кромѣ того, начинался вечеръ, такъ какъ солнце уже скрылось за вершинами Аспровуна.

— Странное судно! — сказалъ капитанъ Тодросъ.

— Можно подумать, что оно старается пройти между островомъ Платана и берегомъ! — прибавилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Да! точно корабль, который жалѣетъ о томъ, что его увидали, — отвѣчалъ шкиперъ, — и который желаетъ спрятаться!

Генрихъ д'Альбарэ не отвѣчалъ; но, очевидно, онъ раздѣлялъ мнѣніе своихъ офицеровъ. Движеніе брига въ эту минуту возбудило подозрѣніе командира.

— Капитанъ Тодросъ, — сказалъ онъ, наконецъ, — намъ нужно стараться не потерять слѣдъ этого судна въ продолженіе ночи. Мы будемъ такъ двигаться, чтобы остаться вблизи его до утра; но для того, чтобы онъ не видѣлъ насъ, велите потушить огни на корветѣ!

Шкиперъ отдалъ всѣ эти приказанія, и всѣ продолжали слѣдить за бригомъ, насколько это было возможно. Съ наступленіемъ ночи, онъ совершенно пропалъ, и ни одинъ огонекъ не выдавалъ мѣста его нахожденія.

На другой день, съ восходомъ солнца, Генрихъ д'Альбарэ находился на носу „Сифанты", ожидая исчезновенія тумана съ поверхности моря. Около семи часовъ туманъ разсѣялся, и всѣ телескопы были направлены на востокъ.

Бригъ находился вблизи мыса Аликапориѳа, около шести миль впереди корвета. Онъ весьма замѣтно обогналъ ее въ продолженіе ночи и продолжалъ нести кливера марсели брамсели.

— Это уже не похоже на корабль, старающійся скрыться, — проговорилъ шкиперъ.

— Все равно, — отвѣчалъ командиръ. — Постараемся взглянуть на него вблизи! Капитанъ Тодросъ, держите-ка къ бригу.

Тотчасъ же паруса были ослаблены, и корветъ замѣтно увеличилъ свою скорость. Но бригъ, безъ сомнѣнія, желалъ удержать свое разстояніе, такъ какъ онъ сдѣлалъ то же, что и корветъ, со своими брамселемъ и контръ-бизанью, — больше ничего. Изъ этого становилось очевиднымъ, что если онъ не хотѣлъ приблизиться къ „Сифантѣ", то онъ и не хотѣлъ ее оставить позади себя; онъ держался берега, насколько это было возможно.

Около десяти часовъ утра, корветъ или потому, что ему болѣе благопріятствовалъ вѣтеръ, или потому, что незнакомое судно дало ему зайти впередъ, обогналъ его на четыре мили. Теперь можно было его осмотрѣть гораздо свободнѣе. Судно было вооружено двадцатью каронадами.

— Выкиньте флагъ, — приказалъ Генрихъ д'Альбарэ.

Флагъ былъ выкинутъ при пушечномъ выстрѣлѣ, что обозначало, что желали знать національность этого судна.

Но на этотъ сигналъ отвѣта не послѣдовало. Бригъ не перемѣнилъ ни скорости ни направленія и только немного отдалился, чтобы обогнуть Кератонскую бухту.

— Не очень-то приличенъ этотъ весельчакъ! — сказали матросы.

— Но, можетъ-быть, разуменъ, — прибавилъ одинъ старый морякъ. — Его наклоненная мачта придаетъ ему видъ человѣка, который надвинулъ шапку на уши и не хочетъ ею пользоваться, чтобы раскланиваться съ людьми!

Второй выстрѣлъ раздался, и опять безполезно. Бригъ не легъ въ дрейфъ и продолжалъ спокойно свой путь, не обращая вниманія на выстрѣлы корвета.

Это было настоящее состязаніе въ быстротѣ этихъ двухъ судовъ. „Сифанта" пошла на всѣхъ парусахъ, но и бригъ увеличилъ свою скорость.

— У него, очевидно, дьявольскій механизмъ! — вскричалъ старый морякъ.

На корветѣ стали волноваться всѣ, не только экипажъ, но и офицеры, и болѣе всѣхъ нетерпѣливый Тодросъ.

На носу „Сифанты“ стояла пушка, изъ которой можно было выстрѣлить ядромъ въ тридцать фунтовъ на разстояніи почти двухъ миль.

Командиръ д'Альбарэ, хладнокровный, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, отдалъ приказанія. Раздался выстрѣлъ; но ядро, рикошетировавъ, упало на двадцать саженъ отъ брига, который удовольствовался только тѣмъ, что сталъ оснащивать свои высокіе бинеты и увеличилъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ корвета. Не нужно ли было отказаться отъ желанія его нагнать, открывъ по немъ огонь. Но это было унизительно для такого судна, какъ „Сифанта“.

Тѣмъ временемъ настала ночь, и корветъ находился тогда вблизи мыса Пелистера. Вѣтеръ довольно замѣтно свѣжѣлъ, такъ что нужно было натянуть болѣе подходящіе паруса. Командиръ предполагалъ, что поутру онъ не увидитъ болѣе не только самаго корабля, но и верхушки его мачтъ. Однакоже, онъ ошибался. При восходѣ солнца бригъ находился тамъ же и на томъ же разстояніи.

— Онъ насъ могъ бы на буксиръ взять! — говорили на палубѣ корвета.

Въ эту минуту бригъ, направившись въ каналъ Куфонизи, между островомъ этого имени и сушей, обошелъ выдававшійся конецъ Какіалиѳи, чтобы подняться къ восточной части Крита. Не хотѣлъ ли онъ искать убѣжища въ одной изъ гаваней, или исчезнуть въ одномъ изъ узкихъ каналовъ поморья?

Въ семь часовъ утра бригъ прямо направился на сѣверо-востокъ и пошелъ къ открытому морю.

— Не направляется ли онъ къ Скарпанто? — спросилъ себя не безъ удивленія Генрихъ д'Альбарэ.

И при вѣтеркѣ, все болѣе и болѣе свѣжѣвшемъ, рискуя сломать часть своего рангоута, онъ продолжалъ свое безконечное преслѣдованіе, отъ котораго не позволяли ему отказаться не только обязанность, но и честь корвета.

Тамъ, въ этой части Архипелага, среди необъятнаго моря, котораго не покрывали больше вершины Крита, „Сифанта“, казалось, получила нѣкоторое превосходство надъ бригомъ. Около часу пополудни разстояніе одного судна отъ другого ограничивалось тремя милями. Ядра, направленныя противъ брига, не достигли цѣли и не вызвали никакой перемѣны въ ходѣ этого судна.

Уже вершины Скарпанто показались на горизонтѣ, позади маленькаго острова Казо, висящими на концѣ острова, какъ Сицилія виситъ на концѣ Италіи.

Командиръ д'Альбарэ, его офицеры и экипажъ могли еще надѣяться, что они, въ концѣ концовъ, познакомятся съ этимъ таинственнымъ судномъ, которое было такъ неприлично, что не отвѣчало ни на сигналы ни на пушечные выстрѣлы. Но около пяти часовъ вечера вѣтеръ ослабъ, и бригъ снова достигъ превосходства.

— А! мошенникъ!.. Чортъ за него!.. Онъ отъ насъ ускользнетъ! — вскричалъ капитанъ Тодросъ.

И тогда все, что только можетъ сдѣлать морякъ, чтобы ускорить ходъ своего корабля, — все было пущено въ ходъ, и не безъ пользы. Около семи часовъ, немного послѣ заката солнца, двѣ мили отдѣляли эти два судна.

Но ночь скоро появляется на этой широтѣ. Сумерки здѣсь весьма непродолжительны. Корветъ еще долженъ былъ увеличить свою скорость, чтобы нагнать бригъ до наступленія ночи.

Въ это время онъ проходилъ между островками Казо-Пуло и островомъ Казосъ. Затѣмъ, повернувъ на этотъ послѣдній, онъ пропалъ изъ виду, въ глубинѣ узкаго прохода, отдѣляющаго его отъ Скарпанто.

Четверть часа спустя, корветъ появился на этомъ же мѣстѣ, плывя вдоль берега, чтобы держаться къ вѣтру. Было еще довольно свѣтло, чтобы можно было различить судно подобной величины на разстояніи нѣскольких миль.

Бригъ исчезъ совершенно.

ГЛАВА XII.

Аукціонъ въ Скарпанто.

Если Критъ, по древнимъ сказаніямъ, назывался нѣкогда колыбелью боговъ, то древній Карпаѳъ, современный Скарпанто, считался колыбелью титановъ, самыхъ отважныхъ соперниковъ небесныхъ обитателей. Не желая задѣвать простыхъ смертныхъ, можно замѣтить, что современные пираты являются достойными потомками тѣхъ миѳологическихъ злодѣевъ, которые не побоялись даже штурмовать Олимпъ. Кромѣ того, въ эту эпоху, повидимому, пираты всякаго сорта устроили себѣ главную квартиру на томъ островѣ, на которомъ родились четыре сына Япета и внукъ Титана и Земли.

Островъ Скарпанто, на самомъ дѣлѣ, какъ нельзя лучше, могъ служить для того рода дѣйствій, которыхъ требовала дѣятельность архипелагскаго пирата. Расположенный почти изолированно на юго-восточномъ концѣ этихъ морей, онъ находится болѣе чѣмъ на сорокъ миль отъ острова Родоса, и уже издали виднѣются его вершины. На протяженіи двадцати лье онъ весь изрѣзанъ, изрытъ и отличается избыткомъ подводныхъ камней. Давъ имя тому морю, которое его омываетъ, онъ доказываетъ, что уже въ древнія времена онъ пользовался не лучшей славой, чѣмъ въ нынѣшнія; плавать вблизи него и теперь еще чрезвычайно опасно. Между тѣмъ, нѣтъ недостатка въ хорошихъ гаваняхъ на этомъ островѣ, образующемъ послѣднее звено въ длинной цѣпи Спорадъ; начиная съ мыса Сидро и мыса Перниза до мысовъ Бонандреа и Андемо съ его сѣверной стороны, можно встрѣтить много убѣжищъ. Четыре гавани: Агата, Порто-ди-Тристано, Порто-Грато и Порто-Мало-Ното были нѣкогда весьма часто посѣщаемы левантскими моряками, прежде чѣмъ Родосъ отнялъ у нихъ ихъ значеніе въ торговыхъ дѣлахъ. Теперь, напротивъ, весьма рѣдко случается, чтобы какія-нибудь суда встали на якорь въ этихъ гаваняхъ.

Скарпанто—островъ греческій, или, по крайней мѣрѣ, населенъ греками, но принадлежитъ къ турецкой имперіи. Послѣ окончательнаго признанія греческаго королевства, онъ долженъ былъ остаться турецкимъ даже подъ управленіемъ простого кади, который жилъ тогда въ домѣ, находившемся надъ современнымъ пригородомъ Аркасса.

Въ эту эпоху на этомъ островѣ можно было встрѣтить много турокъ, къ которымъ, однако, населеніе, не принимавшее участія въ войнѣ за независимость, относилось далеко не непріязнено. Сдѣлавшись даже центромъ коммерческихъ операцій самаго преступнаго свойства, Скарпанто встрѣчалъ съ одинаковымъ радушіемъ и турецкіе корабли и суда пиратовъ, которые перевозили сюда транспорты плѣнниковъ. Здѣсь же малоазіатскіе маклеры группировались вокругъ одного базара, на которомъ и происходила эта человѣческая торговля. Здѣсь открывался аукціонъ, здѣсь устанавливались цѣны, согласно требованіямъ на этотъ товаръ. И нужно признаться, что кади принималъ весьма ревностное участіе въ этихъ операціяхъ, которыми онъ лично заправлялъ, такъ какъ маклеры сочли бы неисполненіемъ своего долга, если бы они не уступали ему извѣстный процентъ въ торговлѣ. Что касается до перевозки этихъ несчастныхъ на базары Смирны или Африки, то она производилась на корабляхъ, которые частью приходили за транспортомъ къ порту Аркасса, находящемуся на восточной части острова. Если же ощущался недостатокъ, то посылался нарочный на противуположную сторону, и пираты никогда не отказывались отъ этой презрѣнной торговли.

Въ это время на востокѣ Скарпанто, въ глубинѣ почти незримыхъ бухтъ, насчитывалось не менѣе двадцати судовъ, маленькаго и большого размѣра, съ экипажемъ въ 1200 или 1300 человѣкъ, которыя только и ждали прибытія своего начальника, чтобы снова пуститься въ какую-нибудь новую и преступную экспедицію.

2 сентября „Сифанта“ встала на якорѣ въ гавани Аркассы, въ кабельтовѣ отъ стѣны. Генрихъ д'Альбарэ, вступивъ ногой на островъ, совсѣмъ не подозрѣвалъ, что случай привелъ его какъ разъ къ главному мѣсту торговли людьми.

— Разсчитываете вы остаться нѣкоторое время въ Аркассѣ?—спросилъ командира капитанъ Тодросъ по окончаніи приготовленій къ якорной стоянкѣ.

— Я не знаю,— отвѣчалъ Генрихъ д'Альбарэ.—Одни обстоятельства могутъ меня заставить вскорѣ покинуть гавань, а другія могутъ заставить остаться.

— Люди должны сойти на землю?

— Да; но только, если выстрѣлы ихъ заставятъ. Половина экипажа должна всегда оставаться на „Сифантѣ“.

— Хорошо, — отвѣтилъ капитанъ Тодросъ.—Мы здѣсь скорѣе въ турецкой, чѣмъ въ греческой землѣ, и наблюдать погоду ни болѣе ни менѣе какъ разумно!

Какъ извѣстно, Генрихъ д'Альбарэ ничего не сказалъ ни шкиперу ни своимъ офицерамъ о причинахъ, побудившихъ его притти въ Скарпанто, и о томъ свиданіи, которое ему было назначено въ первыхъ числахъ сентября письмомъ, дошедшимъ до него при совершенно непонятныхъ условіяхъ. Кромѣ того, онъ надѣялся получить какое-нибудь

сообщенiе о томъ, чего ожидалъ его таинственный корресподентъ отъ корвета въ водахъ Карпатскаго моря.

Но всего удивительнѣе было внезапное исчезновенiе брига на той сторонѣ Казосскаго канала, въ то время, когда Сифанта надѣялась его уже нагнать. Прежде чѣмъ притти въ гавань Аркассы, Генрихъ д'Альбарэ счелъ нужнымъ отказаться отъ преслѣдованiя.

Приблизившись къ сушѣ, онъ рѣшился обыскать всѣ расщелины острова, но въ этихъ разсѣянныхъ рифахъ, его защищающихъ, подъ защитой высокихъ утесовъ, его пронизывающихъ, такое судно, какъ бригъ, весьма легко могло скрыться. За тѣмъ барьеромъ буруновъ, около которыхъ „Сифанта" не могла пройти, не рискуя сѣсть на мель, капитанъ, знающiй эти воды, могъ весьма хорошо выслѣдить тѣхъ, кто его преслѣдовалъ.

Итакъ, если бригъ укрылся въ какой-нибудь скрытой бухтѣ, то было весьма трудно его найти, какъ и другiя суда пиратовъ, спрятавшихся въ незнакомыхъ бухточкахъ острова.

Розыски корвета продолжались два дня и были тщетны.

Бригъ, вѣроятно сразу, пустился въ открытое море, по ту сторону Казоса, чтобы не быть увидѣннымъ. Отказавшись отъ надежды снова съ нимъ встрѣтиться, Генрихъ д'Альбарэ рѣшился направиться въ гавань Аркассы, гдѣ ему оставалось только ждать.

На другой день, между тремя и пятью часами, маленькiй городъ Аркассы былъ переполненъ множествомъ населенiя острова, не говоря объ иностранцахъ, европейцахъ и азiатахъ.

Это былъ базарный день. Несчастныя существа, всѣхъ возрастовъ и состоянiй, недавно плѣненныя турками, должны были быть здѣсь выставлены для торговли.

Въ эту эпоху въ Аркассѣ находился особый базаръ, предназначенный для этого рода торговли — „бадистанъ", такой, какiе встрѣчаются въ нѣкоторыхъ городахъ варварiйскихъ странъ. Въ этомъ бадистанѣ находилась тогда сотни плѣнниковъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей — добыча послѣднихъ нападенiй въ Пелопоннесѣ.

Размѣщенные какъ попало среди двора, находившагося подъ знойнымъ солнцемъ, одѣтые въ лохмотья и съ грустнымъ и разочарованнымъ выраженiемъ лица, эти плѣнники являли собой образецъ крайняго страданiя. Почти ничего не имѣя, чтобы поѣсть, и утоляя свою жажду мутною водой, они соединились семействами до того времени, когда капризъ покупателя разъединитъ ихъ окончательно, оторвавъ жену отъ мужа и дѣтей отъ ихъ родителей. Они пробудили бы жалость въ сердцахъ всѣхъ другихъ людей, но только не въ сердцахъ свирѣпыхъ „баши", ихъ надсмотрщиковъ, которыхъ ничто болѣе не могло тронуть, ничто не могло заставить содрогнуться. Но всѣ эти страданiя — что они были въ сравненiи съ тѣми, которыя ихъ ожидали въ шестнадцати острогахъ Алжира, Туниса и Триполи, гдѣ смерть безостановочно похищала несчастныхъ и заставляла безпрерывно замѣщать ихъ другими?

Между тѣмъ, надежда на достиженiе свободы была не совсѣмъ несбыточной, ибо если покупатели, покупая плѣнниковъ, наживали хо-

рошія деньги, то они не менѣе наживали, выпустивъ ихъ на свободу за очень высокую цѣну, особенно если цѣнность этихъ несчастныхъ основывалась на какомъ-нибудь выдающемся общественномъ положеніи ихъ на родинѣ. Много плѣнниковъ были, такимъ образомъ, вырваны изъ когтей рабства, или посредствомъ общественнаго выкупа, если это

— Идемъ! — сказалъ Старко. (Стр. 120.)

совершалось самимъ государствомъ передъ отвозомъ на базары, или посредствомъ сношеній покупателей съ семействами, или благодаря монахамъ, обогатившимся подаяніями и выкупавшимъ этихъ несчастныхъ даже на базарахъ Варваріи. Часто также и частныя лица, влекомыя чувствомъ человѣколюбія, жертвовали часть своего состоянія на это благородное дѣло. Въ это послѣднее время весьма почтенныя суммы, происхожденіе которыхъ было неизвѣстно, были употреблены для вы-

купа преимущественно рабовъ-грековъ, которыхъ случайности войны кинули въ лапы торговцевъ Африки и Малой Азіи.

Въ Аркассѣ торгъ происходилъ публично. Всѣ, иностранцы и туземцы, могли принимать въ немъ участіе; но въ этотъ день, вслѣдствіе того, что торговля касалась только остроговъ Варваріи, на рынкѣ была только одна часть плѣнниковъ. Смотря по тому, на долю какого маклера выпала бы эта часть рабовъ, она направилась бы въ Алжиръ, Тунисъ или Триполи.

Кромѣ того, были всегда двѣ категоріи плѣнниковъ: одни исходили изъ Пелопоннеса — эти составляли большинство; другіе были только что взяты съ какого-нибудь греческаго судна, которое ихъ везло изъ Туниса въ Скарпанто, откуда они должны были быть возвращены въ ихъ родную страну.

Для этихъ несчастныхъ людей, предназначенныхъ для стольких страданій, это былъ послѣдній аукціонъ, рѣшавшій ихъ участь. Пушечный выстрѣлъ съ цидатели Аркассы, возвѣщая о закрытіи гавани, вмѣстѣ съ тѣмъ останавливалъ надбавки, дѣлаемыя покупателями.

Итакъ, 3-го сентября всѣ маклеры собрались вокругъ бадистана. Ихъ примѣру послѣдовали и многочисленные агенты, прибывшіе изъ Смирны и изъ другихъ сосѣднихъ мѣстечекъ Малой Азіи, которые, какъ это уже было сказано, агитировали въ пользу варварійскихъ странъ. Поспѣшность, съ которой все это происходило, весьма понятна. Послѣднія событія заставляли предчувствовать близкій конецъ войны за независимость. Ибрагимъ былъ прогнанъ въ Пелопоннесъ, между тѣмъ, какъ маршалъ Мезонъ высадился въ Мореѣ съ двумя тысячами французовъ. Вывозъ плѣнниковъ, такимъ образомъ, долженъ былъ весьма замѣтно уменьшиться въ будущемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна была увеличиться ихъ стоимость, къ крайнему удовольствію кади.

Въ продолженіе утра маклеры посѣтили бадистанъ и они знали, чего держаться по отношенію къ количеству или качеству плѣнниковъ, часть которыхъ, несомнѣнно, достигнетъ большой цѣны.

— Клянусь Магометомъ! — повторялъ агентъ изъ Смирны, ораторствовавшій среди группы своихъ собратьевъ, — время хорошей торговли прошло! Помните ли вы то время, когда корабли привозили намъ сюда плѣнниковъ тысячами, а не сотнями?

— Да!.. какъ это было послѣ хіосской рѣзни! — отвѣчалъ другой маклеръ. — Сразу болѣе чѣмъ сорокъ тысячъ рабовъ! На корабляхъ не было мѣстъ ихъ разсадить!

— Правда, — возразилъ третій агентъ, который, повидимому, зналъ толкъ въ торговлѣ. — Но чѣмъ больше плѣнниковъ, тѣмъ больше товару; а чѣмъ больше товару, тѣмъ ниже цѣна! Лучше отдавать меньше, при болѣе выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ предварительный вычетъ останется тотъ же, несмотря на то, что расходы дѣлаются значительнѣе!

— Да!.. преимущественно въ Варваріи!.. Двѣнадцать процентовъ отъ продажи поступаютъ въ пользу паши, кади или губернатора!

— Не считая одного процента для содержанія муллы и береговыхъ батарей!

— И еще одинъ процентъ, который изъ нашего кармана идетъ въ пользу марабутовъ *).

*) Марабутъ — магометанскій священникъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это разорительно какъ для корсаровъ, такъ и для маклеровъ!

Такіе разговоры происходили между этими агентами, которые даже не понимали гнусности своей торговли и подымали все однѣ и тѣ же жалобы на одни и тѣ же вопросы справедливости! И они, безъ сомнѣнія, продолжали бы разсыпаться въ укорахъ, если бы колоколъ не положилъ этому конецъ, возвѣщая объ открытіи базара. Само собой разумѣется, что кади предсѣдательствовалъ въ этой торговлѣ, такъ какъ къ этому его побуждалъ не только долгъ представителя турецкаго губернатора, но и личный интересъ. Онъ сидѣлъ на эстрадѣ, находившейся подъ шатромъ, на которомъ развѣвался турецкій флагъ, полуразвалившись на широкихъ подушкахъ съ чисто турецкой небрежностью.

Около него расположился возглашатель, приготовясь приступить къ дѣлу. Но не нужно думать, что этотъ возглашатель, исполняя свою обязанность, имѣлъ бы возможность надсадить себѣ грудь. Нѣтъ! въ этихъ дѣлахъ маклеры употребляли нѣкоторое время на то, чтобы надбавлять. Если бы и имѣла мѣсто какая-нибудь горячая борьба, то только въ продолженіе послѣдней четверти часа торга.

Аукціонъ открылся цѣною въ тысячу турецкихъ лиръ, назначенной однимъ изъ маклеровъ Смирны.

„Тысячу турецкихъ лиръ!“ — повторилъ возглашатель. Затѣмъ онъ закрылъ глаза, какъ будто бы онъ имѣлъ свободное время подремать, въ ожиданіи надбавки.

Въ продолженіе перваго часа надбавки не простирались болѣе, чѣмъ до 2 тысячъ турецкихъ лиръ, около сорока-семи тысячъ франковъ. Маклеры глядѣли другъ на друга, наблюдали и разговаривали совсѣмъ о другихъ вещахъ. Они начинали всегда торговаться въ продолженіе послѣднихъ минутъ, которыя предшествовали пушечному выстрѣлу съ цитадели.

Но прибытіе новаго конкурента могло совершенно перемѣнить эти намѣренія и дать совсѣмъ новое направленіе аукціону.

Около четырехъ часовъ на базарѣ Аркассы появились два человѣка. Откуда они пришли? Безъ сомнѣнія, съ восточной стороны острова, судя по направленію арбы, изъ которой они вышли у самой двери бадистана.

Ихъ появленіе причинило большое волненіе неожиданности и безпокойства. Очевидно, маклеры не ожидали увидѣть лицо, съ которымъ пришлось бы тягаться.

— Клянусь Аллахомъ! — воскликнулъ одинъ изъ нихъ. — Это Николай Старко.

— И его проклятый Скопело! — отвѣчалъ другой. — А мы ихъ считали уже у дьявола!

Это были два человѣка, очень извѣстные на базарѣ Аркассы. Болѣе чѣмъ одинъ разъ уже они покупали здѣсь громадные транспорты плѣнниковъ за счетъ африканскихъ откупщиковъ. Въ деньгахъ у нихъ недостатка не было; хотя и не знали источника ихъ богатства, но до этого никому не было дѣла; а кади долженъ былъ очень радоваться, увидавъ новоприбывшихъ важныхъ конкурентовъ.

Для Скопело довольно было одного взгляда, чтобы узнать достоинство этихъ плѣнниковъ; затѣмъ онъ шепнулъ нѣсколько словъ на ухо Николаю Старко, который отвѣчалъ простымъ наклоненіемъ головы.

Но несмотря на свою наблюдательность, шкиперъ „Каристы" не замѣтилъ движенія ужаса у одной изъ плѣнницъ, при видѣ Николая Старко. Это была пожилая женщина, высокаго роста. Сидя въ углу бадистана, она приподнялась, какъ будто какая-то непреодолимая сила заставила ее это сдѣлать. Она даже сдѣлала одинъ или два шага, и несомнѣнно вскрикнула бы, если бы не ея энергія, заставившая ее сдержаться. Затѣмъ, тихо отступая, окутанная съ головы до ногъ простымъ плащомъ, она сѣла за группой плѣнниковъ, стараясь скрыться. Ей не довольно было спрятать свое лицо, она хотѣла скрыть всю свою фигуру отъ взглядовъ Николая Старко.

Между тѣмъ, маклеры продолжали глядѣть на капитана „Каристы", не начиная, однакоже, съ нимъ говорить. Онъ же, въ свою очередь, не обращалъ, повидимому, на нихъ вниманія. Они опасались того, чтобы онъ не сталъ оспаривать у нихъ плѣнниковъ, имѣя отношенія съ пашами и беями варварійскихъ странъ.

Снова раздался возгласъ оцѣнщика:

— Двѣ тысячи лиръ!

— Двѣ тысячи пятьсотъ, — сказалъ Скопело, назначая въ этихъ дѣлахъ цѣны отъ имени своего капитана.

— Двѣ тысячи пятьсотъ лиръ! — возвѣстилъ оцѣнщикъ.

И снова начались частные разговоры въ различныхъ группахъ, смотрѣвшихъ другъ на друга не безъ довѣрія.

Прошло четверть часа. Не было сдѣлано ни одной надбавки послѣ Скопело. Николай Старко безучастно и надменно прогуливался кругомъ бадистана.

Между тѣмъ, маклеръ изъ Смирны, посовѣтовавшись предварительно со своими коллегами, произнесъ новую цѣну въ двѣ тысячи семьсотъ лиръ.

— Двѣ тысячи семьсотъ лиръ! — повторилъ возглашатель.

— Три тысячи!

Это былъ Николай Старко, надбавившій на этотъ разъ цѣну.

Что такое случилось? Почему онъ лично принялъ участіе въ торгѣ? Почему его голосъ, отличавшійся до сихъ поръ твердой холодностью, выдавалъ теперь такое сильное волненіе, удивившее даже Скопело? Это мы сейчасъ узнаемъ.

Съ нѣсколько минутъ Николай Старко прогуливался уже среди группъ плѣнниковъ. Старая женщина, увидавъ, что онъ приближается, еще сильнѣе завернулась въ свой плащъ, и онъ не могъ ея видѣть.

Но внезапно его вниманіе привлекли два плѣнника, образовавшіе группу совсѣмъ въ сторонѣ. Онъ остановился какъ будто пригвожденный къ землѣ и смотрѣлъ на мужчину высокаго роста, около котораго на землѣ сидѣла утомленная молодая дѣвушка.

Замѣтивъ Николая Старко, мужчина рѣзко выпрямился, въ то же время дѣвушка открыла глаза, но какъ только она увидала капитана „Каристы", она откинулась назадъ.

— Хаджина! — вскричалъ Николай Старко.

Это была Хаджина Элизундо, которую Ксарисъ охватилъ своими руками, какъ бы желая ее защищать.

— Она! — повторилъ Николай Старко.

Хаджина освободились изъ объятій Ксариса и глядѣла прямо въ лицо прежнему кліэнту своего отца.

Освобожденные были размѣщены въ корветѣ. (Стр. 120.)

Въ это самое время Николай Старко, не задаваясь даже вопросомъ, какъ эта наслѣдница банкира Элизундо могла попасть на этотъ базаръ, дрогнувшимъ голосомъ произнесъ: три тысячи лиръ.

— Три тысячи лиръ! — повторилъ возглашатель.

Было немного болѣе чѣмъ половина пятаго. Еще двадцать - пять минутъ, раздастся выстрѣлъ, и торгъ будетъ конченъ.

Маклеры, посовѣтовавшись вмѣстѣ, уже приготовились покинуть свои мѣста, рѣшившись ничего болѣе не надбавлять. Казалось, что ка-

питанъ „Каристы“ останется побѣдителемъ, и только агентъ Смирны рѣшился еще разъ попробовать поддержать борьбу.

— Три тысячи пятьсотъ лиръ! — вскричалъ онъ.

— Четыре тысячи! — тотчасъ же отвѣчалъ Николай Старко.

Скопело, который не замѣтилъ Хаджины, никакъ не могъ понять этой горячности своего капитана. По его мнѣнію, стоимость товара была меньше, чѣмъ четыре тысячи лиръ.

Между тѣмъ, долго длилось молчаніе послѣ послѣднихъ словъ возглашателя. Маклеръ изъ Смирны, по знаку своихъ коллегъ, также уже покинулъ свое мѣсто. Что Николай Старко побѣдитъ, не подлежало уже сомнѣнію. Ксарисъ это понялъ. Онъ крѣпко обнялъ молодую дѣвушку и рѣшился отстаивать ее до самой своей смерти.

Въ эту минуту, среди глубокаго молчанія, послышался дрожащій голосъ, и слѣдующія три слова отчетливо раздались въ тишинѣ:

— Пять тысячъ лиръ!

Николай Старко обернулся.

Группа моряковъ съ офицеромъ во главѣ появилась у входа въ бадистанъ.

— Генрихъ д'Альбарэ! — вскричалъ Николай Старко. — Генрихъ д'Альбарэ!... Здѣсь... въ Скарпанто!

Совершенно случайно командиръ „Сифанты“ попалъ на базаръ. Онъ даже не зналъ, что въ этотъ день, т. е. двадцать-четыре часа послѣ его прибытія въ Скарпанто, состоится продажа рабовъ въ столицѣ острова. Съ другой стороны, не замѣтивъ саколэва, онъ долженъ былъ быть крайне удивленъ, увидавъ Николая Старко въ Аркассѣ. Съ своей стороны, и Николай Старко не зналъ, что корветомъ командовалъ Генрихъ д'Альбарэ, хотя и было ему извѣстно, что корветъ сталъ на якорѣ въ Аркассѣ. Остается только судить только о тѣхъ чувствахъ, которыя волновали этихъ двухъ враговъ, такъ неожиданно столкнувшихся и встрѣтившихся на базарѣ.

Если Генрихъ д'Альбарэ такъ неожиданно сдѣлалъ надбавку, то только потому, что среди плѣнниковъ бадистана онъ замѣтилъ Хаджину и Ксариса — Хаджину, которая должна была достаться Николаю Старко! Но Хаджина его услышала, она его увидѣла, и бросилась бы къ нему, если бы ей не помѣшали надсмотрщики. Однимъ жестомъ Генрихъ д'Альбарэ ободрилъ и успокоилъ молодую дѣвушку. Какъ ни велико было его негодованіе, когда онъ замѣтилъ своего ненавистнаго соперника, но онъ сдержалъ себя. Да! если бы это стоило всего его состоянія, если бы это было нужно, — онъ вырвалъ бы у Николая Старко плѣнниковъ, находившихся на базарѣ Аркассы, и между ними ту, которую онъ такъ искалъ, которую онъ не надѣялся больше встрѣтить.

Во всякомъ случаѣ, борьба обѣщала быть горячей. Въ самомъ дѣлѣ, Николай Старко никакъ не могъ понять, какъ Хаджина Элизундо вдругъ очутилась между этими плѣнниками, такъ для него она все еще была богатой наслѣдницей корфіотскаго банкира. Ея милліоны не могли исчезнуть вмѣстѣ съ ней, а вслѣдствіе этого онъ ничѣмъ не рисковалъ, надбавляя. И Николай Старко рѣшился надбавлять съ большой страстностью, такъ какъ нужно было бороться противъ соперника, и соперника, котораго предпочитали!

— Шесть тысячъ лиръ! — вскричалъ онъ.

— Семь тысячъ! — отвѣчалъ командиръ „Сифанты", не оборачиваясь даже къ Николаю Старко.

Кади могъ только радоваться этому обороту дѣлъ. Въ присутствіи этихъ двухъ конкурентовъ онъ не старался даже скрыть своего удовольствія, проглядывавшаго сквозь его турецкую степенность. Но если этотъ корыстолюбивый судья уже высчитывалъ свой доходъ въ этомъ аукціонѣ, то Скопело не могъ уже болѣе владѣть собой. Онъ узналъ Генриха д'Альбарэ и затѣмъ Хаджину Элизундо. Если Николай Старко изъ ненависти продолжалъ упорствовать, то дѣло, которое дало бы хорошіе результаты при извѣстныхъ обстоятельствахъ, сдѣлалось бы чрезвычайно невыгоднымъ, если молодая дѣвушка потеряла свое состояніе вмѣстѣ со своею свободой, — что было весьма возможно! Нѣсколько разъ онъ пытался остановить разгорячившагося Старко, но тотъ его такъ встрѣтилъ, что онъ не рѣшился больше его безпокоить. Теперь капитанъ „Каристы" самъ надбавлялъ, и надбавлялъ оскорбительнымъ для его соперника голосомъ.

Маклеры, предчувствуя, что борьба становилась горячей, остались, чтобы слѣдить за ея различными перипетіями. Толпа любопытныхъ давала знать о томъ интересѣ, который представляла для нихъ эта борьба, многочисленными возгласами. Если они всѣ, за малыми исключеніями, знали капитана саколэва, то никто изъ нихъ не зналъ командира „Сифанты". Не знали даже причины появленія корвета, плавающаго подъ корфіотскимъ флагомъ вблизи Скарпанто. Но съ самаго начала войны за независимость, столько кораблей всѣхъ націй употреблялось для транспортовъ рабовъ, что всѣ были склонны думать, что и „Сифанта" служила для этого рода торговли. Итакъ, будутъ ли плѣнники куплены Генрихомъ д'Альбарэ или Николаемъ Старко, для нихъ это всегда будетъ рабствомъ. Во всякомъ случаѣ, черезъ пять минутъ этотъ вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ.

На послѣднюю надбавку Николай Старко отвѣчалъ слѣдующими словами:

— Восемь тысячъ лиръ.

— Девять тысячъ, — произнесъ Генрихъ д'Альбарэ.

Новое молчаніе. Командиръ „Сифанты", въ совершенствѣ владѣвшій собой, взглядомъ слѣдилъ за Николаемъ Старко, который яростно ходилъ взадъ и впередъ, не подпуская къ себѣ Скопело. Никакое соображеніе не могло теперь сдержать страстность надбавокъ.

— Десять тысячъ лиръ! — вскричалъ Николай Старко.

— Одиннадцать тысячъ! — отвѣчалъ Генрихъ д'Альбарэ.

— Двѣнадцать тысячъ! — возразилъ, не ожидая на этотъ разъ предложенія кади, Николай Старко.

Командиръ д'Альбарэ на этотъ разъ замѣшкался отвѣтомъ, не потому, чтобы онъ раздумывалъ или соображалъ, нѣтъ; но онъ замѣтилъ Скопело, приближавшагося къ Николаю Старко, чтобъ его удержать отъ увлеченія, дошедшаго до ярости, что на мгновеніе отвлекло его вниманіе отъ капитана „Каристы".

Въ то же самое время старая плѣнница, которая такъ упорно пряталась до сихъ поръ, вдругъ выпрямилась, какъ бы желая показать свое лицо Николаю Старко.

Въ это мгновеніе на вершинѣ цитадели Аркассы блеснулъ огонь среди клубовъ бѣлаго дыма; но прежде, чѣмъ звукъ выстрѣла достигъ бадистана, раздалась послѣдняя надбавка, произнесенная громкимъ голосомъ:

— Тринадцать тысячъ!

Затѣмъ послышался выстрѣлъ, за которымъ послѣдовали несмолкаемые крики ура!

Николай Старко оттолкнулъ Скопело съ такою силой, что тотъ повалился на землю...

Но теперь уже было поздно!

Николай Старко не имѣлъ больше права надбавить! Хаджина Элизундо отъ него ускользала и, вѣроятно, навсегда!

— Идемъ! — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, обращаясь къ Скопело, и затѣмъ пробормоталъ: — Это будетъ вѣрнѣе и дешевле!

Оба сѣли въ свою арбу и исчезли на поворотѣ той улицы, которая направляется внутрь острова.

Хаджина Элизундо, увлекаемая Ксарисомъ, вышла изъ-за барьера бадистана и находилась уже въ объятіяхъ Генриха д'Альбарэ, который, прижимая ее къ сердцу, говорилъ:

— Хаджина!.. Хаджина!.. Все мое состояніе я бы пожертвовалъ, чтобы васъ выкупить...

— Какъ я пожертвовала мое, чтобы выкупить честь моего отца! — отвѣчала молодая дѣвушка. — Да, Генрихъ... Хаджина Элизундо теперь бѣдна, и теперь она васъ достойна!

ГЛАВА XIII.

На палубѣ „Сифанты".

На другой день, 3-го сентября, „Сифанта", снявшись около десяти часовъ утра съ якоря, придерживалась вѣтра, чтобы выйти изъ фарватера Скарпантской гавани.

Плѣнники, выкупленные Генрихомъ д'Альбарэ, помѣстились одни въ одной части корвета, другіе — въ другой. Хотя на переѣздъ черезъ Архипелагъ и требовалось всего нѣсколько дней, но офицеры и матросы пожелали, чтобы бѣдные освобожденные были обставлены какъ можно лучше. Наканунѣ уже командиръ д'Альбарэ могъ снова выплыть въ море. Въ счетъ тринадцати тысячъ лиръ онъ представилъ гарантіи, которыя совершенно удовлетворили кади, вслѣдствіе чего отъѣздъ плѣнниковъ совершился безъ всякихъ трудностей; и черезъ три дня эти несчастные, осужденные на страданія и мученія варварійскихъ острововъ, высадятся въ одной изъ гаваней сѣверной Греціи, гдѣ имъ нечего будетъ больше опасаться.

Но этимъ освобожденіемъ они обязаны были Генриху д'Альбарэ, и они выразили свою благодарность, сейчасъ же послѣ прибытія на палубу, чрезвычайно трогательнымъ образомъ.

Между ними находился одинъ „папа", старый священникъ изъ Леонарди, который, въ сопровожденіи своихъ собратій по несчастью, направился къ юту, на которомъ находились Хаджина Элизундо и

Генрихъ д'Альбарэ съ нѣсколькими офицерами. Затѣмъ, всѣ встали на колѣни во главѣ со старцемъ, который, простирая руки къ Генриху д'Альбарэ, сказалъ:

— Генрихъ д'Альбарэ, васъ благословляютъ тѣ, которымъ вы возвратили свободу!

— Приготовляйтесь къ битвѣ! — крикнулъ Генрихъ д'Альбарэ. (Стр. 123.

— Друзья, я исполнилъ только свой долгъ! — отвѣчалъ глубоко тронутый командиръ „Сифанты".

— Да!.. васъ благословляютъ всѣ... всѣ... и я тоже, Генрихъ! — прибавила Хаджина, опускаясь предъ нимъ на колѣни.

Генрихъ д'Альбарэ живо ее приподнялъ, и крики: „Да здравствуютъ Генрихъ д'Альбарэ и Хаджина Элизундо!" — раздались со всѣхъ сторонъ, и пятьдесятъ матросовъ поддерживали эти крики сильнымъ и громкимъ ура.

Только одна плѣнница — та, которая наканунѣ пряталась въ бадистанѣ — не принимала участія въ этой манифестаціи. Пересаживаясь на корветъ, она упорно старалась остаться незамѣченной среди плѣнниковъ, и это ей удалось, такъ какъ никто не замѣчалъ ея присутствія на палубѣ, какъ только она забилась въ темный уголъ корвета. Очевидно, она надѣялась высадиться никѣмъ незамѣченной. Но зачѣмъ она принимала эти предосторожности? Можетъ-быть, кто-нибудь изъ офицеровъ и матросовъ былъ съ нею знакомъ? Во всякомъ случаѣ, она должна была имѣть весьма вѣскія причины сохранять свое строгое инкогнито въ продолженіе трехъ или четырехъ дней, нужныхъ для переѣзда черезъ Архипелагъ.

Между тѣмъ, если Генрихъ д'Альбарэ заслуживалъ признательность пассажировъ корвета, то чѣмъ же заслуживала этого и Хаджина Элизундо? „Генрихъ,— сказала она наканунѣ, — Хаджина Элизундо бѣдна, и теперь она васъ достойна!“

Если Генрихъ д'Альбарэ любилъ Хаджину, когда такія важныя событія ихъ оторвали другъ отъ друга, то въ какой степени должна была еще увеличиться эта любовь, когда онъ узналъ, чѣмъ была вся жизнь этой молодой дѣвушки въ продолженіе цѣлаго года разлуки!

Все свое состояніе она пожертвовала на выкупъ плѣнниковъ; она ничего не хотѣла себѣ оставить изъ тѣхъ двадцати милліоновъ, которые ей достались по наслѣдству отъ отца. Свой планъ она повѣрила только Ксарису, который его одобрилъ.

Отправивъ Генриху д'Альбарэ письмо, въ которомъ молодая дѣвушка съ нимъ прощалась, Хаджина, въ сопровожденіи своего преданнаго Ксариса, тотчасъ покинула Корфу, чтобы отправиться въ Пелопоннесъ, для приведенія своего плана въ исполненіе.

Въ это время солдаты Ибрагима еще свирѣпствовали въ центрѣ Мореи, столько уже выстрадавшей въ продолженіе долгаго времени. Несчастныхъ, которыхъ не умерщвляли, усылали въ главныя гавани Мессеніи, Патраса или Наварина, откуда ихъ увозили тысячами или въ Скарпанто или въ Смирну, гдѣ базары для торговли рабами всегда были открыты.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за исчезновеніемъ Хаджины Элизундо и Ксариса, она не останавливалась предъ цѣною, чтобы добиться выкупа нѣсколькихъ сотъ невольниковъ, не успѣвшихъ еще покинуть Мессину. Пріобрѣтя имъ свободу, Хаджина употребляла всѣ средства, чтобы уберечь несчастныхъ отъ дальнѣйшихъ случайностей, размѣщая ихъ по различнымъ островамъ Архипелага, находившимся въ распоряженіи Греціи.

Окончивъ съ этимъ, Хаджина и Ксарисъ отправились въ Малую Азію, въ Смирну, гдѣ продажа невольниковъ производилась въ громадныхъ размѣрахъ. Туда прибывали массами плѣнники изъ Греціи, освобожденія которыхъ Хаджина Элизундо хотѣла достигнуть прежде всего. Ловкіе маклеры этого убійственнаго торга людьми быстро прониклись благородными побужденіями молодой дѣвушки, и потому всякому будетъ понятно, что она сдѣлалась жертвою самой отвратительной эксплоатаціи; но, несмотря на это, Хаджинѣ удалось спасти нѣсколько тысячъ плѣнниковъ отъ остроговъ и каторги африканскихъ беевъ.

Но Хаджина не довольствовалась покупкою и возвращеніемъ свободы тѣмъ плѣнникамъ, которые продавались на площадяхъ съ публичнаго торга, и выкупомъ ихъ изъ каторжныхъ работъ. Необходимо было также вступить въ борьбу съ пиратами, нападавшими на корабли Архипелага, обращавшими плѣнниковъ въ рабовъ и поддерживавшими этотъ гнусный торгъ. Находясь въ Смирнѣ, Хаджина получила свѣдѣнія, что успѣла сдѣлать „Сифанта" послѣ первыхъ мѣсяцевъ своего крейсерства. Хаджинѣ было хорошо извѣстно, что корветъ былъ высланъ на счетъ нѣсколькихъ корфіотскихъ патріотовъ, вооружившихъ его для извѣстной цѣли. Ей также было извѣстно, что первыя похожденія корвета были весьма удачны, но въ то же время „Сифанта" потеряла своего капитана, многихъ офицеровъ и часть команды въ одномъ сраженіи противъ флотиліи пиратовъ, находившейся, какъ говорили, подъ начальствомъ самого Сакратифа.

Получивъ эти свѣдѣнія, Хаджина тотчасъ же вошла въ переговоры съ агентомъ, представлявшимъ интересы группы патріотовъ, выславшихъ „Сифанту". Она имъ предложила такую баснословную цѣну, что они рѣшились на продажу корвета. Покупка была сдѣлана именемъ одного банкира въ Рагузѣ. Сдѣлавъ эту покупку, Хаджина рѣшила поставить „Сифанту" подъ начальство Генриха д'Альбарэ. Въ этихъ видахъ одинъ преданный Хаджинѣ человѣкъ, племянникъ Ксариса, морякъ съ малолѣтства, слѣдилъ за молодымъ офицеромъ еще съ того времени, когда Генрихъ д'Альбарэ тщетно разыскивалъ въ Корфу Хаджину, а также и въ то время, когда Генрихъ д'Альбарэ вернулся къ полковнику Фабвье на Хіосъ.

По приказанію Хаджины, этотъ человѣкъ вступилъ на корветъ матросомъ въ то время, когда онъ пополнялъ свой экипажъ послѣ сраженія при Лемносѣ. Это былъ онъ, который содѣйствовалъ таинственнымъ появленіямъ писемъ, писанныхъ рукою Ксариса, на имя Генриха д'Альбарэ: первое въ Хіосъ, въ которомъ она назначался капитаномъ „Сифанты", и второе, появившееся такъ загадочно на столѣ корвета, въ которомъ ему назначалось явиться въ первыхъ числахъ сентября въ мѣстность Скарпанто.

Здѣсь Хаджина Элизундо разсчитывала быть въ назначенное время по окончаніи своей миссіи. Она хотѣла, чтобы „Сифанта" послужила для сопровожденія послѣдняго транспорта освобожденныхъ плѣнниковъ, пріобрѣтенныхъ на остатки ея состоянія.

Но сколько мученій, страданій и опасностей приходилось перенесть Хаджинѣ въ теченіе этихъ шести мѣсяцевъ, которые ее отдаляли отъ назначеннаго времени!

Въ самый центръ Варваріи, наводненной пиратами, на приморскомъ берегу Африки, гдѣ вплоть до Алжира хозяйничали самые отъявленные разбойники, направилась молодая дѣвушка въ сопровожденіи преданнаго Ксариса. Несмотря на то, что она рисковала на каждомъ шагу своею жизнью и свободою, она презирала всѣ опасности, увеличивавшіяся еще ея молодостью и красотою. Но ничто не могло остановить ея рѣшимости.

Ее видѣли появлявшуюся въ роли ангела милосердія въ Триполи, Алжирѣ, Тунисѣ, до самыхъ конечныхъ границъ проявленія ужасаю-

щаго варварства этихъ странъ. Всюду, гдѣ греческіе плѣнники были проданы, она ихъ выкупала съ громаднымъ барышомъ для владѣтелей. Всюду, гдѣ только можно было освободить несчастныхъ, Хаджина появлялась съ деньгами въ рукахъ.

И вотъ здѣсь-то она могла воочію видѣть всѣ ужасы и страданія, которые перенесли несчастные рабы, въ этой странѣ, гдѣ для страстей и произвола не существуетъ границъ.

Алжиръ еще былъ отданъ на волю ополченія, составленнаго изъ мусульманъ и ренегатовъ — презрѣннѣйшихъ изъ людей континента, воцарившихся на Средиземномъ морѣ, промышлявшихъ исключительно покупкою людей, захваченныхъ пиратами, и перепродажею ихъ христіанамъ. Въ семнадцатомъ столѣтіи Африка насчитывала уже до сорока тысячъ рабовъ, похищенныхъ во Франціи, Италіи, Англіи, Германіи, Бельгіи, Голландіи, Греціи, Венгріи, Россіи, Польшѣ и Испаніи.

Въ Алжирѣ, въ самомъ центрѣ каторжныхъ работъ паши Али-Мами, Кулуги и Сиди-Хассана, въ Тунисѣ и Триполи Хаджина Элизундо разыскивала въ особенности тѣхъ, которыхъ борьба за независимость сдѣлала рабами. До сихъ поръ Хаджина, какъ бы охраняемая талисманомъ, превозмогала всѣ случайности, встрѣчавшіяся на ея дорогѣ. Тысячи преградъ, создавшихся на пути, она превозмогла и выходила изъ нихъ какъ бы чудомъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ на маленькомъ каботажномъ суднѣ она объѣздила самые отвратительные берега, отъ самаго начала Триполи до Марокко, бывшаго до этого даже республикою пиратовъ, съ полнѣйшею организаціею. Въ этихъ мѣстностяхъ несчастные плѣнники содержались въ подвалахъ на 12—15 футовъ подъ землею до вывода на рынокъ.

Окончивъ свое призваніе и не имѣя болѣе ничего изъ оставленныхъ отцовскихъ милліоновъ, Хаджина Элизундо задумала возвратиться съ Ксарисомъ въ Европу. Она сѣла на греческій корабль, на которомъ помѣстились послѣдніе плѣнники, выкупленные Хаджиною, и отправилась въ Скарпанто, гдѣ она разсчитывала встрѣтить Генриха д'Альбарэ; оттуда она рѣшила возвратиться въ Грецію на „Сифантѣ". Но черезъ три дня послѣ того, какъ они покинули Тунисъ, корабль былъ схваченъ турецкимъ кораблемъ, и она, совмѣстно со всѣмъ экипажемъ и только что освобожденными рабами, была препровождена въ Аркассу для продажи въ рабство.

Результатъ дѣла, предпринятаго Хаджиной Элизундо, былъ такой: нѣсколько тысячъ плѣнниковъ были выкуплены на тѣ деньги, которыя были выручены отъ ихъ продажи, и молодая дѣвушка, теперь совершенно разоренная, поправила, насколько это было возможно, все то зло, которое причинилъ ея отецъ. Вотъ что узналъ Генрихъ д'Альбарэ. Да! Хаджина обѣднѣла, и теперь она достойна его, который лишился своего состоянія, чтобы вырвать ее изъ рукъ Николая Старко!

Между тѣмъ, на другой уже день „Сифанта" находилась вблизи Крита и старалась держаться направленія на сѣверо-западъ Архипелага. Желаніемъ командира д'Альбарэ было приблизиться къ восточному берегу Греціи, вблизи острова Эвбеи. Тамъ или въ Негропонтѣ, или въ Эгинѣ, плѣнники могли бы высадиться въ безопасности отъ турокъ, оттѣсненныхъ теперь въ глубь Пелопоннеса. Кромѣ того, въ это время

на греческомъ полуостровѣ не было больше ни одного солдата изъ ибрагимскаго войска.

Всѣ эти несчастные, съ которыми очень хорошо обходились на палубѣ „Сифанты", уже начинали поправляться отъ тѣхъ страшныхъ страданій, которыя они перенесли. Въ продолженіе дня они собирались группами на палубѣ, гдѣ они вдыхали свѣжій вѣтерокъ Архипелага; дѣти, матери, супруги, которымъ грозила вѣчная разлука, соединялись вмѣстѣ, какъ бы боясь, чтобы ихъ снова не оторвали другъ отъ друга. Они всѣ знали, что сдѣлала Хаджина Элизундо, и, когда она проходила, опершись на руку Генриха д'Альбарэ, со всѣхъ сторонъ ее встрѣчали съ выраженіемъ самой глубокой признательности и благодарности.

Утромъ, 4-го сентября, „Сифанта" потеряла изъ виду вершины Крита; но такъ какъ вѣтеръ сталъ уменьшаться, то она, несмотря на то, что шла на всѣхъ парусахъ, чрезвычайно мало подвинулась впередъ. Въ общемъ двадцать-четыре часа, самое большое сорокъ-восемь, не составляли большого замедленія, которое могло бы озаботить командира. Море было прекрасно, небо превосходно. Корвету былъ предоставленъ свободный ходъ. Это тихое плаваніе было очень удобно для разговоровъ на палубѣ. Нѣсколько офицеровъ и матросовъ стояли только на часахъ, чтобы давать знать о приближеніи къ какой-нибудь землѣ или о появленіи какого-нибудь судна. Хаджина и Генрихъ д'Альбарэ сѣли на кормѣ, на скамейкѣ юта, гдѣ они часто просиживали, разговаривая не о прошедшемъ, но о будущемъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, они теперь уже обладали. Они строили разные планы, не забывая совѣтоваться съ Ксарисомъ, и порѣшили отпраздновать свадьбу сейчасъ же послѣ прибытія въ Грецію. Дѣла Хаджины Элизундо не будутъ больше ни препятствовать ни замедлять. Затѣмъ, послѣ свадьбы, Генрихъ д'Альбарэ передастъ командованіе корветомъ капитану Тодросу и отвезетъ свою молодую жену во Францію, а оттуда уже на родину.

Въ этотъ вечеръ они говорили о подобныхъ же вещахъ.

Легкій вѣтерокъ еле-еле могъ надувать высокіе паруса „Сифанты". Чудный закатъ солнца освѣтилъ горизонтъ, который явилъ собой превосходную картину. Золотистые переливы перешли еще черезъ периметръ, который слегка отуманивался на западѣ, а на противоположной сторонѣ появлялись первые лучи восходящаго солнца. Море трепетало подъ фосфоросвѣтлыми блестками этихъ лучей. Ночь обѣщалась быть превосходной. Генрихъ д'Альбарэ и Хаджина всецѣло отдавались прелестямъ этого роскошнаго вечера. Они смотрѣли на струю, которую корветъ оставлялъ за собой. Тишина нарушалась только ударами контръ-бизани. Ни онъ ни она не видали больше ничего, что было вокругъ нихъ; и если они были опять призваны къ дѣйствительности, то только потому, что Генрихъ д'Альбарэ услыхалъ свое имя, произносимое съ нѣкоторой настойчивостью.

Ксарисъ стоялъ предъ ними.

— Командиръ!.. — говорилъ Ксарисъ уже въ третій разъ.

— Что вамъ нужно, мой другъ? — отвѣтилъ Генрихъ д'Альбарэ, которому казалось, что Ксарисъ колебался говоритъ.

— Что тебѣ, мой добрый Ксарисъ? — спросила Хаджина

— Я долженъ вамъ кое-что передать, командиръ.

— Что же?

— Вотъ въ чемъ дѣло. Пассажиры корвета... эти добрые люди, которыхъ вы везете на родину... напали на одну мысль и велѣли мнѣ ее вамъ сообшить.

— Ну, я слушаю васъ, Ксарисъ.

— Вотъ, командиръ, они знаютъ, что вы должны жениться на Хаджинѣ...

— Конечно,—отвѣчалъ улыбаясь Генрихъ.—Это ни для кого не можетъ быть тайной!

— Ну, и эти добрые люди были бы очень счастливы быть свидѣтелями вашей свадьбы!

— И они будутъ, Ксарисъ, они будутъ, и никогда ни одна невѣста не будетъ имѣть подобнаго кортежа. Если бы можно было соединить вокругъ нея всѣхъ тѣхъ, которымъ она даровала свободу!

— Генрихъ!..—проговорила молодая дѣвушка, желая его прервать.

— Командиръ правъ,—отвѣчалъ Ксарисъ.—Во всякомъ случаѣ, пассажиры корвета будутъ тамъ, и...

— Послѣ нашего прибытія въ Грецію,—сказалъ Генрихъ д'Альбарэ,—я ихъ всѣхъ приглашу на нашу свадьбу!

— Хорошо,—отвѣчалъ Ксарисъ.—Но напавъ на одну мысль, эти добрые люди напали и на другую!

— Такую же хорошую?

— Лучшую. Они хотятъ васъ просить, чтобъ ваше бракосочетаніе совершилось на палубѣ „Сифанты“! Развѣ этотъ славный корветъ, который ихъ перевозитъ на родину, не можетъ считаться клочкомъ ихъ земли?

— Пусть будетъ такъ, Ксарисъ,—отвѣчалъ Генрихъ д'Альбарэ.—Вы съ этимъ согласны, дорогая Хаджина?

Хаджина только протянула руку молодому офицеру.

— Хорошо отвѣчено,—сказалъ Ксарисъ.

— Вы можете объявить пассажирамъ „Сифанты“,—прибавилъ Генрихъ д'Альбарэ,—что все будетъ устроено такъ, какъ они этого желаютъ.

— Хорошо, командиръ. Но...—прибавилъ Ксарисъ, колеблясь немного,—это еще не все!

— Говори же, Ксарисъ,—сказала молодая дѣвушка.

— Вотъ въ чемъ дѣло. Эти славные люди, напавъ на одну мысль, затѣмъ еще на лучшую, напали на третью, которая, по меньшей мѣрѣ, превосходна!

— Правда, еще на третью!—отвѣчалъ Генрихъ д'Альбарэ.—И въ чемъ состоитъ она?

— Въ томъ, чтобы свадьба состоялась не только на палубѣ корвета, но и въ открытомъ морѣ... Завтра! Между ними находится одинъ старый священникъ...

Внезапно Ксарисъ былъ прерванъ матросомъ, который наблюдалъ за всѣмъ, что происходило на морѣ.

— Корабли въ виду!

Генрихъ д'Альбарэ тотчасъ же всталъ и присоединился къ капитану Тодросу, который уже смотрѣлъ по указанному направленію.

ГЛАВА XIV.

Сакратифъ.

Флотилія, состоящая изъ двѣнадцати судовъ различной вмѣстимости, показалась въ шести верстахъ на востокѣ. Но флотилія, подгоняемая легкимъ свѣжимъ вѣтромъ по направленію къ корвету, должна была неминуемо настигнуть „Сифанту", которая стояла неподвижно среди моря. Генрихъ д'Альбарэ взялъ телескопъ и наблюдалъ за ходомъ флотиліи.

— Капитанъ Тодросъ, — сказалъ онъ, обратившись къ послѣднему,— эта флотилія находится отъ насъ еще на далекомъ разстояніи, чтобы можно было опредѣлить ея намѣренія или ея силы.

— Дѣйствительно, командиръ, — отвѣтилъ шкиперъ,—и эта безлунная ночь своею темнотой лишитъ насъ возможности что-либо опредѣлить и заставитъ насъ подождать до завтрашняго дня.

— Да, придется, — сказалъ Генрихъ д'Альбарэ.—Но такъ какъ эти мѣстности не безопасны, то отдайте приказаніе внимательно сторожить и принять всѣ необходимыя предосторожности, на случай приближенія флотиліи къ „Сифантѣ".

Капитанъ Тодросъ принялъ всѣ соотвѣтствующія мѣры, которыя тотчасъ же были исполнены. Наблюденія, веденныя на кораблѣ, должны были безсмѣнно продлиться всю ночь до утра. Само собой разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ предполагавшаяся свадьба была отложена. Хаджина, по просьбѣ Генриха д'Альбарэ, должна была удалиться въ каюту. Въ продолженіе всей этой ночи на палубѣ почти совсѣмъ не спали, такъ какъ присутствіе флотиліи не могло не безпокоить пассажировъ и экипажъ корвета. За ней наблюдали насколько это было возможно, но около девяти часовъ густой туманъ скрылъ ее совершенно отъ глазъ наблюдателей. На другой день туманъ еще застилалъ горизонтъ на востокѣ и при полнѣйшемъ отсутствіи вѣтра разсѣялся только около десяти часовъ утра. Между тѣмъ, ничего подозрительнаго нельзя было замѣтить сквозь этотъ туманъ; но когда онъ разсѣялся, вся флотилія показалась на разстояніи четырехъ верстъ. Она приблизилась, слѣдовательно, на двѣ версты къ „Сифантѣ" и, по всей вѣроятности, придвинулась бы еще ближе, если бы ей не помѣшалъ въ этомъ густой морской туманъ. Двѣнадцать судовъ плыли вмѣстѣ, управляемыя длинными веслами; но корветъ, которому, по причинѣ его громадности, они ничего не могли причинить, оставался попрежнему неподвижно. Итакъ, онъ долженъ былъ ждать, лишенный возможности сдѣлать хотя бы одно движеніе. И все-таки, нельзя было ошибаться насчетъ намѣреній этой флотиліи.

— Вотъ собраніе особенно подозрительныхъ судовъ! — сказалъ капитанъ Тодросъ.

— Тѣмъ болѣе подозрительныхъ, — отвѣчалъ Генрихъ д'Альбарэ, — что я узнаю между ними тотъ бригъ, который мы безполезно преслѣдовали въ водахъ Крита!

Командиръ „Сифанты“ не ошибался. Бригъ, который такъ странно исчезъ на той сторонѣ Скарпанто, находился впереди всѣхъ судовъ, отъ которыхъ онъ старался не отдѣляться. Между тѣмъ, на востокѣ подулъ легкій вѣтерокъ, который благопріятствовалъ еще ходу флотиліи; но вдругъ Генрихъ д'Альбарэ кинулъ свой телескопъ и крикнулъ:

— Приготовляйтесь къ битвѣ!

Онъ увидалъ длинную струю бѣлаго дыма, расплывавшуюся впереди брига, въ то время, какъ на его носу появился флагъ, прежде чѣмъ звукъ выстрѣла достигъ до корвета.

Этотъ флагъ былъ чернаго цвѣта, и красное *C* выдѣлялось на его флагдукѣ.

Это былъ флагъ пирата Сакратифа.

Эта флотилія, составленная изъ двѣнадцати судовъ, наканунѣ вышла изъ вертеповъ Скарпанто. Нападая на корветъ спереди или съ тыла, она собиралась, вѣроятно, дать сраженіе корвету при весьма невыгодныхъ для него условіяхъ. Но это сраженіе нужно было принять; кромѣ того, если бы и была возможность избѣгнуть борьбы, то Генрихъ д'Альбарэ, все-таки, отказался бы отъ этого, такъ какъ бѣгство „Сифанты“ отъ пиратовъ Архипелага неминуемо должно было быть связано съ безчестіемъ.

Между этими 12 судами находились четыре брига, вооруженные шестнадцатью пушками. Другія восемь судовъ, вооруженныя легкою артиллеріей, состояли изъ большого левантинскаго судна, изъ шнявъ,изъ фелукъ*) и сильно вооруженныхъ саколэвовъ. По мнѣнію офицеровъ корвета, имъ приходилось своими двадцатью-двумя пушками и шестью каронадами отвѣчать на двѣсти-пятьдесятъ непріятельскихъ пушекъ. Двѣсти-пятьдесятъ матросовъ ихъ экипажа должны были сражаться противъ семи или шестисотъ пиратовъ. Борьба, во всякомъ случаѣ, неравная. Между тѣмъ, превосходство артиллеріи „Сифанты“ могло ей обезпечить нѣкоторый успѣхъ; но только въ томъ случаѣ, если она не допустила бы слишкомъ сильнаго приближенія флотиліи. Итакъ, нужно было ее держать на извѣстномъ разстояніи, отдѣляя мало-по-малу непріятельскія суда другъ отъ друга вѣрными и сильными выстрѣлами. Однимъ словомъ, нужно было сдѣлать все, чтобы избѣгнуть тѣснаго сближенія, то-есть рукопашной схватки. Въ послѣднемъ случаѣ численность взяла бы верхъ, такъ какъ на морѣ это еще важнѣе, чѣмъ на сушѣ, и при невозможности отступленія оставалось одно: взорвать корабль на воздухъ или сдаться.

Спустя часъ послѣ того, какъ туманъ разсѣялся, флотилія весьма замѣтно приблизилась къ корвету, который оставался неподвиженъ, какъ будто онъ стоялъ на якорѣ среди какого-нибудь рейда. Между тѣмъ, Генрихъ д'Альбарэ не переставалъ наблюдать за направленіемъ и дѣйствіями пиратовъ.

Приготовленія къ бою были сдѣланы чрезвычайно скоро, всѣ офицеры и матросы были на своихъ мѣстахъ. Тѣ изъ пассажировъ, которые отличались силой и здоровьемъ, испросили себѣ позволеніе участвовать въ битвѣ, и получили оружіе. Мертвая тишина царствовала въ батареѣ

---

*) Гребное или парусное судно.

и на палубѣ. Она была прервана только нѣсколькими словами, которыми обмѣнялись командиръ и капитанъ Тодросъ.

— Какъ стрѣлять: чтобы открылась течь, или сломались мачты?— спросилъ шкиперъ.

Чтобъ открылась течь, — отвѣчалъ Генрихъ д'Альбарэ.

Защитники должны были отступить. (Стр. 134.)

Это былъ самый лучшій способъ сражаться съ пиратами, которые были такъ страшны въ рукопашной схваткѣ, и особенно этотъ Сакратифъ, который такъ нагло выкинулъ свой черный флагъ, разсчитывая, вѣроятно, на то, что ни одинъ человѣкъ корвета не переживетъ этой битвы, чтобы могъ похвастаться потомъ, что видѣлъ его въ лицо.

Около часа пополудни, флотилія находилась уже на разстояніи одной мили и продолжала приближаться съ помощью своихъ веселъ. „Си-

фанта", на сѣверо-западѣ отъ мыса, не безъ труда удерживалась на своемъ мѣстѣ. Пираты надвигались на нее въ боевой линіи, — два брига посреди и два другихъ на каждомъ концѣ линіи. Они направлялись такъ, какъ будто бы хотѣли обойти корветъ и спереди и сзади, чтобы описать вокругъ него кругъ, который бы мало-по-малу все уменьшался. Они, очевидно, намѣревались разбить его скрещивающимися выстрѣлами и потомъ овладѣть имъ посредствомъ абордажа. Генрихъ д'Альбарэ очень хорошо понялъ этотъ маневръ, который былъ такъ опасенъ для него и которому онъ не могъ помѣшать, потому что былъ осужденъ на неподвижность. Оставалась одна только возможность разбить эту линію пушечными выстрѣлами, прежде чѣмъ его окружатъ со всѣхъ сторонъ. Офицеры уже спрашивали себя, почему ихъ командиръ своимъ спокойнымъ и твердымъ голосомъ не отдавалъ приказанія стрѣлять.

Нѣтъ! Генрихъ д'Альбарэ ждалъ, когда флотилія еще ближе придвинется, чтобы можно было стрѣлять безошибочно и смѣло. Прошло еще десять минутъ. Всѣ ждали: канониры, смотря на тарели своихъ пушекъ; офицеры батареи, готовые привести въ исполненіе приказанія командира; матросы, приготовившіеся къ битвѣ,—всѣ ждали и горѣли нетерпѣніемъ сразиться. Можно было думать, что первые выстрѣлы раздадутся съ непріятельскихъ судовъ, такъ какъ разстояніе обезпечивало имъ полнѣйшій успѣхъ. Генрихъ д'Альбарэ все еще молчалъ. Онъ смотрѣлъ на линію, которая начинала округляться у концовъ. Бриги, находившіеся въ центрѣ и между ними тотъ, который выкинулъ черный флагъ Сакратифа,— отстояли теперь отъ корвета меньше чѣмъ на одну милю. Казалось, что если командиръ „Сифанты" не торопился стрѣлять, то скорѣе начальникъ флотиліи желалъ начать пальбу. Но можетъ-быть, онъ предпочиталъ пристать къ корвету, ни разу не выстрѣливъ по немъ, чтобы направить сотню пиратовъ на абордажъ.

Наконецъ, Генрихъ д'Альбарэ рѣшился не ждать больше, вставъ такъ, чтобы имѣть противъ себя два брига на разстояніи полумили.

— Вниманіе на палубѣ и въ батареѣ! — вскричалъ онъ.

Легкій шорохъ послышался на палубѣ, за нимъ послѣдовала глубокая тишина.

— Топить! — сказалъ Генрихъ д'Альбарэ.

Приказаніе это было тотчасъ же повторено офицерами, и канониры внимательно осмотрѣли кузовъ двухъ бриговъ, между тѣмъ, какъ палубные матросы осматривали ихъ мачты.

— Пли! — крикнулъ командиръ д'Альбарэ.

Раздался залпъ изъ одиннадцати пушекъ и трехъ каронадъ, между прочимъ, вылетѣли нѣсколько пуль, которыя предназначаются для сломки мачтъ на маленькомъ разстояніи. Какъ только разсѣялся пороховой дымъ, можно было видѣть, успѣшенъ ли былъ первый залпъ или нѣтъ. Успѣхъ не былъ полный, но все-таки не безъ послѣдствій. Одинъ изъ двухъ бриговъ, которые находились въ центрѣ линіи, былъ поврежденъ подъ грузовой ватерлиніей. Кромѣ того, нѣсколько изъ его бакштаговъ и ванъ были разбиты, его фокъ-мачта, падая, сломала флагштокъ гротъ-мачты. При этихъ условіяхъ бригъ долженъ былъ потерять нѣсколько времени, чтобы оправиться отъ поврежденій, но онъ, все-таки, еще могъ напасть на корветъ.

Два другихъ брига, расположенные на концѣ праваго и лѣваго фланга, приблизились теперь къ „Сифантѣ“ и стали поворачивать къ ней, встрѣтивъ ее сперва залпомъ своихъ орудій.

Этотъ залпъ былъ дважды несчастенъ. Бизань-мачта, лодка и еще другія болѣе или менѣе важныя принадлежности корвета были разбиты. Кромѣ того, однимъ выстрѣломъ были убиты одинъ офицеръ и два матроса, не считая нѣсколько другихъ, тяжело и опасно раненыхъ. Генрихъ д'Альбарэ сейчасъ же отдалъ приказаніе очистить ютъ. Щепки, паруса и шесты были убраны въ нѣсколько минутъ. Мѣсто очистилось, и сраженіе снова началось съ большею силой. Корветъ, находясь между двумя огнями, долженъ былъ сопротивляться съ двухъ сторонъ.

Въ это время новый залпъ раздался съ палубы „Сифанты“, и на этотъ разъ такъ счастливо, что два судна флотиліи — одна шнява и одно левантское судно сразу пошли ко дну. Экипажи имѣли только время броситься въ шлюпки, чтобы искать спасеніе на двухъ бригахъ, находившихся въ центрѣ линіи, гдѣ они и были сейчасъ же приняты.

— Ура! ура!

Это кричали матросы корвета, послѣ выстрѣла, дѣлавшаго честь канонирамъ.

— Два потонули! — сказалъ капитанъ Тодросъ.

— Да, — отвѣчалъ д'Альбарэ, — но эти плуты, которые ихъ защищали, спаслись на бригахъ, и я все еще боюсь за абордажъ, при которомъ превосходство будетъ на ихъ сторонѣ!

Въ продолженіе четверти часа еще канонада продолжалась какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Суда пиратовъ и корветъ исчезали среди бѣлаго порохового дыма, и нужно было ждать, когда онъ разсѣется, чтобы убѣдиться въ послѣдствіяхъ выстрѣловъ. Къ несчастію, эти послѣдствія были слишкомъ чувствительны для „Сифанты“. Нѣсколько матросовъ были убиты; другіе, большей частью, были сильно ранены. Одинъ французскій офицеръ, раненый прямо въ грудь, упалъ въ то время, когда командиръ ему отдавалъ приказанія. Павшіе и раненые были немедленно снесены въ кубрикъ. Хирургъ и его помощники не могли уже справляться съ перевязками и операціями, которыхъ требовало положеніе тѣхъ, которые были сражены выстрѣлами или упавшими деревянными обломками на палубѣ или въ батареѣ. Если еще и не раздавались ружейные выстрѣлы между этими судами, которыя находились другъ отъ друга на полвыстрѣла, если и не предстояло еще вынимать пули или картечи, то все-таки раны были тяжелы и ужасны. Въ этомъ случаѣ, женщины, которыя находились въ трюмѣ, не измѣнили своей обязанности. Хаджина Элизундо подала имъ примѣръ, и всѣ старались оказать помощь раненымъ, ободряя и утѣшая несчастныхъ.

Старая плѣнница изъ Скарпанто тоже вышла изъ своего темнаго уголка. Видъ крови не могъ ее ужаснуть, и, несомнѣнно, случайности жизни ее приводили уже не на одно поле битвы. При свѣтѣ лампъ кубрика, она наклонялась къ койкамъ, на которыхъ лежали раненые, помогала въ самыхъ мучительныхъ операціяхъ, и когда новый залпъ заставилъ задрожать корветъ, ни однимъ движеніемъ не подала повода думать, что эти страшные выстрѣлы могутъ ее испугать. Между тѣмъ,

приближалось время, когда экипажъ „Сифанты“ долженъ былъ начать рукопашную схватку съ пиратами. Корветъ сдѣлался мишенью перекрестныхъ выстрѣловъ. Но онъ храбро защищалъ честь своего флага. Его артиллерія производила много поврежденій въ флотиліи. Два другихъ судна, одно левантское и одна изъ фелукъ, были уничтожены. Одно пошло ко дну, а другое, пронизанное пулями, исчезло среди пламени.

Между тѣмъ, абордажъ былъ неминуемъ. „Сифанта“ могла этого избѣгнуть только прорвавъ окружавшую ее линію; но при полнѣйшемъ отсутствіи вѣтра, она этого не могла сдѣлать въ то время, какъ пираты при помощи веселъ приближались къ ней и суживали кругъ. Бригъ, бывшій подъ чернымъ флагомъ, находился на разстояніи одного пистолетнаго выстрѣла, когда онъ выпалилъ по корвету. Сломалась оковка ахтеръ-штевня на кормѣ корвета. Тогда Генрихъ д'Альбарэ приготовился встрѣтить штурмъ пиратовъ и велѣлъ сдѣлать всѣ приготовленія на случай абордажа. Какъ съ одной, такъ и съ другой стороны раздавались теперь выстрѣлы мушкетеровъ. Камнеметная мортира, мушкеты и пистолеты открыли безпрерывный огонь; пули градомъ сыпались на палубу „Сифанты“. Множество людей падало, смертельно пораженныхъ. Двадцать разъ Генрихъ д'Альбарэ былъ на волоскѣ отъ смерти; но неподвижно и спокойно стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ и отдавалъ свои приказанія съ такимъ хладнокровіемъ, какъ будто дѣло касалось простого салютованія при какомъ-нибудь смотрѣ эскадры. Въ это время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сквозь дымъ непріятели могли видѣть другъ друга лицомъ къ лицу. Громко раздавались страшныя проклятія пиратовъ. Тщетно искалъ Генрихъ д'Альбарэ на бригѣ подъ чернымъ флагомъ Сакратифа, этого страшнаго разбойника, одно имя котораго наводило ужасъ на жителей Архипелага.

Въ это время этотъ бригъ и одинъ изъ тѣхъ, которые замыкали линію, поддерживаемые слегка другими суднами, стали съ лѣвой и съ правой стороны плыть вдоль корвета, который затрещалъ подъ этимъ давленіемъ. Желѣзные крюки, переброшенные на „Сифанту“, зацѣпились за такелажъ и соединили эти три судна. Пушки должны были замолчать, но такъ какъ пушечные порты могли служить для пиратовъ свободнымъ проходомъ, то для ихъ защиты осталось нѣсколько людей, вооруженныхъ пистолетами и копьями. Такъ приказалъ командиръ всей батареѣ, въ то самое время какъ два брига сцѣпились съ корветомъ. Но вдругъ раздался крикъ со всѣхъ сторонъ, съ такою силой, что на одно мгновеніе заглушилъ собой трескъ мушкетной пальбы.

— На абордажъ! На абордажъ!

Эта битва, грудь къ груди, становилась теперь ужасной. Ни пули мортиръ, мушкетоновъ и ружей, ни удары сѣкиръ не могли помѣшать этимъ обезумѣвшимъ отъ ярости и жаждущимъ крови пиратамъ броситься на палубу корвета. Навѣсными выстрѣлами они лишали палубу возможности защищаться, несмотря на то, что и она отвѣчала на ихъ выстрѣлы.

Генрихъ д'Альбарэ увидалъ вокругъ себя нападающихъ пиратовъ. Его сѣти, находившіяся по бортамъ корвета, пропали, а разбойники, проходя съ рея на рей и отрѣзая сѣти, не обращали вниманія на то,

что нѣкоторые изъ нихъ тутъ же погибали. Стоило ли обращать на это вниманіе, вѣдь при ихъ многочисленности это было совсѣмъ не замѣтно. Экипажъ корвета, уменьшенный теперь до двухсотъ человѣкъ, долженъ былъ биться противъ шестисотъ пиратовъ. Два брига служили постоянно для перехода новымъ нападающимъ, подвозившимся шлюпками флотиліи. Это была масса, которой нельзя было противустоять. Кровь полилась рѣкой на палубѣ „Сифанты". Раненые въ предсмертной агоніи приподнимались еще, чтобы нанести послѣдній разъ ударъ кинжаломъ или выстрѣлить изъ пистолета. Все смѣшалось среди порохового дыма. Но корфіотскій флагъ не склонится, пока останется еще одинъ человѣкъ для его защиты! Въ самой серединѣ этой страшной свалки Ксарисъ бился какъ левъ. Онъ не покидалъ юта. Двадцать разъ его оружіе спасало отъ смерти Генриха д'Альбарэ, который среди всего этого смятенія оставался всегда хладнокровенъ. О чемъ онъ думалъ? О сдачѣ? Нѣтъ! Французскій офицеръ не сдастся пиратамъ. Но что же ему тогда дѣлать? Послѣдовать ли примѣру того героя Биссана, который, десять мѣсяцевъ раньше, при почти подобныхъ же условіяхъ, взорвалъ себя на воздухъ, чтобы не попасть въ руки турокъ? Уничтожитъ ли онъ вмѣстѣ съ корветомъ и тѣ два брига, которые прицѣплены у обѣихъ сторонъ „Сифанты"? Но вѣдь это значитъ предать смерти всѣхъ раненыхъ, плѣнниковъ, вырванныхъ у Николая Старко, этихъ женщинъ, этихъ дѣтей!.. Это значило пожертвовать Хаджиной! И тѣ, которыхъ пощадитъ взрывъ, если Сакратифъ имъ подаритъ жизнь, какимъ образомъ уйдутъ они на этотъ разъ отъ ужасовъ рабства?

— Берегитесь, командиръ! — вскричалъ Ксарисъ, и всталъ предъ нимъ.

Еще одна секунда, и Генрихъ д'Альбарэ былъ бы мертвъ. Но Ксарисъ схватилъ своими обѣими руками пирата, намѣревавшагося убить командира, и столкнулъ его въ море. Три раза другіе хотѣли добраться до Генриха д'Альбарэ, и всякій разъ ихъ постигала печальная участь.

Между тѣмъ, палуба корвета была совсѣмъ переполнена нападающими. Кое-гдѣ раздавались выстрѣлы, большей частью дрались холоднымъ оружіемъ, и крики заглушали выстрѣлы. Пираты, уже овладѣвшіе бокомъ, заняли все пространство до большой мачты. Мало-по-малу они отодвинули весь экипажъ къ юту. Ихъ было, по крайней мѣрѣ, десять противъ одного, что дѣлало сопротивленіе совершенно невозможнымъ. Если бы командиръ д'Альбарэ и хотѣлъ теперь взорвать корветъ, то онъ бы этого не могъ сдѣлать, такъ какъ нападающіе заняли весь входъ внутрь „Сифанты". Они разсѣялись по батареѣ и по другимъ мѣстамъ, гдѣ борьба продолжалась съ ожесточеніемъ.

Пираты всюду брали числомъ. Барьеръ, образованный изъ тѣлъ убитыхъ и раненыхъ товарищей, отдѣлялъ ихъ только отъ кормы „Сифанты". Первые ряды, тѣснимые задними, перешли этотъ барьеръ, подбавивъ къ нему еще нѣсколько труповъ. Затѣмъ, попирая эти трупы, съ ногами въ крови, они поспѣшили къ юту, гдѣ стояли пятьдесятъ матросовъ и пять или шесть офицеровъ съ капитаномъ Тодросомъ. Они окружали своего командира, рѣшившись сопротивляться до послѣдней капли крови. На этомъ узкомъ пространствѣ борьба должна была быть

отчаянной. Флагъ, упавшій вмѣстѣ съ бизань-мачтой, былъ снова прикрѣпленъ у кормы. Это было послѣднее мѣсто, которое честь требовала защищать у каждаго матроса. Но несмотря на всю ихъ рѣшимость, что могли они подѣлать противъ пяти или шестисотъ пиратовъ, которые овладѣли декомъ, палубой и марсомъ, откуда сыпались градомъ пули и гранаты?

Нападающимъ приходили на помощь все новые и новые пираты. Разбойниковъ было такъ много, что сраженіе еще совсѣмъ не ослабѣвало, между тѣмъ какъ число защитниковъ юта убавлялось съ минуты на минуту. Этотъ ютъ былъ точно крѣпость. Нужно было нѣсколько разъ приступать, и кровь лилась рѣкой. Но, наконецъ, онъ былъ взятъ! Защитники должны были отступить до гакборта, гдѣ они группировались вокругъ флага. Между ними стоялъ Генрихъ д'Альбарэ, съ кинжаломъ въ одной и съ пистолетомъ въ другой рукѣ, и наносилъ послѣдніе удары.

Нѣтъ, командиръ корвета не сдался! Онъ былъ подавленъ числомъ. Тогда онъ хотѣлъ умереть... Но напрасно! Казалось, что тѣмъ, которые нападали, былъ отданъ тайный приказъ взять его живымъ, — приказъ, стоившій жизни двадцати пиратамъ, павшимъ отъ руки Ксариса.

Генрихъ д'Альбарэ былъ взятъ съ тѣми офицерами, которые остались еще въ живыхъ. Ксарисъ и другіе матросы не могли дальше бороться. Флагъ „Сифанты" не развѣвался больше на кормѣ!

Въ то же самое время крики, восклицанія ура, раздавались со всѣхъ сторонъ. Это побѣдители встрѣчали своего начальника.

— Сакратифъ!.. Сакратифъ!..

Сакратифъ появился на бортѣ корвета. Толпа корсаровъ раздалась, чтобъ дать ему мѣсто. Онъ шелъ тихо къ кормѣ, попирая ногами тѣла убитыхъ, не обращая на нихъ даже вниманія. Затѣмъ, взошедши по окровавленной лѣстницѣ, онъ направился къ Генриху д'Альбарэ. Командиръ „Сифанты" могъ теперь разсмотрѣть того, кого толпа пиратовъ встрѣтила именемъ Сакратифа.

Это былъ Николай Старко.

ГЛАВА XV.

Развязка.

Битва между флотиліей и корветомъ продолжалась болѣе двухъ съ половиной часовъ. Со стороны нападавшихъ около ста-пятидесяти человѣкъ были ранены или убиты, почти столько же и изъ экипажа „Сифанты". Эти цифры говорятъ о томъ ожесточеніи, съ которымъ дрались оба врага. Но, въ концѣ концовъ, храбрость была побѣждена численнымъ превосходствомъ. Генрихъ д'Альбарэ, его офицеры, матросы и пассажиры были въ рукахъ безжалостнаго Сакратифа. Сакратифъ, или Старко, былъ на самомъ дѣлѣ одинъ и тотъ же человѣкъ; но до сихъ поръ никто еще не зналъ, что подъ этимъ именемъ скрывался грекъ, сынъ Маньи, измѣнникъ, нажившійся отъ притѣснителей. Да! это былъ Николай Старко, который командовалъ этою флотиліей, страш-

ные успѣхи которой наводили ужасъ на моря Архипелага! Это былъ онъ; онъ къ презрѣнному промыслу пирата присоединялъ еще болѣе презрѣнную и гнусную торговлю! Это былъ онъ, который продавалъ этимъ варварамъ, этимъ невѣрнымъ, своихъ соотечественниковъ, ускользнувшихъ отъ рѣзни свирѣпыхъ турокъ. Онъ — Сакратифъ! И это прозвище принадлежало сыну Андроники Старко.

Сакратифъ, такъ будемъ его называть теперь, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ островъ Скарпанто центромъ своихъ операцій. Тамъ, въ глубинѣ неизвѣстныхъ бухтъ восточнаго берега, находились главнѣйшія стоянки его флотиліи, находились его соратники, слѣпо повиновавшіеся ему, и отъ которыхъ онъ могъ все требовать, что касалось насилія и отважности; здѣсь они составляли экипажи для двадцати судовъ, которыми командовалъ безспорно онъ одинъ. Покинувъ Корфу, Сакратифъ направилъ „Каристу" прямо къ берегамъ Скарпанто, намѣреваясь снова начать свое разбойничество, въ надеждѣ встрѣтить корветъ, который на его глазахъ приготовлялся къ выходу въ море, и предназначеніе котораго онъ зналъ. Между тѣмъ, заботясь всецѣло о „Сифантѣ", онъ нимало не отказывался отъ желанія найти Хаджину Элизундо и ея милліоны, а также отомстить Генриху д'Альбарэ. Тогда флотилія пиратовъ стала отыскивать корветъ; но несмотря на то, что Сакратифъ весьма часто слыхалъ о немъ и о томъ страхѣ, который онъ нагналъ на пиратовъ сѣвернаго Архипелага, онъ никакъ не могъ напасть на его слѣды. Не онъ, какъ это говорили, командовалъ въ битвѣ при Лемносѣ, гдѣ капитанъ Страдена обрѣлъ геройскую смерть; но тотъ, который на саколэвѣ, пользуясь битвой, которая разгорѣлась между корветомъ и пиратами, скрылся изъ Тазосской гавани, былъ онъ самъ. Но только въ то время онъ не зналъ еще, что „Сифанта" находится подъ командой Генриха д'Альбарэ; это стало ему извѣстно только тогда, когда онъ увидалъ его на базарѣ Скарпанто. Сакратифъ, покинувъ Тазосъ, бросилъ якорь въ Смирнѣ и отплылъ отсюда только за сорокъ-восемь часовъ до прибытія корвета. Мнѣніе, что саколэвъ долженъ былъ направиться къ Криту, не было ошибочно. Тамъ, въ гавани Грабузѣ, ожидалъ бригъ, который долженъ былъ отвезти Сакратифа въ Скарпанто. Корветъ замѣтилъ его нѣсколько времени послѣ его выхода изъ Грабузы и сталъ преслѣдовать, но никакъ не могъ его настигнуть. Сакратифъ узналъ „Сифанту". Первой мыслью его было напасть на корветъ, взять его посредствомъ абордажа и удовлетворить свою злобу, уничтоживъ его совершенно. Но пораздумавъ, онъ порѣшилъ, что лучше допустить себя преслѣдовать вдоль критскаго побережья, завлечь корветъ до острова Скарпанто и затѣмъ исчезнуть въ одномъ изъ убѣжищъ, только для него одного извѣстныхъ.

Это было имъ сдѣлано, и начальникъ пиратовъ приготовилъ свою флотилію къ нападенію на „Сифанту", какъ нѣкоторыя обстоятельства ускорили развязку этой драмы.

Извѣстно уже, что случилось, зачѣмъ Сакратифъ прибылъ на базаръ Аркассы, и какъ онъ, найдя Хаджину Элизундо между плѣнниками бадистана, увидалъ себя лицомъ къ лицу съ Генрихомъ д'Альбарэ, командиромъ корвета. Сакратифъ, предполагая, что Хаджина все еще обладаетъ милліонами корфіотскаго банкира, хотѣлъ во что бы то ни стало овладѣть ею... Вмѣшательство Генриха д'Альбарэ лишало его возможности

исполнить свои намѣренія. Рѣшившись болѣе чѣмъ когда-либо овладѣть Хаджиной Элизундо, отомстить своему сопернику и уничтожить корветъ, онъ увлекъ Сакратифа и появился на западномъ берегу острова. Что Генрихъ д'Альбарэ желалъ непосредственно покинуть Скарпанто, чтобы возвратить несчастныхъ плѣнниковъ ихъ родинѣ, это не подлежало сомнѣнію. Флотилія была почти вся налицо и на другой же день она вышла въ море. Обстоятельства ей благопріятствовали, и „Сифанта" попала въ ея власть. Когда Сакратифъ взошелъ на палубу корвета, было три часа вечера. Вѣтеръ усиливался, что позволяло другимъ судамъ встать на ихъ мѣста такъ, чтобы ихъ пушки были направлены противъ „Сифанты". Что касается двухъ бриговъ, прицѣпленныхъ по обѣимъ сторонамъ корвета, то они должны были ждать, когда ихъ начальникъ отдастъ приказаніе отплывать. Но теперь онъ объ этомъ вовсе не думалъ, и сотня пиратовъ оставалась съ нимъ на палубѣ побѣжденнаго судна. Сакратифъ еще не начиналъ говорить съ командиромъ д'Альбарэ. Онъ удовольствовался тѣмъ, что переговорилъ съ Скопело, который велѣлъ отвести плѣнниковъ, офицеровъ и матросовъ къ люку. Тамъ ихъ соединили съ ихъ сотоварищами, которые были схвачены въ батареѣ и каютахъ. Затѣмъ всѣхъ ихъ свели въ трюмъ. Какая участь ожидала ихъ? Несомнѣнно, самая страшная смерть уничтожитъ ихъ, уничтожая „Сифанту"!

На ютѣ остались только Генрихъ д'Альбарэ и капитанъ Тодросъ, обезоруженные и связанные.

Сакратифъ, окруженный дюжиной пиратовъ, шагнулъ по направленію къ нимъ.

— Я не зналъ, — сказалъ онъ, — что „Сифанта" находится подъ командой Генриха д'Альбарэ! Если бы это я зналъ, то я не замедлилъ бы дать ему сраженіе въ моряхъ Крита и лишить его такимъ образомъ возможности конкурировать съ отцами ордена Благодати на базарѣ Скарпанто!

— Если бы Николай Старко подождалъ насъ въ моряхъ Крита, то онъ давнымъ давно былъ бы повѣшенъ на мачтѣ „Сифанты".

— Правда? — возразилъ Сакратифъ. — Короткая и немедлящая справедливость...

— Да!.. справедливость, достойная предводителя пиратовъ.

— Берегитесь, Генрихъ д'Альбарэ, — вскричалъ Сакритифъ, — берегитесь! Мачта еще цѣла, и мнѣ только стоитъ сдѣлать знакъ...

— Дѣлайте!

— Офицера не вѣшаютъ! — вскричалъ капитанъ Тодросъ. — Его разстрѣливаютъ! Эта подлая смерть...

— Не правда ли, единственная, которой можетъ надѣлить подлецъ? — прибавилъ Генрихъ д'Альбарэ.

При этомъ послѣднемъ словѣ Сакратифъ сдѣлалъ знакъ, значеніе котораго очень хорошо было извѣстно пиратамъ.

Это былъ смертный приговоръ.

Пять или шесть человѣкъ бросились на Генриха д'Альбарэ, въ то время какъ другіе держали капитана Тодроса, силившагося разорвать веревки. Командира „Сифанты" потащили на носъ корвета среди са-

мыхъ угрожающихъ возгласовъ. Еще нѣсколько секундъ, и гнусный актъ совершился бы надъ французскимъ офицеромъ, какъ вдругъ на палубѣ появилась Хаджина Элизундо. Молодая дѣвушка была приведена по приказанію Сакратифа. Она знала, что предводитель пиратовъ — Николай Старко; но ни ея спокойствіе ни гордость не должны

Андроника испустила крикъ. (Стр. 139.)

были ей измѣнить. Прежде всего ея глаза стали искать Генриха д'Альбарэ. Она не знала, что онъ остался въ живыхъ. И она его увидала!.. Онъ живъ... живъ, чтобы вынести послѣднюю пытку!

Хаджина кинулась къ нему.

— Генрихъ!.. Генрихъ!..

Пираты хотѣли ее остановить, когда Сакратифъ, который направлялся къ носу корабля, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Ха-

джины и Генриха д'Альбарэ. Онъ смотрѣлъ на нихъ съ убійственною ироніей.

— Вотъ, Хаджина Элизундо во власти Николая Старко, — сказалъ онъ, скрещивая руки. — Итакъ, въ моихъ рукахъ наслѣдница богатаго корфіотскаго банкира.

— Наслѣдница корфіотскаго банкира, но не наслѣдство, — холодно отвѣтила Хаджина.

Сакратифъ не могъ понять смысла этихъ словъ и продолжалъ:

— Я льщу себя надеждой, что невѣста Николая Старко не откажетъ ему въ рукѣ, найдя его снова подъ именемъ Сакратифа!

— Я! — вскричала Хаджина.

— Вы, — отвѣчалъ Сакратифъ еще съ большею ироніей. — Что вы признательны благородному командиру „Сифанты" за то, что онъ васъ выкупилъ, это хорошо. Но что онъ сдѣлалъ, я *старался* сдѣлать! Это ради васъ, а не ради этихъ плѣнниковъ, я пожертвовалъ своимъ состояніемъ! Еще одно мгновеніе, и я сдѣлался бы вашимъ обладателемъ... и... и скорѣе вашимъ рабомъ, прекрасная Хаджина!

Говоря такимъ образомъ, Сакратифъ шагнулъ впередъ. Молодая дѣвушка тѣснѣе прижалась къ Генриху д'Альбарэ.

— Несчастный! — вскричала она.

— Да, очень даже несчастный, Хаджина, — отвѣчалъ Сакратифъ. — И на ваши милліоны разсчитываю я выбраться изъ несчастія!

При этихъ словахъ молодая дѣвушка подошла къ Сакратифу.

— Николай Старко, — сказала она спокойнымъ голосомъ, — у Хаджины Элизундо нѣтъ больше того громаднаго состоянія, за которымъ вы гонитесь! Это состояніе она истратила на то, чтобы поправить то зло, которое ея отецъ причинилъ, чтобы добыть себѣ эти милліоны! Николай Старко, Хаджина Элизундо теперь еще бѣднѣе, чѣмъ самый послѣдній изъ этихъ несчастныхъ, которые перевозились „Сифантой" на родину!

Это неожиданное открытіе произвело сильное впечатлѣніе на Сакратифа. Его положеніе внезапно перемѣнилось. Огонь ярости блеснулъ въ его глазахъ. Да, онъ разсчитывалъ еще на тѣ милліоны, которые Хаджина пожертвовала бы, чтобы спасти Генриха д'Альбарэ. И отъ этихъ милліоновъ, — она сказала это такимъ тономъ, что нельзя было ей не вѣрить, — для него теперь ничего больше не оставалось.

Сакратифъ смотрѣлъ то на Хаджину, то на Генриха д'Альбарэ.

Скопело наблюдалъ за нимъ, зная его довольно, чтобы предугадать развязку этой драмы. Кромѣ того, ему уже были даны приказанія относительно уничтоженія корвета, и онъ ждалъ только знака, чтобы привести ихъ въ исполненіе.

Сакратифъ повернулся къ нему.

— Иди, Скопело! — сказалъ онъ.

Скопело, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, сошелъ съ лѣстницы, которая вела въ батарею, и направился къ пороховымъ бочкамъ, находившимся на кормѣ „Сифанты". Въ это же время Сакратифъ отдалъ приказаніе возвратиться на палубы тѣхъ двухъ бриговъ, которые еще были прицѣплены къ сторонамъ корвета. Генрихъ д'Альбарэ все понялъ. Не только его смертью, но и смертью сотни другихъ

несчастныхъ Сакратифъ хотѣлъ удовлетворить свою месть. Уже два брига сняли свои крюки и стали удаляться, наполняя паруса, которые помогали ихъ весламъ при плаваніи. Изо всѣхъ пиратовъ только двадцать остались на палубѣ корвета. Ихъ шлюпки ожидали ихъ и Сакратифа около „Сифанты“.

Въ эту минуту Скопело и его товарищи появились на палубѣ.

— Отплывай! — сказалъ Скопело.

— Отплывай! — вскричалъ Сакратифъ страннымъ голосомъ. — Черезъ нѣсколько минутъ никто больше не останется на этомъ проклятомъ суднѣ! А! вы не хотѣли умереть позорной смертью... Генрихъ д'Альбарэ! Хорошо! Взрывъ не пощадитъ ни плѣнниковъ, ни экипажа, ни офицеровъ „Сифанты“! Благодари меня, что я тебя надѣляю такой смертью, въ такомъ хорошемъ обществѣ!

— Да, благодари его, Генрихъ, — сказала Хаджина, — благодари его! По крайней мѣрѣ, мы умремъ вмѣстѣ!

— Ты умрешь, Хаджина? — отвѣчалъ Сакратифъ. — Нѣтъ! ты будешь жить и будешь моею рабой... моею рабой!.. слышишь ты!..

— Презрѣнный! — вскричалъ Генрихъ д'Альбарэ.

Молодая дѣвушка тѣснѣе прижалась къ нему. Она и во власти этого человѣка!

— Берите ее! — приказалъ Сакратифъ!

— И отплывай! — прибавилъ Скопело. — Теперь какъ разъ время!

Два пирата кинулись на Хаджину и оттащили ее къ борту корвета.

— И теперь, — вскричалъ Сакратифъ, — пусть погибнутъ всѣ съ „Сифантой“, всѣ!..

— Да!.. всѣ... и съ ними твоя мать!

Это была старая плѣнница, которая показалась теперь на палубѣ съ открытымъ лицомъ.

— Моя мать!.. Къ борту!.. — вскричалъ Сакратифъ.

— Твоя мать, Николай Старко, — отвѣчала Андроника, — и отъ твоихъ рукъ я погибну!

— Оттащите ее!.. Берите! — кричалъ Сакратифъ.

Нѣкоторые изъ его сотоварищей бросились къ Андроникѣ. Но въ это время на палубѣ появились тѣ оставшіеся въ живыхъ пассажиры „Сифанты“, которые выбрались изъ трюма и бросились на пиратовъ.

— Ко мнѣ!.. ко мнѣ!.. — вскричалъ Сакратифъ.

Пираты, которые были еще на палубѣ, поспѣшили къ нему на помощь. Но при видѣ матросовъ, вооруженныхъ копьями и кинжалами, онъ понялъ, что все потеряно. Но, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которыхъ онъ ненавидѣлъ, погибнутъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Лети же на воздухъ, проклятый корветъ! — вскричалъ онъ.

— Взлетѣть на воздухъ нашей „Сифантѣ“?.. Никогда!..

Это былъ Ксарисъ, который появился, держа въ рукахъ зажженный фитиль, оторванный имъ у одной изъ пороховыхъ бочекъ. Затѣмъ, ударивъ Сакратифа топоромъ, онъ убилъ его на мѣстѣ.

Андроника испустила крикъ. Все, что могло остаться отъ материнскаго чувства въ ея сердцѣ, даже послѣ стольких преступленій, все вылилось въ этомъ крикѣ. Она хотѣла отвратить этотъ ударъ, который

уложилъ ея сына... Потомъ она приблизилась къ Николаю Старко, склонилась предъ нимъ на колѣни, чтобы сказать ему послѣднее прости... и упала около него.

Генрихъ д'Альбарэ подошелъ къ ней.

— Умерла!— сказалъ онъ.— Богъ проститъ сыну изъ милосердія къ матери!

Между тѣмъ, нѣкоторые изъ пиратовъ, которые сидѣли въ шлюпкѣ, живо направились къ одному изъ бриговъ. Вѣсть о смерти Сакратифа скоро распространилась. Нужно было отомстить за него, и пушки флотиліи снова начали палить по „Сифантѣ". На этотъ разъ Генрихъ д'Альбарэ напрасно принялъ командованіе. Сотня человѣкъ, оставшаяся изъ его экипажа, встала около пушекъ и побѣдоносно отвѣчала на залпы пиратовъ. Скоро одинъ изъ бриговъ, тотъ самый, который находился подъ чернымъ флагомъ, пошелъ ко дну среди страшныхъ проклятій бандитовъ.

— Славно, братцы! — вскричалъ д'Альбарэ. — Мы спасемъ нашу „Сифанту"!

И битва продолжалась, но Сакратифа больше не было, чтобы увлечь своихъ пиратовъ, и они не рѣшались на вторичный абордажъ. Вскорѣ осталось только пять судовъ изо всей флотиліи.

Пушки „Сифанты" могли легко открыть въ нихъ течь. Но, пользуясь хорошимъ вѣтромъ, они пустились въ бѣгство.

— Да здравствуетъ Греція!— вскричалъ Генрихъ д'Альбарэ, между тѣмъ какъ флагъ „Сифанты" снова сталъ развѣваться на гротъ-мачтѣ.

— Да здравствуетъ Франція! — отвѣчалъ весь экипажъ, соединяя эти два имени, которыя такъ тѣсно были связаны въ продолженіе войны за независимость.

Было пять часовъ вечера. Несмотря на сильную усталость, никто не хотѣлъ отдыхать, прежде чѣмъ „Сифанта" снова могла бы поплыть. Къ реѣ привязали запасные паруса, положили шкало на мачты, изготовили новыя гардели, поправили руль, и въ тотъ же вечеръ „Сифанта" снова направлялась на сѣверо-западъ. Тѣло Андроники Старко, положенное на ютѣ, охранялось съ уваженіемъ, котораго требовала память о ея патріотизмѣ. Генрихъ д'Альбарэ хотѣлъ похоронить останки этой отважной женщины въ ея родной странѣ. Что касается трупа Николая Старко, то къ нему привязали ядро и спустили въ море, которое онъ такъ долго возмущалъ своими разбойничествами. 24 часа спустя, 7-го сентября, около шести часовъ вечера, „Сифанта" показалась вблизи Эмны и вошла въ гавань, послѣ годового похода, который возстановилъ спокойствіе въ моряхъ Греціи. Тутъ раздались милліоны ура пассажировъ. Затѣмъ д'Альбарэ простился съ офицерами и экипажемъ корвета и передалъ капитану Тодросу командованіе корветомъ, который Хаджина приносила въ даръ правительству. Нѣсколько дней спустя, среди множества населенія, экипажа, офицеровъ и плѣнниковъ, возвращенныхъ теперь ихъ родинѣ, отпраздновали свадьбу Генриха д'Альбарэ и Хаджины Элизундо. На другой день оба уѣхали во Францію вмѣстѣ съ Ксарисомъ; но они разсчитывали еще разъ возвратиться въ Грецію, если обстоятельства это позволили бы. Кромѣ того, эти моря уже совершенно были очищены отъ пиратовъ, и на нихъ водворилось полнѣйшее спокойствіе. „Сифанта", подъ командованіемъ капитана Тод-

роса, никогда больше не нашла слѣдовъ того чернаго флага, который исчезъ вмѣстѣ съ Сакратифомъ. Это не былъ больше Архипелагъ въ огнѣ: это былъ Архипелагъ потухшій, снова открытый для торговли самого далекаго Востока.

Греческое королевство, благодаря геройству его дѣтей, не замедлило стать на ряду съ свободными государствами Европы. 22 марта 1829 г. султанъ подписалъ конвенцію съ соединенными державами. 22 сентября битва при Петра утвердила побѣду грековъ. Въ 1832 г. лондонскій договоръ предоставилъ корону принцу Оттону Баварскому. Греческое королевство окончательно утвердилось. Около этого же времени Генрихъ и Хаджина д'Альбарэ снова обставились хорошими средствами въ этой странѣ; но что имъ еще нужно было, чтобы быть счастливыми, когда счастіе было въ нихъ самихъ!

КОНЕЦЪ.

конец.

Оглавленіе.

